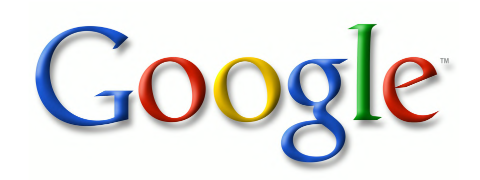

Sm 945
16

Slovanská knihovna
SLOVANSKÁ KNIHOVNA
3186142144

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Медицинскаго Департамента Мин. Внут. Дѣлъ.

1824 года.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи, печатать позволено съ тѣмъ, чтобы до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія оныхъ, куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Сентября 12 дня 1824 года.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Поликарпъ.

I.

Святителя Аѳанасія Великаго, Патріарха Александрійскаго,

Жизнь и дѣянія святыя и славныя Матери нашея Синклитикіи.

Всѣ люди должны имѣть свѣдѣнія о добрыхъ дѣлахъ, дабы такимъ образомъ познавъ оныя, не имѣли преткновенія въ жизни. Ибо отъ невѣждъ сокрыто много пользы; и съ ними бываетъ то, что умъ ихъ становится тупымъ отъ бездѣйствія. Часто также и многоцѣнные бисеры переходили къ мужамъ бѣднымъ и презрѣннымъ; а тѣ, которые не имѣли о нихъ точнаго познанія, отвергнули оные, какъ вещи малознающія и ничтожныя. Такъ на примѣръ мы, имѣя душу младенческую, необученную, неопы-

*

тную, когда нашли сей бисеръ, не видѣли въ немъ ничего драгоцѣннаго, смотря на одну поверхность его, и будучи далеки отъ познанія сущности онаго. Но когда мы мало помалу изъ того, что уже близко къ концу, научились познавать драгоцѣнность его; тогда и въ насъ при воззрѣніи на него раждалась къ нему Божественная любовь: ибо самыя вещи возжигали ее въ сердцахъ нашихъ.

Но для чего я говорю о семъ, и самаго себя поставляю въ число людей опытныхъ, какъ будто мы что—нибудь знаемъ и можемъ говорить о славной Синклитикіи? Я думаю, что, для описанія славныхъ дѣлъ ея, недостанетъ всего человѣческаго разума. Но естьли кто нибудь и покусится говорить о ней, тотъ далеко и на пространство неизмѣримое отстанетъ отъ предмета, хотя бы онъ былъ человѣкъ мудрый и разумный. Ибо какъ тѣ, которые захотѣли бы пристально смотрѣть на солнце, повреждаютъ зрѣніе: равнымъ образомъ и тѣ, которые усиливаются взирать на жизнь ея, помрачившись отъ блеска славныхъ дѣлъ

ея, отвращають глаза, и, изнемогая въ силахъ, подвергаются разстройству мыслей.

Но мы, изыскивая по своимъ силамъ то, что относится къ жизни ея, и пользуясь краткими сказаніями современниковъ о первыхъ лѣтахъ ея, и отчасти слабо освѣщаясь свѣтомъ самыхъ дѣлъ оной, приступимъ къ повѣствованію, пріуготовляя для самихъ себя спасительное брашно. А говорить о ней по достоинству, не только для насъ невозможно, но и для многихъ трудно.

Та, которая носитъ одно названіе съ Синклитомъ небеснымъ, происходитъ изъ страны Македонской. Когда услышали предки ея, что Александріане Боголюбивы и Христолюбивы, то отправились изъ Македоніи въ городъ Македонянина (построенный Македоняниномъ). Прибывъ въ страну ихъ, и увидѣвъ на самомъ дѣлѣ болѣе, нежели сколько знали по слуху, охотно тамъ жили. Не увеселялись они множествомъ народа, не удивлялись великолѣпію зданій; но нашедши простую вѣру съ искреннею лю-

ѳовію, уже не возвращались въ собствен-ное свое отечество.

Блаженная Синклитикія была славнаго рода и имѣла другія удовольствія-тѣ, которыя въ мірѣ почитаются за удовольствія. Она имѣла единодушную сестру и двухъ братьевъ, которые также воспитаны были весьма строго. Одинъ изъ нихъ скончался въ юношескомъ возрастѣ; а другаго, когда онъ достигъ двадцати пяти лѣтъ, родители назначили къ браку; и когда уже все было приготовлено къ дѣлу, и по обыкновенію сдѣлано было условіе, вырвался юноша, какъ птица изъ сѣтей, и на земную невѣсту промѣнялъ общество святыхъ непорочное и свободное.

Находясь еще подъ надзоромъ родительскимъ, она болѣе всего упражняла душу свою въ любви къ Богу; а о тѣлѣ старалась столько, сколько нужно было для удовлетворенія естественнымъ нуждамъ.

Будучи непорочна душею, она была и по тѣлу прекрасна, такъ что при первомъ воз-

растѣ ея приступали къ ней многіе женихи, частію прельщаясь богатствомъ, частію привлекаясь знаменитостію родителей, но болѣе всего плѣняясь самою красотою отроковицы. Родители ея усильно склоняли ее на бракъ, умоляя тѣмъ самимъ, чтобы она продолжила ихъ поколѣніе. Но бывъ благоразумна и благородна по духу, она никакъ не соглашалась на таковыя ихъ представленія, и, слушая о мірскомъ бракѣ, еще болѣе помышляла о жизни Божественной; и отвергнувъ многихъ жениховъ, преклонилась на сторону одного Жениха небеснаго.

И вотъ, у блаженной Ѳеклы явилась настоящая ученица, слѣдующая съ нею однѣмъ и тѣмъже правиламъ; ибо у обѣихъ былъ одинъ женихъ—Христосъ, и у той и другой одинъ былъ споручникъ—Павелъ. Я думаю, что у нихъ и брачный чертогъ не былъ отдѣльный: ибо у нихъ было одно ложе—церковь. Одинъ Давидъ воспѣваетъ для обѣихъ чистыя и Божественныя пѣсни, согласными кимвалами увеселяетъ души, преданныя Богу, и на тимпанахъ и десятострунныхъ псалтиряхъ играетъ плѣнительныя

образомъ. А Марія при сихъ священныхъ сочетаніяхъ выводитъ хоръ плясавицъ, которыя припѣваютъ: *Поимъ Господеви, славно бо прославися.* Исх. 15, 1. На семъ божественномъ бракѣ и яствы для пиршествующихъ были однѣ и тѣже: *Вкусите и видите, какъ благъ Господь!* Пс. 33, 9. И изъ брачныхъ одеждъ была одна ткань: *Елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся.* Гал. 3, 27. Ихъ любовь къ Господу была одинакова: ибо онѣ не только удостоились однихъ и тѣхъ же даровъ; но совершали одни и тѣже подвиги. Мученичество блаженнныя Θеклы всѣмъ было извѣстно: она сражалась съ огнемъ и лютыми звѣрями. Но думаю, что отъ многихъ не скрылись и другой похвальные труды и подвиги. Поелику одинъ Спаситель былъ для нихъ *желаніе*, то явно, что и одинъ діаволъ былъ для нихъ ненавистенъ. Но въ Θеклѣ я примѣчаю труды умереннѣе: ибо тутъ внѣшними оружіями низложена ярость врага; а тамъ выказываетъ онъ величайшую злость свою, возбуждая внутри зловредные помыслы. —

Не увеселяли зрѣнія ея ни одежды изъ различныхъ тканей, ни цвѣты многоцѣнныхъ камней. Кимвалъ не обольщалъ слуха ея и свирѣль не могла поколебать твердости души ея. Не трогали ее слезы родителей, ни другое какое-либо увѣщаніе родныхъ; но имѣя духъ, подобный адаманту, не перемѣнилась въ умѣ, и затворивъ на подобіе дверей всѣ чувства души своей, бесѣдовала единственно только съ Женихомъ своимъ, говоря сіи слова Писанія: *Я брату моему и братъ мой мнѣ*; Пѣс. 2, 16. и естьли гдѣ были худые и вредные разговоры, отъ такихъ бѣгала, заключая себя во внутренніе покои души. А гдѣ случались хорошія и полезныя наставленія, тамъ отверзала весь свой умъ для принятія того, о чемъ говорили.

Она не позабыла также и о спасительномъ лѣкарствѣ для тѣла. Такъ она любила постъ, что никакая вещь не могла быть ей столько любезнѣе. Она почитала его защитою и основаніемъ прочихъ добродѣтелей; и естьли когда по необходимости принимала пищу не въ надлежащее время:

то ощущала не такія слѣдствія, какія ощущають вкушающіе пищу; она измѣнялась. Лице ея становилось блѣдно и полнота тѣлесная изчезала. Ибо естьли движущему наносится ударъ, то вмѣстѣ и движимое принимаетъ другое направленіе. Въ какомъ положеніи начало, въ такомъ же точно состояніи и всё зависящее отъ него. Кто съ охотою вкушаетъ пищу, у того тучна плоть; но кто не съ охотою ѣстъ, тотъ нетученъ и сухъ тѣломъ. Свидѣтели моимъ словамъ нездоровые. Такимъ образомъ Блаженная, стараясь быть немощною по тѣлу, хранила въ душѣ здравіе. Она слѣдовала словамъ Апостола: *Сколько внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, столько внутренній обновляется.* 2 Кор. 4, 16. Такъ-то она подвизалась, тайно отъ всѣхъ! Послѣ того, какъ скончались ея родители, она, болѣе исполнившись силою Духа Божія, беретъ съ собою сестру, которая лишена была зрѣнія, оставляетъ родительскій домъ и поселяется въ памятникѣ родственника своего, удаленномъ отъ города. Распродавъ все оставшееся ей имѣніе и раздавъ нищимъ, призвала нѣкоего Пресвитера и остригла се-

ѣѣ волосы. Тогда оставила все украшенія; ибо въ обычаѣ у женъ, называть волосы красотою. Это дѣйствіе было символомъ того, что въ душѣ ея не было никакого излишка и никакой прикрасы; и тогда-то въ первый разъ она удостоилась названія дѣвицы.

Раздавъ все имѣніе свое бѣднымъ, она говорила: Я удостоена великаго имени и не знаю, чѣмъ достойно воздать ущедрившему меня! Ибо естьли и въ мірѣ для достоинства преходящаго отвергаютъ все свое имѣніе, то не болѣе ли должно мнѣ, удостоенной толикой благодати, вмѣстѣ съ такъ называемыми благами, пожертвовать и тѣломъ? Но что я говорю, отдать имѣніе, или тѣло, когда все Его! Ибо *Господня есть земля и исполненіе ея.* Сими словами водворивъ въ себѣ смиренномудріе, жила въ безмолвіи.

Находясь еще въ отеческомъ домѣ, она довольно предуготовилась къ трудамъ и во цвѣтѣ лѣтъ преуспѣвала въ добродѣтеляхъ. Которые безъ пріуготовленія и размышленія приступили къ сей Божественной тай-

нѣ, тѣ не получили желаемаго; потому что не предусмотрѣли всего въ точности. Но какъ намѣревающіеся путешествовать прежде заботятся о путевомъ содержаніи, такъ и она, запасшись прежними трудами, какъ путевымъ содержаніемъ, безъ боязни шла далѣе. Заготовивъ все то, что нужно, для зданія жилища, она построила крѣпость съ надежными укрѣпленіями. И хотя извѣстно, что строеніе домовъ совершается изъ внѣшнихъ матеріаловъ, но она не такъ сдѣлала. Ибо не собирала матеріала извнѣ, но что еще болѣе, вынесла и тотъ, который былъ внутри. Раздавъ имѣніе свое бѣднымъ, оставивъ гнѣвъ и злопомненіе, отринувъ зависть и любочестіе, она создала себѣ домъ на камнѣ, котораго стѣны тверды, и зданіе не подвержено перемѣнѣ.

Но что много говорить? Началомъ своимъ она превзошла и тѣхъ, которые состарѣлись въ монашеской жизни. Ибо какъ дѣти съ лучшими дарованіями, обучаясь еще начальнымъ основаніямъ, оспориваютъ возрастнѣйшихъ и болѣе времени находя-

щихся у учителей; такъ и она, будучи сильна въ духѣ, обогнала другихъ.

Но мы не въ силахъ говорить о ея дѣятельной и подвижнической жизни: потому что она никому не дозволяла быть зрителемъ оной, и не желала, чтобъ были провозвѣстники ея славныхъ дѣлъ. Не столько она тщилась дѣлать добро, сколько старалась его скрывать и утаивать. А сіе дѣлала она не по зависти, но по внушенію Божественной благодати. Потому что носила въ умѣ сіе изреченіе Господа: *Чтобы лѣвая рука твоя невѣдала, что дѣлаетъ правая.* Мат. 6, 3. Такимъ образомъ она тайно совершала дѣла званія своего.

Отъ самыхъ младыхъ лѣтъ до возрастныхъ не только сама избѣгала обращенія со всякимъ мужескимъ лицемъ, но всегда предостерегала и полъ свой, по симъ двумъ причинамъ, дабы или не прославиться высотою подвижничества, или по нуждѣ какой — не удалиться отъ добродѣтели.

Такимъ образомъ она обуздывала первые порывы, не позволяя имъ увлекаться тѣлесными пожеланіями. Но у себя, подобно какъ у вѣтвистаго дерева, отрубала безплодные сучья, и тернистые отростки искусно подрѣзывала постомъ и молитвою; и естьли какой нибудь изъ нихъ чуть только возникалъ, то употребляла для нихъ различныя наказанія, изнуряя тѣло свое различными трудами.

Не только довольствовалась малымъ количествомъ хлѣба, но и скудною мѣрою воды. Когда врагъ воздвигалъ противу нея войну, то прежде всего молитвою призывала на помощь Господа своего, не надѣясь однимъ подвижничествомъ утолить ярость льва. На сіи призыванія приходилъ Господь, и непріятель убѣгалъ. Но часто врагъ продолжалъ войну, и Господь не прогонялъ человѣкоубійцу, дабы тѣмъ самымъ умножить подвигъ добродѣтельной души. А она отсрочкою даровъ болѣе получала силъ, нужныхъ къ побѣдѣ надъ врагомъ. Ибо недовольно ей было умерщвлять себя скудною пищею, она старалась запретить себѣ все то, что

соединено съ удовольствіемъ. Вкушала хлѣбъ отрубяный, а воды иногда и совсѣмъ не принимала. Спала на полу, доколѣ свирѣпствовала брань. Вотъ, какими орудіями она противудѣйствовала! Облекалась молитвою, какъ оружіемъ и щитомъ. Шлемъ ея состоялъ изъ вѣры, надежды и любви. Но вѣра предшествовала прочимъ, сосредоточивая всѣ силы души ея. Къ сему присовокуплялось милосердіе, совершаемое естьли не дѣломъ, то мыслію.

И такъ, когда отъ сихъ оружій врагъ претерпѣвалъ пораженіе, она облегчала себѣ трудное подвижничество. Сіе дѣлала для того, чтобы не привесть въ совершенное разслабленіе тѣлесные члены. А это есть предзнаменованіе несчастія. Ибо когда не будешъ оружія, то чѣмъ будешъ оборонятъся воинъ на сраженіи? Нѣкоторые, изнурившіе себя неумѣреннымъ и безразсуднымъ пощеніемъ, нанесли себѣ смертельный ударъ, и, будучи во власти непріятеля, погубили себя. Но она не такъ поступала, а все дѣлала съ разборчивостію. Она сильно противодѣйствовала врагу молитвою и подви-

жничествомъ, но когда корабль ея плылъ при тишинѣ, тогда прилагала попеченіе и о тѣлѣ. Ибо мореходцы, при бурѣ и волненіи, остаются голодными, противоставляя все свое искусство очевидной опасности. Но какъ скоро они останутся живы, то заботятся и о другомъ спасеніи. Они не все время употребляютъ на защиту отъ волненія морскаго, но кратчайшую тишину употребляютъ на успокоеніе отъ трудовъ. Однакожъ и тогда не безъ заботы остаются и не вдаются въ глубокій сонъ, испытавъ прошедшее и помышляя о будущемъ. Ибо естьли буря и утихла, но море не уменьшилось; и естьли прошли двѣ бѣды, то настоитъ третія. И хотя миновалось прошедшее, однакожъ остается настоящее. Такъ и въ семъ случаѣ — хотя утихнулъ вѣтръ пожеланія, однако располагающій онымъ недалекъ отъ тебя. — По сему непрестанно должно молиться по причинѣ непостоянства моря, и злой ярости врага. Но Блаженная хорошо зная настоящую бурю жизни, и предвидя стремленіе вѣтровъ, со тщаніемъ управляла своимъ караблемъ помощію любви къ Бо-

гу, невредимо привела его къ спасительному берегу и бросила твердѣйшій якорь — вѣру въ Іисуса Христа.

Ея жизнь была Апостольская, въ вѣрѣ и убожествѣ сосредоточенная. Кромѣ того, будучи совершенна въ любви и смиренномудріи, осуществила оное спасительное слово: *На аспида и василиска наступиши, и на всю силу вражію.* Пс. 90, 13. Лук. 10, 19. Она дѣйствительно слышала сіи слова: *Рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю.* Сіе изреченіе хотя относится къ дарамъ, однакожъ въ настоящемъ случаѣ надобно разумѣть его въ такомъ смыслѣ: поелику ты побѣдила на чувственномъ сраженіи, то при моей помощи получишь побѣду и въ духовномъ сраженіи, да познаютъ твою великую вѣру начала и власти, упоминаемыя Моимъ слугою Павломъ. Побѣдивъ противныя силы, ты будешь жить съ силами небесными.

Такимъ образомъ, живя въ самой себѣ, она исполняла добрыя дѣла. Когда текло

время и добродѣтели ея процвѣтали, благоуханіе отъ ея преславныхъ трудовъ стало ощутительно для многихъ. Ибо сказано: *Ничтожеесть покровено, еже не откроется.* Мат. 10, 26. Часто Богъ любящихъ Его открываетъ и Самъ для исправленія другихъ. По Его мановенію начали нѣкотрые приходить къ ней, и богомольныя (изъ женъ) начали посѣщать ее для своего назиданія. И когда изъ словъ онѣ обогащались плодами жизни ея, тогда болѣе и болѣе тѣснились около нея, желая пользы. По обыкновенному порядку спрашивали у ней: какъ можно спастись? А она, глубоко вздохнувъ и проливши много слезъ, возвращалась къ самой себѣ, и какъ будтобы слезами давъ отвѣтъ, училась молчанію другаго рода. Но пришедшія къ ней усильно просили ее говорить о великихъ дѣлахъ Божіихъ и поражались однимъ только зрѣлищемъ; онѣ опять просили ее говорить. Тогда Блаженная по великому принужденію, послѣ продолжительнаго и глубокаго молчанія смиреннымъ голосомъ сказала сіе изреченіе Писанія: *Не насильствуй нищаго, зане убогъ есть.* Прит. 22, 2. Предстоящія, схвативъ съ жадно-

стію сіи слова, какъ бы вкусивши меда и сота, болѣе докучали ей прозьбами, и наконецъ стали убѣждать ее мѣстами Св. Писанія. Онѣ говорили ей: *Туне пріяла, туне дай.* Мат. 10, 8. *Бойся подвергнуться наказанію раба, скрывшаго талантъ.* Но она имъ сказала: За чѣмъ вы столько думаете о мнѣ грѣшницѣ, какъ будтобы я дѣлала и говорила что нибудь доброе! Мы имѣемъ одного Учителя — Господа. Изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ почерпаемъ духовныя воды. Изъ однѣхъ и тѣхъ же сосцевъ—изъ Ветхаго и Новаго Завѣта — питаемся млекомъ. Знаемъ и мы то, говорили онѣ, что одинъ у насъ дѣтоводитель — Священное Писаніе, и одинъ Учитель; но ты неусыпнымъ стараніемъ преуспѣла въ добродѣтеляхъ; по сему должно, чтобы получившіе навыкъ къ добру, такъ какъ уже возрастные, помогали малолѣтнымъ; и сіе заповѣдуетъ общій нашъ Учитель. Услышавъ сіе Блаженная, зарыдала на подобіе грудныхъ младенцевъ. Тогда онѣ оставили свои вопросы, а просили ее перестать отъ плача. И когда она успокоилась, тогда опять продолжалось долговременное молчаніе. По-

слѣ чего опять приступали къ ней съ прозьбами. Она сжалилась, и думая, что слова ея не ей принесутъ похвалу, а слушателямъ пользу, такъ стала къ нимъ говорить: Дѣти! всѣ мы знаемъ, какъ спастись, но по собственному нерадѣнію оставляемъ спасеніе. И такъ прежде всего должно сохранять то, что извѣстно намъ по милости Господа. А именно: *Возлюбиши Господа Бога твоего всею душею твоею, и искренняго твоего, яко самъ себе.* Матѳ. 22, 37. 39. Въ сихъ заповѣдяхъ лежитъ основаніе закона, и въ нихъ же живетъ полнота благодати. Хотя изреченіе кратко по словамъ, но велика и неизслѣдима сила, заключающаяся въ немъ. Все душеполезное есть слѣдствіе сихъ заповѣдей. Сіе свидѣтельствуетъ и Павелъ, когда говоритъ, что *любовь* есть *конецъ* закона. И такъ все, относящееся къ лѣпотѣ духовной при содѣйствіи благодати Духа, о чемъ бы ни сказали люди, проистекаетъ изъ любви, и въ нее возвращается. И потому вотъ гдѣ спасеніе— въ двойственной любви.

Должно еще и то упомянуть, что так-

же изъ той же любви происходитъ, дабы каждая изъ насъ узнавъ, въ чемъ оно состоитъ, стремилась къ большему. Но онѣ не понимали словъ ея, и опять спрашивали. Она отвѣчала имъ: Извѣстна вамъ Евангельская притча о приносящихъ плодъ *во сто, въ шестьдесятъ и въ тридцать* кратъ. Мар. 4, 8. 20. Сторичное число есть наше званіе; число шестьдесятиричное знаменуетъ полкъ воздержныхъ, а число тридесятеричное означаетъ людей, живущихъ въ брачной чистотѣ. Хорошо отъ тридцати переходить къ шестидесяти: ибо хорошо отъ меньшаго восходить къ большему. Но отъ большихъ благъ нисходить къ меньшимъ — это небезопасно. Однажды преклонившійся на худшее не можетъ остановиться на первыхъ ступеняхъ, но стремится какъ бы въ бездну погибели. Нѣкоторыя, обѣщающіяся жить въ дѣвствѣ, и по слабости ума обольщающіяся помысломъ, выдумываютъ извиненія во грѣхахъ. Онѣ говорятъ къ самимъ себѣ, или лучше, къ діаволу: естьли мы будемъ жить въ чистотѣ, или лучше, въ нечистотѣ, то удостоимся быть, по крайней мѣрѣ, въ числѣ

приносящихъ тридесятеричный плодъ. Вся древность, говорятъ онѣ, позволяла себѣ дѣторожденіе. Но да будетъ извѣстно тому, кто имѣетъ такую мысль, что она происходитъ отъ врага. Кто нисходитъ отъ большаго къ меньшему, того низвергаетъ врагъ. Кто такъ поступаетъ, тотъ судится, какъ бѣглый воинъ. Онъ не извиняется тѣмъ, что перешелъ въ меньшее войско; но за то, что убѣжалъ, принимаетъ наказаніе. И такъ должно, какъ я сказала, отъ меньшаго восходить къ большему. И сему научаетъ Апостолъ: *Задняя забывая, въ предняя простирайтесь.* Филип. 3, 13. По сему тѣ, которые имѣютъ сторичный плодъ, должны повторять въ себѣ сіе число — даже до безконечности. Ибо сказано: *Егда сотворите вся, глаголите, яко рабы неключими есмы.* Лук. 17, 10. И такъ мы, которыя приняли сіе званіе, должны сохранять строгое цѣломудріе. Хотя и мірскія жены, по видимому, живутъ цѣломудренно, но у нихъ вмѣстѣ есть и безстыдство: поелику онѣ грѣшатъ всѣми другими чувствами. Смотрятъ непристойно, смѣются неумѣренно. Но мы и это должны со-

вершенно оставить; должны возвышаться въ добродѣтеляхъ и запретить очамъ суетное зрѣніе. Ибо говоритъ Писаніе: *Очи твои право да зрятъ*. Прит. 4, 25. Мы должны беречь и языкъ отъ подобныхъ грѣховъ. Поелику беззаконно то, чтобы органъ Божественнаго пѣснопѣнія произносилъ скверныя слова. Не только должны опасаться говорить это, но и слушать.

Но сіе невозможно исполнить, естьли мы не будемъ мудры въ хожденіи. Ибо въ чувства наши, хотя бы мы и не хотѣли, влѣзаютъ воры. Какъ можетъ не зачерниться внутренность дома, когда онъ отвнѣ сталъ окруженъ дымомъ и когда отворены окна? По сему необходимо намъ должно воздерживаться отъ выхода на публичныя мѣста. Естьли мы почитаемъ за стыдъ и тяжесть смотрѣть на голыхъ братьевъ или родителей, то не болѣе ли предосудительно смотрѣть на улицахъ до непристойности обнаженныхъ, къ тому же и дерзскія слова произносящихъ? Отъ сего обыкновенно раждаются представленія безпокойныя и вредныя.

Но когда мы будемъ сидѣть дома, то и тамъ не должны дремать, а должны бодрствовать. Ибо написано: *Бодрствуйте.* Матѳ. 24, 22. По той мѣрѣ, какъ ограждаемъ себя цѣломудріемъ, мы принимаемъ строгія мысли. *Приложивый разумъ приложитъ болѣзнь.* Еккл. 1, 18. И борцы чѣмъ болѣе усовершаются, тѣмъ съ сильнѣйшими борятся противниками. Смотри, сколько перешла сѣтей, и не презирай настоящаго. Ты побѣдила любодѣяніе грубое и вещественное; но врагъ влагаетъ любодѣяніе въ чувства твои. Когда ты и отъ сего любодѣянія воздержишь себя, то (что есть любодѣяніе опаснѣйшее) онъ скрывается въ домѣ души твоей, воздвигая на тебя невещественную брань. Онъ припоминаетъ отшельницамъ пригожія лица, непристойныя одежды, нелѣпые разговоры. И такъ не должно дружиться съ такими представленіями; ибо написано: *Аще духъ владѣющаго взыдетъ на тя, мѣста твоего не остави.* Еккл. 10, 4. Дружба съ ними есть поборница мірскаго любодѣянія. *Державнымъ крѣпко настоитъ испытаніе.* Прему. 6, 8. Велика брань съ духомъ любодѣянія, и естьли ка-

кое есть у врага великое зло для погубленія души, то это любодѣяніе. И на сіе намекая Блаженный Іовъ, говорилъ о діаволѣ: *Крѣпость его въ толстотѣ чрева его.* Іов. 40, 11.

Въ людяхъ, любящихъ Христа, діаволъ возбуждаетъ любодѣяніе многими и различными средствами. Злоумышленникъ часто и братскую любовь обращалъ въ свое зло. Ибо и дѣвицъ, отказавшихся отъ брака и всякой прелести міра, уловилъ братскою наружностію. Онъ и монаховъ уязвилъ, хотя и они также отказались отъ всякаго вида любодѣянія; но и ихъ обольстилъ благочестивою бесѣдою. Это дѣло врага, чтобы одѣваться въ чужое платье, а свои оружія держать подъ покровомъ. Показываетъ хлѣбное зерно, а подъ него подставляетъ клѣтку. Думаю, что и Господь сказалъ о томъ же: *Иже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы.* Мат. 7, 15.

И такъ, чтожъ мы послѣ сего будемъ дѣлать? *Будемъ такъ мудры, какъ зміи,*

и незлобивы, какъ голуби, Матѳ. 10, 16. обращаясь съ клѣткою его искуснымъ образомъ. Ибо слова: *Будьте какъ змiи,* сказаны для того, чтобы не скрыты были отъ насъ ухищренiя дiавола: потому что подобное отъ подобнаго весьма скоро становится извѣстнымъ. А незлобiе голубицы означаетъ чистоту дѣйствiя. По сему всякое доброе дѣло будетъ состоять въ избѣжанiи отъ зла. Но какъ мы убѣжимъ отъ того, чего не знаемъ? И такъ мы должны познать силу врага и смотрѣть за его хитростями: ибо сказано, что онъ *ходитъ искій кого поглотити;* Петр. 5, 8. *и пищи его избранныя.* Авв. 1, 16. Должно бодрствовать во всякое время, такъ какъ онъ сражается и внѣшними вещами и внутренними помышленiями, и болѣе последними. Ибо и ночью и днемъ подходитъ безъ вещества.

Какое же орудiе потребно для настоящей войны? Явно, что требуется строгое подвижничество и чистая молитва. Но онѣ вообще суть средства во всякомъ вредномъ помыслѣ. Должно пользоваться и ча-

стными нѣкоторыми совѣтами, дабы отразить предстоящую гибель души, и стремленію сквернаго помысла противуставить оплотъ. Естьли въ мысляхъ твоихъ родится представленіе красиваго лица, то его должно изгонять слѣдующимъ образомъ: выколи глаза у образа твоего, отними полноту щекъ, отрѣжь и губы, и послѣ смотри на отвратительный составъ голыхъ костей, и подумай наконецъ, что тутъ было занимательнаго? Такимъ образомъ обезображенное помышленіе можетъ воспрянуть отъ пустаго очарованія. Ибо не было ничего привлекательнаго: кровь смѣшена съ мокротою, что самое и сшитый составъ есть принадлежность животныхъ. Симъ образомъ и сими размышленіями можно прогнать гнусное зло. Должно выталкивать демона, какъ гвоздь гвоздемъ же. Кромѣ сего должно представить все тѣло любимаго предмета въ смердящихъ ранахъ и гною; кратко сказать, представить его внутреннимъ очамъ подобнымъ мертвому трупу; или ещё и самаго себя мертвымъ. Такимъ образомъ можно будетъ избавиться сладострастія. Но болѣе всего должно укрощать

чрево. Послѣ того возможно умертвить и тѣ удовольствія, которыя внутри онаго.

И вотъ собесѣдницы праздновали на Божественномъ пирѣ. Онѣ пили веселіе изъ сосудовъ премудрости; а Блаженная Синклитикія разливала имъ Божественный напитокъ. Каждая изъ нихъ получала, что хотѣла. Одна изъ сообщницъ спросила у ней: убожество—есть ли совершенная добродѣтель? Она отвѣчала: дѣйствительно, убожество есть совершенная добродѣтель для людей твердыхъ. Тѣ, которые держатся сей добродѣтели, хотя въ тѣлѣ чувствуютъ скорбь, но въ душѣ облегченіе. Такъ какъ твердое платье, естьли его стирать и крѣпко выжимать, становится чистымъ и бѣлымъ: подобно и твердая душа отъ произвольнаго убожества болѣе и болѣе утверждается. Но слабые въ духѣ не то чувствуютъ. Они и при легкомъ треніи, на подобіе ветхой одежды, разрываются, не имѣя болѣе силъ сносить омовеніе добродѣтели. И хотя въ томъ и другомъ случаѣ одно мастерство измовенія, и одинъ и тотъже мастеръ, но съ платьемъ не одно.

и тоже дѣлается. Одно прорывается и пропадаетъ, а другое убѣляется и обновляется. И такъ убожество можно назвать хорошимъ украшеніемъ для мужественнаго духа. Ибо оно есть узда грѣховнымъ дѣйствіямъ.

Но прежде должно усовершиться въ начальныхъ добродѣтеляхъ, какъ то: въ постѣ, долулежаніи и въ другихъ порознь; а послѣ достигать и сей добродѣтели. Тѣ, которые не такъ сдѣлали, но поспѣшили оставить имѣніе, по большей части приходили въ сожалѣніе.

Орудіе жизни роскошной есть богатство. И такъ оставь сначала ремесло твое, т. е. объяденіе и нѣгу, и ты легко можешь отвергнуть самое имѣніе. Ибо трудно, думаю, знать ремесло и не имѣть орудій. И естьли кто не покинулъ перваго, то какъ можетъ оставить второе? По сему и Спаситель разговаривая съ богатымъ, не тотчасъ приказалъ ему оставить имѣніе. Но прежде спрашивалъ, исполнилъ ли онъ предписанное закономъ; и Господь, какъ учи-

тель, говоритъ: Естьли ты выучилъ азбуку; естьли научился складывать буквы; естьли привыкъ разбирать слова, то приступи наконецъ къ совершенному чтенію, т. е. *иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* и тогда *гряди въ слѣдъ Мене*. Мат. 19, 17. И естьли бы онъ, какъ я думаю, не призналъ себя исполнившимъ то, о чемъ его спрашивали, то Господь не призывалъ бы его къ убожеству. Ибо какимъ бы образомъ онъ могъ приняться за чтеніе, не зная силы слоговъ?

Хорошо убожество для тѣхъ, которые имѣютъ навыкъ въ добродѣтели. Ибо отвергнувъ все излишнее, полагаютъ надежду на Бога, съ чистымъ сердцемъ поя сію Божественную пѣснь: *Очи всѣхъ на Тя уповаютъ, и Ты даеши пищу* любящимъ Тебя *во благовременіи*. Пс. 144, 15.

Они получаютъ великую пользу и съ другой стороны. Не прилагая мысли своей къ сокровищу земному, они помышляютъ о царствіи небесномъ, и очевидно исполняютъ сказанное Псалмопѣвцемъ Давидомъ:

Скотъ я былъ предъ Тобою. Пс. 72, 23. Какъ рабочій скотъ, отправляя свою работу, довольствуется пищею только для поддержанія жизни: такъ и любящіе убожество. Обладаніе золотомъ ни за что ставятъ, но только для насущнаго пропитанія отправляютъ тѣлесную работу. Они стоятъ на основаніи вѣры. Къ нимъ-то сказалъ Господь, чтобы они не заботились о завтрешнемъ днѣ, и также: *Птицы небесныя ни сѣютъ ни жнутъ, но Отецъ небесный питаетъ ихъ.* Мат. 6, 26. Надѣясь на сіи слова, потому самому, что оныя сказалъ Богъ, они смѣло произносятъ сіи слова Писанія: *Я вѣровалъ, когда говорилъ.* Пс. 115, 1.

И врагъ сильнѣе поражается отъ убогихъ. Онъ не знаетъ, чѣмъ вредить: поелику большую часть печалей и заботъ наноситъ отнятіе имѣнія. Но теперь не знаетъ врагъ, что и дѣлать. Сожечь помѣстья? Но ихъ нѣтъ. Повредить скотъ? Но и его не имѣютъ. Коснуться любезнѣйшаго? Но они и тому приказали долго здравствовать. Не великое ли наказаніе для врага, и не

многоцѣнное ли сокровище для души — убожество?

Сколько убожество велико и славно между добродѣтелями, столько сребролюбіе мерзко и гнусно между пороками. Справедливо сказалъ Божественный Апостолъ, что оно причиною всѣхъ золъ. Корыстолюбіе, клятвопреступленіе, хищеніе, грабительство, любодѣйство, зависть, убійство, братская ненависть, брань, идолопоклонство, любостяжаніе и ихъ отрасли: лицемѣріе, ласкательство, посмѣяніе—все это началомъ своимъ имѣетъ сребролюбіе. По сему Апостолъ справедливо назвалъ сребролюбіе матеріею всѣхъ золъ. Не только Богъ наказываетъ сребролюбцевъ, но они сами себя погубляютъ. Нося въ себѣ ненасытное зло не полагаютъ предѣла желаніямъ. Почему рана ихъ неизлѣчима. Кто ничего не имѣетъ, тотъ малаго желаетъ; а кто получилъ малое, тотъ ищетъ большаго. Кто имѣетъ сто златницъ, тому хочется тысячи; а получивъ тысячу простираетъ желанія до безконечности. По сей-то причинѣ не полагающіе себѣ предѣла всегда жа-

дуются на бѣдность. Сребролюбіе всегда носитъ съ собою зависть, которая также убиваетъ сначала господина своего. Такъ какъ эхидны, при рожденіи, умерщвляютъ своихъ матерей прежде, нежели наносятъ вредъ другимъ: подобно и зависть измождаетъ своего господина прежде, нежели онъ станетъ изнурять подобныхъ себѣ.

Великое было бы дѣло, естьли бы мы могли переносить столько трудовъ для пріобрѣтенія истиннаго сребра, сколько тягостныхъ трудовъ переносятъ искатели суетнаго украшенія. Они претерпѣваютъ кораблекрушенія, попадаются на морскихъ разбойниковъ; а на сушѣ встрѣчаются съ грабителями, переносятъ бури и сильные вѣтры; и часто, получая прибыль, говорятъ завистливымъ, что они бѣдны. Но мы для пріобрѣтенія истинной корысти никогда не сражаемся съ такими опасностями. А естьли когда нибудь и получимъ какой нибудь малый прибытокъ, то превозносимъ себя, тщеславимся предъ людьми, и часто разсказываемъ то, чего вовсе не бывало. По сему тотчасъ и ту искру доб-

ра, которую почитали своею, уноситъ врагъ. Тѣ, много получая прибыли, еще большей желаютъ, и то, что у нихъ есть, ни за что почитаютъ, а домогаются того, чего не имѣютъ. Но мы не хотимъ ничего снискивать, не смотря на то, что не получили никакой добычи, и претерпѣвая величайшую бѣдность, выдаемъ себя за богатыхъ. И такъ хорошо, естьли, дѣлая добро, никому о томъ не говоримъ. Тѣ, которые дѣлаютъ напротивъ, потерпятъ великій ущербъ. *Ибо у тѣхъ отнимется и то, что они думаютъ имѣть.* Лук. 8, 18.

По сему должно прилагать все стараніе о томъ, чтобы утаевать прибытокъ. Разсказывающіе свои успѣхи въ дѣлахъ должны вмѣстѣ съ оными говорить и о неудачахъ. Естьли они скрываютъ ихъ для того, чтобы не заслужить порицанія отъ слушателей, то тѣмъ болѣе должно оберегаться того, что отчуждаетъ отъ Бога. Добродѣтельные не такъ поступаютъ. Они разсказываютъ и малыя свои согрѣшенія — разсказываютъ и такія, которыхъ не дѣлали, отвергая славу человѣческую. Но дѣла

добрыя скрываютъ для безопасности души. Ибо какъ открытое сокровище уменьшается, такъ и добродѣтель, естьли она открывается и обнародывается, упраздняется. И какъ воскъ таетъ отъ лица огня, такъ и душа растаеваетъ отъ похвалъ и лишается твердости.

Бываетъ опять и противное сему. Естьли теплота растопила воскъ, то холодъ застудитъ его; и естьли похвала отнимаетъ твердость у души, то безславіе и поношеніе поистинѣ приводятъ добродѣтель ея въ большую силу. Ибо сказано: *Радуйтесь и веселитесь, когда люди злословятъ васъ неправедно.* Мат. 6, 12, 11. И въ другомъ мѣстѣ: *Въ скорби распространилъ мя еси.* Пс. 4, 2. И еще: *Поношеніе чаяше душа моя и страсть.* Псал. 68, 21. Можно видѣть въ Свящ. Писаніи и другія безчисленныя подобныя симъ блага, относящіяся къ пользѣ души.

Есть печаль спасительная, и есть печаль пагубная. Дѣло спасительной печали — воздыхать о своихъ согрѣшеніяхъ, о невѣже-

ствѣ ближняго, заботиться, чтобы не совратить съ надлежащаго пути и достигнуть совершенной доброты. Сіи суть признаки истинной печали. Принимаетъ въ семъ дѣлѣ и врагъ нѣкоторое участіе. Ибо и онъ наводитъ печаль, но которая исполнена безумія, и которую называютъ нѣкоторые *уныніемъ*. Должно прогонять сего духа, особенно молитвою и Псалмопѣніемъ.

Но мы, сокрушаемыя спасительными заботами, не должны кого нибудь почитать беззаботнымъ въ жизни. Ибо Писаніе говоритъ: *Всякая глава въ болѣзнь; и всякое сердце въ печаль.* Иса. 1, 5. Духъ Святый въ одномъ изреченіи изобразилъ жизнь монашескую и мірскую. Чрезъ *болѣзнь главы* означаетъ состояніе отшельническое, такъ какъ умъ живетъ въ головѣ. Ибо сказано: *Мудраго очи во главѣ его*; Екк. 2, 14. а словомъ *болѣзнь* показываетъ, что всякая добродѣтель возрастаетъ отъ трудовъ. Напротивъ чрезъ *печаль сердца* означилъ непостоянную и горестную жизнь мірянъ. Ибо сердце нѣкоторые называли жилищемъ гнѣва и печали. Тамъ незнатные тоску-

ютъ, завистники чахнутъ, бѣдные жалуются, богатые безумствуютъ, не знаютъ и сна, охраняя свое богатство.

Мы не должны обольщаться мыслію и говорить, что мірскія (жены) живутъ безъ заботы. Естьли сравнить, то, можетъ быть, онѣ болѣе насъ трудятся. Раждаютъ съ болѣзнію и опасностію, отъ питанія млекомъ приходятъ въ изнеможеніе, съ больными дѣтьми са́ми больны. И это терпятъ, не видя конца страданію. Несовершенны ли по тѣлу дѣти, или худо ведутъ себя — все это мученіе для родителей. Должно знать сіе для того, дабы врагъ не обольстилъ насъ мыслію, будто онѣ проводятъ жизнь спокойную и беззаботную. Ибо тѣ, которыя родили, умираютъ отъ трудовъ, а которыя не раждали, такъ какъ безплодныя и бездѣтныя, изсыхаютъ отъ упрековъ.

Это говорю вамъ съ тою цѣлію, дабы быть безопасными отъ непріятеля. Не для всѣхъ приличны сіи слова, но только для тѣхъ, которыя избрали жизнь монашескую. Такъ какъ для животныхъ потребна не од-

на и таже пища; такъ и для людей не одна и таже рѣчь: ибо сказано, что не должно *вливать вина нова въ мѣхи ветхи.* Мат. 9, 17. Иначе питаются исполненные созерцанія и мудрости, иначе привкусившіе подвижнической и дѣятельной жизни, иначе міряне, по силамъ творившіе правду. И такъ какъ изъ животныхъ однѣ ходятъ, другія плаваютъ, а иныя летаютъ; равнымъ образомъ и изъ людей одни проводятъ жизнь среднюю, на подобіе земныхъ животныхъ; другіе стремятся въ высоту, какъ птицы; а иные, подобно рыбамъ, покрыты водами пороковъ. Ибо сказано: *Утопаю въ глубинѣ водъ, и волны покрываютъ меня.* Псал. 68, 3. Таково свойство животныхъ; но мы, какъ орлы крылатые, должны парить въ вышнія страны, презирать льва и дракона и господствовать надъ тѣмъ, кто прежде былъ господиномъ. А это сдѣлаемъ мы тогда, когда посвятимъ Спасителю всѣ наши мысли.

Но чѣмъ на большую возносимся высоту, тѣмъ болѣе врагъ старается уловить насъ въ свои сѣти. И что удивительнаго, естьли

мы имѣемъ противниковъ—мы, стремящіяся къ добродѣтели, когда и въ бездѣлицахъ завидуютъ! На примѣръ, не позволяютъ людямъ вынимать сокровищь, сокрытыхъ въ землѣ. Естьли противятся за пустыя вещи земныя, то не болѣе ли позавидуютъ намъ въ царствіи небесномъ!

И такъ должно вооружатся противу нихъ всѣми образами. Ибо они и со внѣшней стороны подходятъ и съ внутренней нападаютъ. Душа, подобно кораблю, иногда отъ внѣшнихъ волнъ потопляется, иногда отъ внутренняго поврежденія погружается на дно. И мы иногда погибаемъ со стороны внѣшней отъ грѣховъ, приведенныхъ въ дѣйствіе, а иногда отъ внутреннихъ помышленій. По сему мы должны примѣчать и за внѣшними порывами вѣтровъ, и вычерпывать извнутри нечистые помыслы. Должно всегда смотрѣть за ними: ибо они непрестанно возбуждаются. Отъ внѣшнихъ волнъ, естьли корабельщики станутъ просить помощи, могутъ спасти близъ плывущіе корабли; но опасности съ внутренней части корабля часто приходятъ и тогда, когда

мореходцы спятъ и море спокойно—приходятъ, и внезапно предаютъ ихъ смерти.

По сей причинѣ должно весьма строго смотрѣть за помышленіями. Ибо врагъ, желая разрушить душу, на подобіе дома, приготовляетъ ей паденіе, или подкапывая основаніе, или начиная съ кровли, всю ее раззоряетъ; или, вошедъ въ окна, сначала связываетъ хозяина дома, и такимъ образомъ все себѣ покаряетъ. Основаніе суть добрыя дѣла; кровля есть вѣра; окна—чувства. Всякимъ образомъ сражается врагъ. Почему желающій спастись долженъ имѣть много глазъ: потому что мы не имѣемъ здѣсь безопасности. Ибо Писаніе говоритъ: *Стоящій да блюдется, да не падетъ*. 1 Кор. 10, 12.

Мы плывемъ неизвѣстнымъ путемъ: ибо жизнь нашу Псалмопѣвецъ Давидъ называетъ моремъ. Но въ морѣ, иныя мѣста каменисты, иныя наполнены звѣрями, а нѣкоторыя и безопасны. Мы, кажется, плывемъ по безопасной части моря: но міряне плывутъ по мѣстамъ опаснымъ. Притомъ мы плывемъ днемъ, путеводимые Солнцемъ пра-

вды, а они плывутъ, сами не зная куда. Однако часто случается, что мірянинъ, застигнутый непогодою и темнотою, спасаетъ свой корабль, естьли проситъ помощи и бодрствуетъ; а мы отъ нерадѣнія утопаемъ и въ тихую погоду, опустивъ кормило правды.

И такъ *стоящій да блюдется, да не падетъ.* Упавшій имѣетъ одну заботу, чтобы встать; а стоящій долженъ беречься, чтобы не упасть; и паденія сіи различны. Упавшіе, хотя и не стоятъ на ногахъ, однакожъ паденіемъ они не совершенный причиняютъ себѣ вредъ. Но стоящій не долженъ презирать падшаго; а долженъ бояться, чтобы упавъ не погубить себя и не низвергнуться въ глубочайшую бездну. Не можно даже просить и помощи тому, чей голосъ теряется въ глубинѣ рва; ибо говоритъ Праведникъ: *Ниже да пожретъ мене глубина, ниже сведетъ о мнѣ ровенникъ устъ своихъ.* Пс. 68, 16. Кто упалъ, тотъ лежитъ. Смотри за собою, чтобы и тебѣ не упасть и вмѣстѣ не содѣлаться пищею лютыхъ звѣрей. Упавшій не предостере-

гается отъ уловленія; но ты ни подъ какимъ видомъ не дремли, но всегда съ умиленіемъ пой сіе божественное изреченіе: *Просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть.* Пс. 12, 4. Бодрствуй непрестанно, страшась рыкающаго подобно льву.

Настоящія слова я говорю для того, чтобы не превозноситься. Падшій найдетъ спасеніе въ обращеніи и воздыханіи. Но ты, которая стоишь, смотри за собою. Тебѣ предлежитъ двѣ заботы: не обращаться на старое, естьли по нерадѣнію нападетъ на тебя врагъ, и не претыкаться на бѣгу. Ибо врагъ нашъ діаволъ влечетъ на свою сторону или созади, когда увидитъ душу лѣнивую и безпечную; или естьли увидитъ душу прилѣжную и терпѣливо подвизающуюся, то искусно и тайно вкрадывается чрезъ гордость, и такимъ образомъ вконецъ раззоряетъ душу. Эта приманка есть послѣднее и величайшее изъ золъ. Ею діаволъ низвергнутъ, и ею же онъ старается побораmь самыхъ мужественныхъ людей. Такъ какъ храбрѣйшіе изъ воиновъ послѣ того, какъ они истратятъ меньшія стрѣлы и

когда противники еще упорствуютъ, поднимаютъ мечь, изъ всѣхъ крѣпчайшее оружіе: такъ и діаволъ, когда употребитъ всѣ первыя стрѣлы, тогда дѣйствуетъ мечемъ гордости, какъ послѣднимъ оружіемъ. А какія были первыя его орудія? Извѣстно, что это были объяденіе, нѣга и любодѣяніе. Ибо сіи вѣтры большею частію дуютъ на юношескій возрастъ. За ними слѣдуетъ сребролюбіе, любостяжаніе и сему подобное. Но бѣдная душа, естьли разорвала сіи сѣти, естьли воздержала чрево и чистотою препобѣдила чувственныя удовольствія, тогда злоумышленникъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, сообщаетъ душѣ безпорядочное движеніе. Надымаетъ ее, дабы она возносилась предъ братіями самымъ смѣшнымъ образомъ. Это ядъ врага дѣйствительный и смертоносный. Имъ онъ многихъ помрачилъ и умертвилъ: ибо внушаетъ душѣ глупую и губительную мысль. Онъ показываетъ человѣку-подвижнику, будто онъ позналъ то, что для многихъ остается тайною, и что онъ превосходитъ въ пощеніяхъ. Приводитъ ему на память множество его заслугъ, а всѣ согрѣшенія предаетъ забвенію, дабы онъ спадъ

гордиться предъ своими. Вынимаетъ изъ ума всѣ его долги, и сіе дѣлаетъ не для пользы его, но дабы онъ не могъ произносить сихъ спасительныхъ словъ: *Тебѣ единому согрѣшихъ. Помилуй мя Господи.* Онъ не даетъ ему говорить: *Исповѣдаютися Господи всѣмъ сердцемъ моимъ;* но такъ какъ самъ сказалъ въ умѣ своемъ: *взыду и поставлю престолъ мой;* подобно и его занимаетъ первенствами, первозасѣданіями, еще же и ученіемъ и дарованіемъ исцѣленій. Такимъ образомъ обольщенная душа тлѣетъ и погибаетъ, будучи заражена неизцѣльною язвою.

Чтожъ дѣлать при такихъ помышленіяхъ? Всегда носить въ умѣ тѣ Божественныя слова, которыя возглашалъ блаженный Давидъ: *Азъ есмь червь, а не человѣкъ.* Пс. 21, 7. И что другій говоритъ: *Азъ есмь земля и пепелъ;* Быт. 18, 27. еще и сіе достопамятное изреченіе Исаіи: *Яко же портъ нечистыя, вся правда наша.* Ис. 64, 6. Отшельница, естьли придутъ къ ней такія помышленія, пусть идетъ въ обитель. Пусть она принудитъ себя ѣсть по

дважды въ день, естьли чрезмѣрное подвижничество подвергло ее сей болѣзни; а сверстницы должны укорять и поносить ее, какъ несдѣлавшую ничего добраго. Она должна исполнять всякую службу. Должно разсказывать ей и житія святыхъ, особенно заслуживающія того, и сообщницы ея должны на нѣсколько дней усугубить труды подвижничества своего, дабы она, видя высоту добродѣтелей, думала о себѣ менѣе.

Сей болѣзни предшествуетъ еще другое зло, непослушаніе. Но чрезъ противное, т. е. послушаніе, можно излѣчить загнившуюся часть души. Ибо говорится: *Послушаніе паче жертвы.* 1 Цар. 15, 22.

Для сего должно во время помрачать славу и опять во время хвалить и удивляться. Естьли душа найдется нерадивою, слабою и незаботящеюся о преспѣяніи въ добрѣ, въ такомъ случаѣ должно ее хвалить, и естьли мало что сдѣлаетъ добраго—величать и превозносить. Тяжкіе и несвойственные человѣку грѣхи ея должно представлять ей малыми и ничего не зна-

чущими. Ибо діаволъ, которому хочется все дѣлать наизворотъ, отъ душъ прилѣжныхъ и любящихъ подвиги старается скрывать содѣянные грѣхи: потому что ему хочется увеличить гордость; а душамъ еще младымъ и неутвержденнымъ выставляетъ предъ очи всѣ согрѣшенія, желая привесть ихъ въ отчаяніе. Одной толкуетъ: тебѣ, блудодѣйцѣ, какое будетъ помилованіе! а другой говоритъ: тебѣ, такой любостяжательницѣ, невозможно получить спасеніе. Сими клеветами возмущенныя души должно успокоивать слѣдующимъ образомъ: имъ должно говорить: Раавъ была блудница, но вѣрою спаслась; Павелъ былъ гонитель, но сдѣлался сосудомъ избраннымъ. Матѳей былъ мытарь, но всякому извѣстна дарованная ему благодать. Разбойникъ грабилъ и убивалъ, но первый отверзъ двери рая. Взирая на сіи примѣры, душа! не отчаявайся въ самой себѣ.

Что касается до тѣхъ, которыми владѣетъ гордость, то для нихъ должно составлять гораздо труднѣйшія лѣкарства. Такой должно говорить: что ты надымаешь-

ся? Какъ будтобы не ѣшь мяса! Другіе въ глаза не видятъ и рыбы. Естьли ты не пьешь вина, то посмотри, что другіе и масла не употребляютъ. Ты постишься до вечера? Но другіе три дня сряду сидятъ безъ хлѣба. Или много о себѣ думаешь потому, что не моешься? Многіе и по болѣзни тѣла совершенно не умывались. Не потому ли ты себя превозносишь, что спишь на рогожѣ и на шерстяной подстилкѣ? Другіе всегда спятъ на полу. Но хотя бы ты и сіе сдѣлала, то ничего не будешь удивительнаго. Ибо нѣкоторые и камни клали подъ себя, опасаясь тѣмъ доставить тѣлу удовольствіе; а нѣкоторые и привѣшивали себя на цѣлую ночь. Но естьли ты и это все сдѣлаешь и совершишь самый жестокій подвигъ; и тогда немного мечтай. Ибо демоны гораздо болѣе твоего и дѣлали и дѣлаютъ. Ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни посягаютъ, ни спятъ, и притомъ живутъ въ пустыняхъ; а ты и въ пещерѣ живешь и думаешь, будтобы тычто нибудь великое сдѣлала!

•

Такими средствами и такими убѣжденіями возможно уврачевать противополож-

ныя болѣзни: отчаяніе и гордость. Какъ сильно раздутый огнь потухаетъ, когда рѣдѣетъ, потухаетъ также и отъ того, когда не будутъ раздувать его: такъ и добродѣтель погасаетъ отъ гордости, погасаетъ и отъ нерадѣнія, когда мы совершенно не приближаемъ себя къ дыханію Святаго Духа. Твердый мечь на наковальнѣ легко сокрушается отъ камня: и строгое подвижничество въ скорое время разсыпается отъ гордости. По сему должно со всѣхъ сторонъ ограждать душу, и жесточайшее подвижничество, палимое огнемъ гордости, переносить въ прохладныя мѣста, и обрѣзывать лишніе сучья, для свѣжести корня.

Но отчаяннаго должно понуждать къ тому, чтобы онъ восходилъ выше. Ибо душа, слишкомъ прилѣпленная къ землѣ, и низка и слаба. И искусные земледѣльцы, естьли увидятъ растѣніе малое по виду и слабое, поливаютъ его щедро, и много прилагаютъ старанія къ тому, чтобы оно возрасло. И когда замѣтятъ, что растѣніе прежде времени обременилось сучьями, тогда лишніе

отрѣзываютъ: ибо, обыкновенно, такіе скоро засыхаютъ. Также и врачи инымъ изъ больныхъ даютъ довольно пищи, и совѣтуютъ прохаживаться, а другихъ удерживаютъ отъ того, и долгое время оставляютъ въ голодѣ.

И такъ ясно, что гордость есть величайшее зло. Сіе доказываетъ и противная ей добродѣтель—смиренномудріе. Трудно ее снискать. Естьли кто не будетъ чуждъ всякой славы, тому невозможно получить сіе сокровище. Такъ велико смиренномудріе, что діаволъ можетъ принимать видъ всѣхъ добродѣтелей, но объ ономъ даже и не знаетъ, что оно такое. Апостолъ, зная силу и крѣпость смиренномудрія, заповѣдуетъ намъ облекаться въ оное и украшаться имъ при всѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ: постишься ли ты, или милосердствуешь, или учишь. Естьли кто мудръ и разуменъ, то и тогда долженъ ограждать себя онымъ какъ неразрушимою стѣною. Пусть перепояшетъ и сосредоточитъ твои добродѣтели смиренномудріе. Видишь и пѣснословіе трехъ Отроковъ; они, ни мало не упомянувъ о прочихъ

добродѣтеляхъ, смиренныхъ сопричислили къ славословящимъ; не сказали о цѣломудренныхъ или милосердыхъ. Какъ невозможно построить корабля безъ кормила: такъ невозможно уготовать спасеніе, естьли не будетъ смиренномудрія.

Поелику смиренномудріе благотворно и спасительно, то Господь, совершая спасеніе людей, облекся въ оное. Ибо говоритъ: *Научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь, и смиренъ сердцемъ.* Матѳ. 11, 29. Смотри, кто это говоритъ, и научись совершенно. Да будетъ началомъ и концемъ добродѣтелей твоихъ смиренномудріе. Но Онъ говоритъ о смиренномъ духѣ, а не объ одной наружности. Онъ разумѣетъ внутренняго человѣка, которому будетъ повиноваться и внѣшній. Ты исполнила всѣ заповѣди? Это знаетъ Господь; но Онъ заповѣдуетъ тебѣ снова принять рабство; ибо говоритъ: *Когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоющіе.* Лук. 17, 10.

Смиренномудріе соединено съ поношенія-

ми, обидами и біеніями. Будемъ смиренномудрены, когда будемъ въ глазахъ всѣхъ, какъ безумныя и глупыя, нищія и убогія, низкія и презрѣнныя, безразсудныя въ дѣлахъ, безсмысленныя въ разговорѣ, безчестныя по виду, слабыя по силамъ. Это существенныя принадлежности смиренномудрія. Это самое слушалъ и претерпѣлъ Господь. Ибо Его называли *Самаряниномъ и бѣса имущимъ*. Іоа. 8, 48. Онъ принялъ образъ раба. Его заушали и сокрушали ударами. И такъ должно и намъ подражать сему, на самомъ дѣлѣ показанному смиренномудрію. Есть нѣкоторые притворствующіе внѣшнею одеждою, смиряющіе себя и симъ смиреніемъ ищущіе новой славы. Но они познаются изъ плодовъ. Ибо не перенесли оскорбленій людскихъ, но подобно какъ змѣи, тотчасъ изблевали ядъ свой.

Отъ сихъ словъ слушающія приходили въ великій восторгъ. Не насытясь благими яствами, просили еще продолжать. И Блаженная опять имъ говорила: великая предстоитъ брань приближающимся къ Богу. Первые начатки скорбны; но послѣ объем-

летъ неизъяснимая радость. Какъ желающіе раздуть огонь прежде закуриваются дымомъ и плачутъ, и тогда уже достигаютъ желаемаго; и поелику сказано, что *Богъ нашъ есть огнь поядающій*: Евр. 12, 29. то и намъ должно возжигать въ самихъ себѣ Божественный огнь со слезами и усиліемъ. Самъ Господь говоритъ, что Онъ *пришелъ огонь низвесть на землю*. Лук. 12, 49. И нѣкоторые хотя стерпѣли куреніе дыма, но по нерадѣнію не возжгли огня, потому что не было въ нихъ долготерпѣнія, и еще болѣе потому, что ихъ расположеніе къ Божественному было расположеніе слабое и сухое.

Почему любовь есть великое украшеніе. И о ней-то разсуждая, Апостолъ говорилъ, что *хотя бы ты раздала все имѣніе*, и измучила *тѣло, но естьли не имѣешь любви*, то ты *мѣдь звучащая, или кимвалъ звенящій*. 1 Кор. 13, 3. 1. Велика въ добродѣтеляхъ любовь, да великъ же и гнѣвъ между пороками. Помрачая и ожесточая всю душу, онъ дѣлаетъ ее безумною. Но Господь, желая отвсюду оградить насъ безопасностію,

никакъ не сдѣлалъ, чтобы хотя малѣйшая часть души оставалась безъ защиты. Сладострастіе ли возбуждаетъ врагъ: Господь оградилъ насъ цѣломудріемъ. Гордость ли поселяетъ: недалеко смиренномудріе. Вражду ли сѣетъ? Но любовь посреди стоитъ. Сколько бы врагъ ни металъ на насъ стрѣлъ, Господь оградилъ насъ большими оружіями— къ нашему спасенію и посрамленію врага.

Но гнѣвъ есть изъ золъ зло. Ибо сказано: *Гнѣвъ человѣка не исполняетъ правды Божіей.* Іояк. 1, 20. Должно его удерживать: потому что онъ и полезенъ бываетъ во время. Пристойно гнѣваться и возмущаться противъ демоновъ; но чтобы сильно возмущаться противъ человѣка—это неприлично, хотя бы онъ и согрѣшилъ. Напротивъ, должно его обращать, послѣ того, какъ укротится стремленіе гнѣва.

Однакожъ гнѣвъ есть какъ бы меньшее зло, но злопомнѣніе есть тягчайшее изъ золъ. Гнѣвъ, на короткое время встревоживъ душу, подобно дыму, проходитъ; а злопомнѣніе, будучи вонзено въ душу, дѣлаетъ

ее люmѣе звѣрей. Песъ на кого нибудь озлившiйся, естьли приласкать его пищею, оставляетъ гнѣвъ, и прочiе звѣри отъ привычки дѣлаются кроткими и смирными. Но злопамятнаго не трогаютъ ласки, и пища не умягчаетъ его. Самое время, которое все перемѣняетъ, не можетъ излѣчить болѣзни сей. По сему злопамятные изъ всѣхъ нечестивѣйшiе и беззаконнѣйшiе люди. Ибо не повинуются словамъ Христовымъ: *Поди прежде, примирись съ братомъ твоимъ; и тогда принеси даръ твой;* Мат. 5, 24. и что въ другомъ мѣстѣ сказано: *Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ.* Еф. 4, 26.

И такъ хорошо не гнѣваться. Но естьли бы сiе и случилось, то непозволено тебѣ и дня оставаться въ сей болѣзни. Ибо сказано: *Да не зайдетъ солнце.* А ты ожидаешь, доколѣ пролетитъ все время твое! Ты не говоришь: *Довлѣетъ дневи злоба его.* Мат. 6, 34. За что ты ненавидишь оскорбившаго тебя человѣка? Не онъ тебя обидѣлъ, а дiаволъ. Сердись на болѣзнь, а не на больнаго. *Что хвалишися во злобѣ, сильне?*—вамъ это сказалъ Псалмопѣвецъ.

Беззаконіе весь день, т. е. все время жизни твоей. Ты не слушаешь слова Законодателя: *Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ;* но *гибель вымышляетъ языкъ твой.* Почему Псалмопѣвецъ, исполненный Духа, справедливое произносипъ тебѣ наказаніе: *Сего ради Богъ разрушитъ тя до конца и преселитъ тя отъ селенія твоего, и корень твой отъ земли живыхъ.* Псал. 51, 3. 4. 7. Вотъ дары злопамятнымъ! Вотъ награда за злопамятство! —

По сему должно беречься отъ злопомнѣнія: ибо за нимъ послѣдуютъ многія болѣзни: зависть, крушеніе, злословіе. Зло, отъ нихъ происходящее, смертельно, хотя оно и не велико. Онѣ суть какъ бы меньшія стрѣлы врага. И часто нанесенныя обоюду острымъ мечемъ и большимъ кинжаломъ раны, каковы суть: любодѣяніе, любостяжаніе, убійство исцѣлялись отъ спасительнаго лѣкарства покаянія; но гордость, злопомнѣніе, злословіе, почитаемыя за небольшія стрѣлы, многихъ умертвили, будучи направлены въ главнѣйшіе члены души. Онѣ умерщвляютъ не силою удара, но нерадѣ-

ніемъ получившихъ рану. Такъ какъ они ни во что вмѣняли злословіе и другіе пороки, то вскорѣ отъ нихъ и погибли.

Злословіе есть тяжкое и убійственное зло. Оно служитъ для нѣкоторыхъ пищею и отдыхомъ. Но ты не слущай пустаго и не будь вмѣстилищемъ чужихъ пороковъ. Береги душу твою отъ всего излишняго. Естьли примешь въ себя смердящую нечистоту рѣчей, то чрезъ помышленія положишь пятна на молитву твою. Ты ненавидишь кого нибудь безъ всякой причины. Наслушавшись безжалостныхъ поносителей, на всѣхъ смотришь косо, подобно глазу, который, насмотрѣвшись прежде на яркій цвѣтъ, послѣ защурясь смотритъ на предметы.

Должно оберегать языкъ и слухъ, дабы не говорить чего нибудь подобнаго и не слушать съ пристрастіемъ. Ибо написано: *Да не пріимеши слуха суетна,* Исх. 23, 1. и еще: *Оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ;* Пс. 100, 5. и также: *Яко да не возглаголютъ уста моя дѣлъ*

человѣческихъ. Пс. 16, 4. И такъ не надобно вѣрить рѣчамъ, и вмѣстѣ не осуждать тѣхъ, которые говорятъ; но дѣлать и говорить по словамъ Божественнаго Писанія: *Азъ же яко глухъ, и яко нѣмъ.*

Не должно радоваться несчастію человѣка, хотя бы онъ былъ великій грѣшникъ. Нѣкоторые увидѣвъ, что кого нибудь бьютъ или заключаютъ въ темницу, безразсудно говорили сію мірскую пословицу: *кто жестко стелетъ, тому жестко спать.* И такъ ты, которая мягко подослала себѣ, думаешь спокойно спать въ жизни? Но что дадимъ въ отвѣтъ тому, который говоритъ, что *случай единъ праведному и нечестивому?* Екл. 9, 2. Здѣшняя жизнь для всѣхъ одинакова, хотя мы и различны по состоянію.

Не должно ненавидѣть враговъ. Сіе заповѣдалъ намъ Господь своими словами. Онъ говоритъ: не только любите любящихъ васъ; *Ибо и грѣшники и мытари тоже дѣлаютъ; но любите и враговъ.* Добро не имѣетъ

нужды въ искусствѣ и насиліи, дабы привлечь къ себѣ: оно само собою влечетъ къ любви. Но чтобы худое истребить изъ памяти, для сего потребно Божественное наставленіе и много труда: поелику царствіе небесное восхищаютъ не лѣнивые и беззаботные, но усильные искатели. Матѳ. 11, 12.

Какъ не должно ненавидѣть враговъ: такъ равно не должно чуждаться и презирать нерадивыхъ и безпечныхъ. Нѣкоторые пользуются симъ изреченіемъ Писанія: *Со избраннымъ избранъ будеши и со строптивымъ развратишися.* Псал. 17, 27. Потому, они говорятъ, мы убѣгаемъ грѣшниковъ, дабы съ ними не развратиться. Они поступаютъ не такъ, какъ бы надлежало, по невѣжеству души. Духъ Святый повелѣваетъ не развращаться вмѣстѣ съ развратными, но исправлять ихъ развратность. *Развратишися,* т. е. привлеки его къ себѣ, отъ стезей строптивыхъ обрати на правыя.

Три вида мнѣній касательно жизни человѣческой. Къ первому мнѣнію относится

совершенное развращеніе; ко второму среднее нѣкоторое состояніе, такъ какъ оно къ обоимъ принадлежитъ и въ томъ и другомъ имѣетъ часть. Но третіе мнѣніе, объемлющее высоту созерцанія, не только въ себѣ сосредоточивается, но силится руководить и прочія. Люди развратные, сообщаясь съ развратнѣйшими, приходятъ въ большее и большее развращеніе. Люди средняго состоянія стараются убѣгать распутныхъ, опасаясь того, чтобы имъ опять не перейти на ихъ сторону: ибо они еще младенцы въ добродѣтельной жизни. Но люди третьяго класса, имѣя возмужалый умъ и твердое разсужденіе, живутъ и обращаются вмѣстѣ съ порочными, желая спасти ихъ, не смотря на то, что они терпятъ отъ нихъ: ибо демоны наносятъ много вреда, будучи лишаемы своихъ орудій. Ихъ поносятъ и посторонніе, и тѣ, которые видятъ ихъ обращающимися съ нерадивцами пересмѣиваютъ ихъ и, какъ симъ подобныхъ, проклинаютъ. А они, слушая ругательства людскія, какъ похвалы, безбоязненно совершаютъ Божественное дѣло. Ибо сказано: *Радуйтесь и веселитесь, когда люди бу-*

дутъ злословить васъ неправедно. Мат. 5, 12. 11. Они поступаютъ подобно Господу: ибо Господь ѣлъ съ мытарями и грѣшниками. Сердце ихъ болѣе заботится о братѣ, нежели о нихъ самихъ. Взирая на грѣшниковъ, какъ на горящіе домы, и оставляя свои, они стараются спасти чужія, уже разрушающіяся жилища, и терпѣливо переносятъ огненныя насмѣшки, которыми ихъ осыпаютъ. Люди средняго возраста, естьли видятъ брата въ пламени грѣха, то бѣгутъ прочь, боясь, чтобы и на нихъ не перешелъ огонь. А люди, стоящіе на низкой степени, уподобляясь злымъ сосѣдамъ, объятыхъ пламенемъ болѣе воспламеняютъ, подкладывая для погибели ихъ вещество — свое развращеніе; и такъ какъ на горящій смоляный корабль вмѣсто воды бросаютъ смолу. Напротивъ добродѣтельные предпочитаютъ спасеніе ихъ собственному имуществу. Это знаки истинной дружбы! Они хранители искренней любви! — Какъ пороки зависятъ одинъ отъ другаго: ибо за любостяжаніемъ послѣдуетъ зависть, лукавство, клятвопреступленіе, гнѣвъ, злопомнѣніе: подобно и добродѣтели зависятъ

отъ любви, и кротость и великодушіе, и терпѣніе и верхъ добродѣтелей — убожество. Никто не можетъ достигнуть любви безъ убожества: ибо Господь заповѣдалъ любить не одного человѣка, но всѣхъ. Слѣдовательно тотъ, кто имѣетъ что нибудь, не долженъ оставлять неимущихъ: иначе у такого похитится даръ любви. Но всѣмъ помочь невозможно для человѣка; это есть дѣло Божіе.

Но скажутъ: „За чѣмъ ты, неимѣя ничего, стараешься о милосердіи, когда оно служитъ тебѣ поводомъ къ стяжанію? Сія заповѣдь относится къ мірянамъ.“ Но милосердіе предписано не столько для пропитанія бѣдныхъ, сколько для любви. Богъ, который устрояетъ богатаго, питаетъ и нищаго. И такъ напрасно заповѣдано милосердіе? Никакъ. Оно служитъ начаткомъ любви для тѣхъ, которые не имѣютъ оной. Какъ обрѣзаніе законное указывало на обрѣзаніе сердца: такъ и милосердіе указываетъ на любовь. По сему излишне милосердіе для тѣхъ, которымъ дарована любовь благодатію. Я говорю сіе не для того, чтобы

отвлечь отъ милосердія, но дабы показать убожество въ его чистотѣ. И такъ меньшее да не будетъ препятствіемъ большему. Раздавъ все вдругъ, ты сдѣлаешь малое добро. Наконецъ возведи очи твои къ высшему добру—къ любви. Ибо мы Христовы. Мы должны говорить сіи добровольныя слова: *Се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идохомъ.* Матѳ. 19, 27. Мы удостоились подражать дерзновенію языка Апостольскаго: ибо Петръ и Іоаннъ говорятъ: *сребра и злата нѣсть у мене.* Дѣян. 3, 4. 6. Два языка, но вѣра одна.

Но и міряне не должны выполнять дѣло милосердія просто и безъ разсужденія. Ибо сказано: *Елей грѣшныхъ да не намаститъ главы моея.* Пс. 140, 5. И такъ должно, чтобы милосердствующій имѣлъ благоразуміе Авраама, и дѣлалъ правду такъ, какъ онъ дѣлалъ. Праведный, принимая странныхъ, вмѣстѣ съ предложеніемъ трапезы, предписывалъ себѣ и законъ. Онъ самъ прислуживалъ, не желая того, чтобы слуги были участниками въ его корысти. Поистинѣ, таковые получатъ мзду за милосердіе,

хотя они стоять и во второмъ разрядѣ. Господь, создавъ вселенную, поставилъ на ней два рода обитателей. Однимъ, живущимъ въ чистотѣ, учредилъ бракъ для дѣторожденія; а другимъ для цѣломудреннѣйшей жизни опредѣлилъ дѣвственность, дѣлая ихъ равно—ангельными. Однимъ далъ законы и наказанія и наставленія, а другимъ говоритъ: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь.* Рим. 12, 19. Въ одномъ случаѣ говоритъ: *Дѣлай землю*; Быт. 3, 23. въ другомъ случаѣ приказываетъ: *Не пецытеся на утрей.* Мат. 6, 34. Тѣмъ положилъ законъ; а насъ благодатію самъ научилъ заповѣдямъ.

Побѣдное знамя наше есть крестъ. Ибо званіе наше не что иное есть, какъ отреченіе отъ жизни и помышленіе о смерти. Такъ какъ мертвые не дѣйствуютъ тѣломъ: подобно и мы. А что посредствомъ его должно было сдѣлать, мы то сдѣлали, когда были младенцы: поелику Апостолъ говоритъ: *Мнѣ міръ распяся, и азъ міру.* Гал. 6, 14. Станемъ жить душею. Въ ней покажемъ добродѣтели. Будемъ милосерд-

ствовать мыслію. *Блажени милостивіи* душею. Какъ въ одномъ случаѣ говорится, что вождел ѣвшій красоты и безъ дѣла совершилъ грѣхъ на единѣ: равнымъ образомъ и здѣсь сильна милостыня. Мысль совершаетъ дѣло, хотя и нѣтъ сребра. Мы удостоены большей чести.

Какъ мірскіе вельможи поручаютъ слугамъ различныя должности: иныхъ отсылаютъ въ деревни для воздѣлыванія земель и распространенія своего рода; а дѣтей ихъ, естьли найдутъ ихъ хорошими и особенно красивыми, переводятъ въ собственные домы для служенія себѣ. Такъ и Господь, вступившихъ въ честный бракъ поставляетъ въ странѣ міра; а лучшихъ дѣтей ихъ, которыя удостоились особенно счастливаго предъизбранія, поставляетъ на служеніе Себѣ. Онѣ свободны отъ всѣхъ мірскихъ упражненій: поелику удостоились Господней трапезы. Не заботятся объ одѣяніи: ибо облеклись во Христа.

Надъ сими двумя состояніями одинъ Господинъ—Христосъ. Такъ какъ изъ одного

хлѣба бываетъ и мякина и сѣмя: равно отъ одного происходятъ Господа какъ честно живущіе въ мірѣ, такъ и избравшіе отшельническую жизнь. Въ томъ и другомъ состояніи есть нужда въ листьяхъ для сбереженія и пользы сѣмени; но плодъ необходимо должно произращать: ибо онъ есть начало всего. Какъ не можетъ трава и сѣмя расти въ одно время: такъ невозможно произрастить небесный плодъ, естьли мірская слава окружаетъ насъ. Когда листья спадутъ и стебель засохнетъ, тогда колосъ поспѣлъ къ жатвѣ. И мы возможемъ произрасти сѣмя спасенія, когда на мѣсто листьевъ отторгнемъ земную суетность, когда на подобіе стебля изсушимъ тѣло свое и возвысимъ умъ нашъ.

Тому, кто самъ не испыталъ дѣятельной жизни, опасно приниматься за наученіе. Естьли бы кто, имѣя домъ близкій къ паденію, принялъ странныхъ; то паденіемъ дома причинилъ бы имъ пагубу: подобно и сіи, прежде не устроивъ себя совершенно, вмѣстѣ съ собою погубили и тѣхъ, которые пришли къ нимъ. Словами

они призывали ко спасенію; но развращеніемъ нрава болѣе повредили пріобщившимся къ нимъ. Голый составъ словъ подобенъ картинамъ, которыя пишутся линючими красками, и которыя въ самое короткое время изглаждаются дыханіемъ вѣтровъ и дождевыми каплями. Напротивъ, ученія, соединеннаго съ дѣятельностію, не можетъ изгладить ни цѣлый вѣкъ. Ибо орудіе слова, вырѣзывая камень души, представляетъ очамъ вѣрныхъ истинное изображеніе Христа.

По сему и намъ должно стараться о обновленіи своей души не наружномъ, не обманчивомъ; но украшать ее всю всѣмъ, обращая особенное вниманіе на внутренность. Мы остригли волосы. Снимемъ съ себя и шелуди, облѣпившіе голову. Естьли они будутъ распространяться, то нанесутъ намъ много боли. Волосы наши были: мірское украшеніе, чести, слава, имѣнія, блистательные наряды, омовенія, сладкія яствы. Мы, кажется, это оставили. Но наипаче снимемъ съ себя душепагубные шелуди. Какіе это шелуди? Худые помыслы, злословіе, клятвопреступленіе, любостяжаніе; а голова

есть душа наша. Доколѣ скоты скрывались въ густотѣ мірскихъ предметовъ, дотолѣ они были непримѣтны. Но теперь, когда ихъ обнажили, они для всѣхъ стали явны. Такъ въ дѣвственницѣ или монахѣ примѣтны самомалѣйшіе грѣхи, подобно какъ въ чистомъ домѣ появившееся животное для всѣхъ бываетъ примѣтно, хотя бы оно было самомалѣйшее. Но у мірянъ, такъ какъ въ нечистыхъ лачугахъ, скрытно засѣдаютъ величайшія изъ ядовитыхъ животныхъ, будучи покрыты кучами нечистотъ. Посему должно намъ непрестанно вычищать домъ, и осматривать, не засѣдаетъ ли какое нибудь ядовитое животное во внутреннихъ покояхъ души, и окуривать мѣста Божественнымъ ѳиміамомъ—молитвою. Какъ сильнѣйшія лѣкарства выгоняютъ ядовитыхъ животныхъ: такъ молитва и постъ изгоняютъ нечистые помыслы. Одинъ изъ душепагубныхъ звѣрей есть и то, чтобы увлекаться допускающими *судьбу*, которую иначе называютъ *рожденіемъ*. И это также есть сильнѣйшій ударъ діавола. Уму прилѣжныхъ душъ онъ часто представитъ только пагубную мечту и отбѣгаетъ. Но надъ

людьми нерадивыми и господствуетъ. Никто изъ добродѣтельныхъ не вѣритъ и не допускаетъ сіе глупое и ложное ученіе. Но Бога полагаетъ началомъ всякаго добра, какое было и есть; а собственный разумъ поставляетъ начальникомъ и судіею какъ добродѣтели, такъ и порока. Тѣ, кои отъ нерадѣнія и безпечности подверглись слѣдствіямъ неосмотрительности, тотчасъ прибѣгаютъ къ сему демону — какъ дѣти, вышедшія изъ порядка, которыя не стерпѣвъ полезнаго наказанія родителей и убѣжавъ, ищутъ мѣстъ пустынныхъ, и попадаются на страшныхъ и дикихъ демоновъ. Стыдясь признать разумъ причиною своихъ дѣлъ, они ссылаются на небылицу.

Кромѣ того, потерявшіе страхъ Божій, приписываютъ *рожденію* свободныя дѣйствія. Любодѣйцы и воры, любостяжаніемъ страждущіе и уныніемъ одержимые, уклонили дѣла свои отъ истины. Конецъ ихъ стремленія есть пагубное для нихъ отчаяніе. Ибо, безъ сомнѣнія, таковыми разсужденіями они опровергаютъ Бога и такъже судъ. Поелику, говоритъ, мнѣ суж-

дено быть любодѣемъ и любостяжателемъ, то судъ излишенъ. По тому что справедливо наказаніе послѣдуетъ за произвольными грѣхами. Но дѣйствіе необходимое, происходящее отъ нѣкотораго начала, дѣлаетъ безвиннымъ того, кто совершилъ оное. Симъ самымъ судъ уничтожается.

Послушайте, какимъ образомъ и Божество отвергается ими. Они скажутъ, что Оно существуетъ или прежде, или послѣ, или одновременно вымыслу ихъ. Когда скажутъ, что Богъ прежде былъ, то необходимо слѣдуетъ, что отъ Него все произошло. И поелику Онъ живетъ во всемъ, по сему Онъ есть Господь и судьбы. Естьли любостяжатель или блудодѣй по *рожденію*, то Богъ, будучи причиною *рожденія*, есть причина и зла, что нелѣпо. Когда же они скажутъ, что Божество существуетъ послѣ; то Оно должно быть подчинено прежде существующему. И что пожелаетъ предшествующее; тому необходимо повинуется и то, что слѣдуетъ за нимъ. И Богъ опять останется у нихъ виновникомъ зла, что преступно. Естьли они назовутъ Его и со-

вѣчнымъ, то, конечно, выдетъ между ними противорѣчіе, по причинѣ противоположности ихъ естествъ. Сіи разсужденія до основанія разрушаютъ безразсудное ихъ мнѣніе. О нихъ-то сказано въ Писаніи: *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ.* И еще: *Неправду въ высоту глаголаша.* Пс. 13, 1. 72, 8.

Они вымышляютъ себѣ извиненія во грѣхахъ. Снимаютъ верхушки съ завѣтовъ Писанія, будучи слѣпы и желая найти въ нихъ оправданіе своему безумію. И во первыхъ, словами Евангелія силятся вылить ядъ свой. Сказано: *Іисусъ Христово рождество сице бѣ.* Матѳ. 1, 18. *Рождество* Его — это слова Божественннаго Писанія. Но рожденіе Его означено и по той причинѣ, что Онъ родился для спасенія людей. Естьли они и о звѣздѣ что нибудь ложно думаютъ, то и отсюда должны познать славное Его пришествіе. Одна звѣзда— свѣтлѣйшая проповѣдовала намъ истину; а ихъ безумная мысль допускаетъ многія звѣзды, и ихъ вліяніе на человѣческое рожденіе. Изъ сего явствуетъ, что это зло со всѣхъ сторонъ

себѣ противорѣчитъ. Они также приводятъ Исаію во свидѣтельство своего безумія. Говорятъ: вотъ что сказано: *Господь творяй миръ, и зиждяй злая.* 45, 7. Всѣ согласны въ томъ, что миръ есть дѣло Божіе. Что касается до зла, т. е. зла души, то оно по истинѣ въ нихъ обитаетъ. Но зло, которое происходитъ отъ Бога, по нашему мнѣнію, есть зло наиполезнѣйшее: ибо для спасенія души и укрощенія плоти бываютъ заразы и наводненія, болѣзни и бѣдность и другія какія нибудь несчастія. Это спасительныя лѣкарства для души порочной, и несправедливо почитаютъ ихъ за зло. Онѣ посылаются намъ отъ Бога для обращенія. *Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ?* Евр. 12, 7. Но они приводятъ еще и сіи слова: *Нѣсть человѣку путь его*— Іер. 10, 23. — приводятъ, подобно какъ и прежде, для опроверженія себя. Ибо, не зная путей, хотятъ изслѣдовать пути. Нѣтъ пути ни въ любостяжаніи, ни въ объяденіи, ни въ любодѣяніи. Онѣ не имѣютъ основанія, а остаются сами по себѣ. И ихъ-то они называютъ путями! Но Свящ. Писаніе показываетъ

для всѣхъ общіе здѣсь пути: жизнь и смерть. По истинѣ онѣ суть пути; одинъ ко вступленію въ сей міръ, другій къ перехожденію отъ сихъ чувственныхъ вещей.

А все сіе дѣлаютъ злые демоны для того, дабы лишить себя свободной воли; и прилагаютъ столько старанія для того, чтобы промѣнять свободу на рабство. Таково свойство порока, что онъ всегда влечется къ худшему. Тѣ сами себѣ свидѣтели, которые предались сему злу. И подлинно, оно есть коварное изобрѣтеніе діавола. Нелѣпымъ мнѣніемъ онъ преклоняетъ къ землѣ нерадивыя души, не позволяя имъ возвести очей своихъ для усмотрѣнія истины. Какъ корабль, плывущій безъ кормила, всегда обуревается; подобно и имъ предлежитъ опасность со всѣхъ сторонъ. Оставивъ кормчаго—Господа, они не могутъ пристать къ спасительному берегу. Такъ обольщаетъ врагъ преданныя ему души! Но онъ часто и бдительнымъ душамъ подставляетъ сіи сѣти, желая пресѣчь имъ путь добродѣтели. Онъ влагаетъ въ мысль, что и добрыя дѣла зависятъ отъ движенія планетъ. Сей

помыслъ раждаетъ онъ въ тѣхъ, которые отъ мірской мудрости перешли въ монашескую жизнь. Діаволъ, искусившійся во злѣ, ставитъ клѣтки, смотря по состоянію людей. Иныхъ приводитъ въ отчаяніе; иныхъ манитъ тщеславіемъ; другихъ низвергаетъ любостяжаніемъ, и какъ смертоносный врагъ подаетъ людямъ яды. У одного повреждаетъ печень, предлагая ему ядотворное лѣкарство пожеланія; у другаго уязвляетъ сердце, возбуждая духъ его ко гнѣву; а у нѣкоторыхъ притупляетъ силу духа, или покрывая ихъ невѣдѣніемъ, или терзая излишнею заботливостію.

И дѣйствительно, нѣкоторыхъ погубилъ ненадлежащими изысканіями. Они восхотѣли обнять Бога и Его существо, и потерялись. Не умѣя управлять дѣятельною жизнію, какъ должно, они направили путь къ области созерцанія, и, закружившись, погрязли въ пучинѣ. Не уразумѣвъ по чередѣ перваго, они ошиблись во второмъ. Ибо выучивающіе начальную букву *А* сначала смотрятъ на ея очертаніе, потомъ затверживаютъ имя, и такимъ образомъ учат-

ся складывать, и наконецъ разбирать ударенія. И такъ, естьли начальное *А* требуетъ такого времени и такой науки; то не паче ли должны предшествовать трудъ и время въ познаніи Творца, въ созерцаніи Его неизреченной славы? Пусть никто не берется познавать Божественное, при руководствѣ внѣшнихъ наукъ. Таковый обманываетъ самаго себя, будучи прельщаемъ отъ діавола. Псалмопѣвецъ говоритъ: *Изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу.* Пс. 8, 3. И Самъ Господь сказалъ въ Евангеліи: *Оставите дѣтей приходити ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное.* Лук. 18, 16. Мат. 19, 14. И въ другомъ мѣстѣ: *Аще не будете, яко дѣти* сіи. Мат. 18, 3. Ты мудръ для міра; будь глупъ для Господа. Выдерни старое, дабы насадить новое. Разрушь непрочныя основанія, дабы положить основаніе Господа, твердое какъ адамантъ, дабы и ты, какъ Апостолъ, утвержденъ былъ на твердомъ камнѣ. Не должно быть любопрительнымъ, дабы отъ многоглаголанія слишкомъ не развлечься. Діаволъ и безвременною словоохотливостію можетъ вредить. У него много ловущекъ: ибо онъ

искусный ловчій. Для маленькихъ воробушковъ кладетъ маленькія силочки; а для большихъ птицъ большія разставляетъ сѣти. Страшная то и смертоносная сѣть—признавать *рожденіе.* Должно уклоняться отъ такой мысли. Но онъ склоняетъ тебя самыми дѣлами и предсказаніями? Это догадка, нетвердая мысль. То, что они говорятъ, не сопровождается необходимымъ исполненіемъ. Такъ какъ обыкновенно люди простые и мореходцы, смотря на облака, невѣрно догадываются о вѣтрахъ или дождяхъ: подобно и они получаютъ отъ демоновъ слабое предузнаніе. Нѣчто и они гадаютъ, какъ чревобасники. Но это самое могло бы болѣе разрушить безрасудное ихъ мнѣніе. Ибо естьли демоны сплетаютъ сію догадочную ложь, то суетно искусство дѣлающихъ примѣты!

Естьли же врагъ не перестаетъ защищать истину того же самаго; то обличишь его во лжи тѣмъ, что въ другое время онъ другими помыслами возмущаетъ душу. И такъ сія мысль непостоянная, нетвердая; а что нетвердо, то близко къ

разрушенію. Но діаволъ не довольствуется первою своею злобою, а внушаетъ душѣ и *случай*, и обрѣзываетъ цвѣтъ естества, умъ нашъ; внушаетъ, что вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла уничтожится и душа. А сіе дѣлаетъ для того, дабы погубить душу нерадѣніемъ. Но когда найдутъ сіи призрачныя представленія; то не должно принимать ихъ за истинныя. Ибо онѣ сами открываютъ свою ложь, когда въ иное время являются подъ другимъ какимъ нибудь видомъ, и во мгновеніе ока изчезаютъ. И дѣйствительно, я знала одного раба Божія, живущаго по правиламъ добродѣтели, который, сидя въ келліи своей, наблюдалъ за приходомъ мыслей, и считалъ, какая первая, какая вторая, сколько времени оставалась каждая изъ нихъ, послѣ ли она пришла или прежде прошедшаго дня. Такимъ образомъ онъ ясно различалъ какъ благодать Божію, такъ и собственное терпѣніе и силу, и также низложеніе врага.

По сему должно и намъ принять сіи правила, и сохранять оныя. Ибо естьли занимающіеся торговлею временныхъ вещей

каждый день считают доходы, и съ радостію получают прибыль, а убытковъ боятся: то тѣмъ болѣе должны бояться тѣ, которые торгуютъ истиннымъ сокровищемъ; должны желать большихъ благъ; а естьли врагъ и учинитъ какое нибудь малое похищеніе, то, хотя и трудно переносить возмущеніе, не отчаяваться въ себѣ, и чрезъ непроизвольное паденіе не оставлять всего. Ты имѣешь девяносто девять овецъ; ищи и погибшую, дабы тебѣ не сокрушаться объ одной, не оставить Господа, и чтобъ кровожадный діаволъ не захватилъ и не расхитилъ всего стада твоихъ дѣлъ. И такъ не оставляй твоего мѣста ради одной. Благъ Господь; ибо Онъ говоритъ чрезъ Псалмопѣвца: *Егда падетъ, не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его.* Пс. 36, 24.

Естьли мы что нибудь сдѣлаемъ здѣсь, и получимъ какую прибыль; будемъ то почитать малымъ въ сравненіи съ будущимъ богатствомъ. Мы живемъ на сей землѣ, какъ во второй утробѣ матерней. Такъ какъ въ семъ мрачномъ гробѣ не такую вели жизнь:

ибо тамъ не употребляли такой твердой пищи, какую употребляемъ нынѣ, не могли дѣйствовать такъ, какъ здѣсь; потому что мы были внѣ солнечнаго сіянія и всякаго свѣта; и какъ, находясь въ семъ тѣсномъ жилищѣ, не имѣли многаго изъ того, что имѣемъ здѣсь: подобно и въ нынѣшнемъ мірѣ мы претерпѣваемъ лишеніе въ сравненіи съ царствіемъ небеснымъ. Мы вкусили яствъ земныхъ: возжелаемъ небесныхъ; насладились здѣшнимъ свѣтомъ: возжелаемъ Солнца правды. Вышній Іерусалимъ будемъ почитать за градъ свой и матерь свою, и Бога будемъ называть отцемъ своимъ. Поживемъ цѣломудренно, дабы наслѣдовать жизнь вѣчную.

Такъ какъ младенцы отъ скудной пищи и жизни возросшіе во чревѣ матери, отъ сего самаго переходятъ къ большему возрастанію: подобно и праведные отъ мірской жизни переходятъ на высшій путь, по писанному: *Пойдутъ отъ силы въ силу.* Пс. 83, 8. Но грѣшные, какъ младенцы, скончавшіеся въ чревѣ, переходятъ изъ мрака во мракъ. Они умираютъ на землѣ, бу-

души покрыты множествомъ пороковъ, а по окончаніи жизни низвергаются въ темныя и преисподнія мѣста. Мы раждаемся въ жизни три раза. Раждаемся въ первый разъ, когда изъ земли переходимъ на землю. Прочія два рожденія возводятъ насъ отъ земли на небо. Одно изъ нихъ совершается благодатію посредствомъ Божественной *бани*. Справедливо называемъ оное *пакибытіемъ*. Но третіе рожденіе совершается покаяніемъ и благими трудами. Сіе-то есть наше рожденіе.

Приступая къ истинному Жениху должны украситься лучше. Возмемъ себѣ за образецъ мірскій бракъ. Естьли мірскія жены, сочетаваясь съ мужемъ, котораго легко привлечь, такъ много заботятся объ умовеніяхъ, о благовонныхъ мазяхъ и различномъ убранствѣ: ибо думаютъ, что чрезъ сіе онѣ сдѣлаютъ себя болѣе привлекательными; естьли такое благолѣпіе у тѣхъ, которыя живутъ по плоти: то тѣмъ болѣе мы, обрученныя небесному Жениху, должны превосходить ихъ въ намѣреніи;—должны омывать скверну грѣховъ многотруднымъ под-

вижничествомъ, и одежды тѣлесныя перемѣнять на духовныя. Онѣ украшаютъ тѣло свое земными цвѣтами; а мы украсимъ добродѣтелями душу свою, и вмѣсто многоцѣнныхъ камней возложимъ на главу тройственный вѣнецъ—вѣру, надежду и любовь. А шею перевяжемъ для красоты драгоцѣннымъ ожерельемъ — смиренномудріемъ. Вмѣсто пояса препояшемся цѣломудріемъ. Убожество да будетъ у насъ свѣтлыми тканными одеждами. На пирѣ предложимъ нетлѣнныя пищи—молитвы и пѣнія. Но, какъ говоритъ Апостолъ, не только двигай языкъ, но и духомъ уразумѣвай то, что говоришь. Ибо часто уста говорятъ другое; а сердце занимается помышленіями. Должно смотрѣть, чтобы приступая къ Божественному браку, мы не имѣли скудости въ добродѣтеляхъ. Ибо Женихъ возненавидитъ насъ и вовсе не приметъ, естьли не получитъ обѣщаннаго. А въ чемъ состоятъ обѣщанія? Въ томъ, чтобы менѣе заботиться о тѣлѣ, а болѣе напитывать душу. Вотъ какіе договоры съ Нимъ!

Какъ не можно за одинъ разъ вытянуть

два ведра, наполненныхъ водою: ибо посредствомъ обращающаго колеса одно, пустое, опускаешся внизъ; а другое, наполненное, поднимаешся вверхъ: тоже самое бываетъ и съ нами. Когда мы приложимъ все стараніе о душѣ; тогда исполненная благими дѣлами она возвышаешся, стремясь къ горнему; а тѣло наше, содѣлавшееся отъ подвижничества легкимъ, не обременяетъ управляющей силы. И сіе свидѣтельствуетъ Апостолъ, когда говоритъ: *Сколько внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, столько внутренній обновляется.* 2 Кор. 4, 16.

Ты живешь въ монастырѣ? Не перемѣни мѣста. Какъ насѣдка, оставляющая свои яйца, сохраняетъ ихъ въ свѣжести и дѣлаетъ неплодными: такъ и дѣвица или монахъ становится хладнымъ и мертвымъ въ вѣрѣ, переходя съ мѣста на мѣсто.

Да не обольститъ тебя наслажденіе мірскихъ богачей, и не подумай, что съ удовольствіемъ соединена какая нибудь польза. Они за дорого ставятъ искусство поваровъ; а ты пощеніемъ и скудными пищами пре-

взойди изобиліе яствъ ихъ. Ибо сказано: *Душа въ сытости сущи сотамъ ругается.* Прит. 27, 7. Не пресыщься хлѣбомъ и не возжелай вина.

У врага три главныхъ источника, изъ которыхъ проистекаетъ всякое зло: пожеланіе, удовольствіе, печаль. Одно зависитъ отъ другаго, и одно за другимъ слѣдуетъ. Возможно нѣсколько умѣрять удовольствіе, но пожеланіе никакъ. Удовольствіемъ нѣжится тѣло; но пожеланіе зачинается въ душѣ; а печаль слагается изъ того и другаго. И такъ не позволяй дѣйствовать пожеланію; разгони и прочее. Естьли же допустишь возникнуть первому, то оно возбудитъ второе, и, дѣлая между собою кругообращательную перемѣну, онѣ никогда не дадутъ покоя душѣ. Ибо написано: *Не дай водѣ исхода.*

Не все всѣмъ свойственно. Каждый по собственному расположенію долженъ назидать себя. Однимъ прилично жить въ монастырѣ; другимъ полезно удаляться въ уединеніе. Такъ какъ изъ растѣній— однѣ цвѣ-

тутъ лучше на мокрыхъ мѣстахъ; а другія цѣлѣе на мѣстахъ сухихъ: равно и изъ людей— одни успѣваютъ на высокихъ мѣстахъ; а другіе безопаснѣе на мѣстахъ низшихъ. Многіе спаслись и въ городѣ, живя по пустынному; а многіе и на горѣ погубили себя, дѣлая людское. Ибо можно, обращаясь со многими, уединяться мыслію, и будучи въ уединеніи, мыслію обращаться со многими.

У врага много жалъ. Бѣдностію не подвигнулъ душу? Богатство употребляетъ для приманки. Поношеніями и ругательствами не пересилилъ? Похвалами и славою осыпаетъ. Здравіемъ побѣжденъ? Наноситъ болѣзнь тѣлу. Не могши прельстить удовольствіями, непроизвольными скорбями старается отклонить душу, безъ охоты и безъ доброй воли ея. Наводитъ жесточайшія болѣзни, дабы чрезъ сіе самое сдѣлать ихъ лѣнивыми и ослабить ихъ любовь къ Богу. Но естьли сокрушается тѣло и жжется сильнѣйшими лихорадками и еще мучится непомѣрною жаждою, буде ты во грѣхахъ, то вспомни о будущемъ мученіи, о наказаніи суда и не оставайся тогда безъ дѣла. Ра-

дуйся, что посѣтилъ тебя Господь, и сіе изреченіе носи на языкѣ: *Наказать наказалъ меня Господь, но смерти не предалъ меня.* Пс. 117, 18. Ты желѣзо; но огонь отнимаетъ ржавчину. Естьли же ты и подъ благодатію, но находишься въ немощи, то отъ великаго къ большему простираешься. Ты золото: но отъ огня дѣлаешься чище. Въ плоти данъ тебѣ ангелъ сатаны. Торжествуй! Смотри, кому ты уподобляешься! Это даръ Павловъ! Горячки очистятъ, лихорадки научатъ. Но Писаніе говоритъ: *Мы вошли въ огонь и воду.* Пс. 65, 12. Послѣ готовится прохлада. Естьли получено первое, то ожидай втораго. Труждаясь восклицай слова Святаго Давида. Онъ говоритъ: *Я нищъ и бѣденъ и стражду.* Пс. 68, 30. Чрезъ сію троицу будешь совершеннѣе. Ибо говоритъ: *Въ скорби распространилъ мя еси.* Пс. 4, 2. Сими бореніями пріобучимъ души: поелику всегда будемъ имѣть предъ глазами противника.

Не станемъ печалиться душею, что чрезъ слабость и болѣзнь тѣла не въ силахъ будемъ стоять на молитвѣ или пѣть голо-

сомъ. Все это споспѣшествуетъ намъ къ истребленію пожеланій: ибо пощенія и долулежанія предписаны намъ по причинѣ гнусныхъ въ насъ удовольствій. И такъ, естьли тяготитъ болѣзнь, то излишенъ трудъ. И что я говорю: излишенъ? Отъ болѣзни, такъ какъ отъ лучшаго и дѣйствительнѣйшаго лѣкарства засыпаютъ пагубныя страсти. И то уже есть великій подвигъ, чтобы въ болѣзняхъ быть твердымъ, и возсылать къ Богу благодарственныя молитвы. Мы лишаемся очей. Не будемъ печалиться. Хотя мы и потеряли ненасытныя орудія, однако очами внутренними созерцаемъ славу Божію. Лишились слуха. Будемъ благодарить за то, что во все не станемъ слушать пустыхъ рѣчей. Не дѣйствуютъ руки. Но у насъ есть руки внутреннія, готовыя на брань со врагами. Все тѣло страждетъ болѣзнію. Такъ умножается здравіе внутренняго человѣка.

Живя въ монастырѣ, покажемъ болѣе послушанія, нежели подвижничества. Сіе вдыхаетъ гордость, а то научаетъ смиренномудрію. Напрягаетъ и врагъ подвижничес-

тво: ибо и его ученики подвизаются. И такъ, какимъ образомъ отличимъ подвижничество Божественное и царское отъ тиранскаго и демонскаго? Извѣстно, умѣренностію. Во все время да будетъ у тебя одно правило относительно поста. Постись не четыре или пять дней, такъ чтобы послѣ отъ множества пищи потерять силу. Это удовольствіе для врага. Не употреби за одинъ разъ всѣхъ оружій, дабы не остаться безоружною на сраженіи и не сдѣлаться удобоприступною. Оружіе наше есть тѣло; а душа воинъ. Старайся о томъ и о другомъ для ихъ пользы. Молодъ ли кто и здоровъ, постись. Ибо придетъ старость со слабостію. Естьли кто слабъ, умножь пищу, дабы не быть безсильнымъ. Постись съ умомъ и осмотрительностію. Смотри, чтобы врагъ не вкрался въ торговлю твоего поста. Думаю, что, можетъ быть, Господь сказалъ о семъ: *Будьте хорошими купцами*, т. е. твердо знайте монету царскую: ибо есть и ложныя монеты. Хотя сущность золота одна и таже, но различествуетъ начертаніемъ. Дѣйствительно, золото есть: постъ, воздержаніе, милосердіе; но и язы-

ческіе сыны начёртываютъ на нихъ тиранское свое изображеніе, и всѣ еретики хвалятся ими. Должно разглядывать ихъ и опасаться, какъ ложныхъ монетъ. Смотри, чтобы по неопытности тебѣ не понести вреда. И такъ прими безъ опасенія Крестъ Господень, на коемъ начертаны добродѣтели, т. е. прими правую вѣру съ добрыми дѣлами.

Должно намъ со всѣмъ искусствомъ управлять душею, и живя въ обители, не искать собственнаго и не угождать своей волѣ, но повиноваться матери по вѣрѣ. Мы сослали себя въ ссылку, т. е. стали внѣ предѣловъ міра. И такъ мы изгнанники; не будемъ же искать прежняго. Тамъ мы имѣли славу, здѣсь безславіе; тамъ изобиліе яствъ, а тутъ и въ хлѣбѣ недостатокъ. Въ мірѣ виновные и не хотя заключаются въ темницу; а мы за преступленія свои сами себя заключимъ подъ стражу, дабы свободное расположеніе избавило насъ отъ будущаго наказанія.

Ты постишься? не пожалуйся на болѣзнь:

ибо и непостящіеся подвергались тѣмъ же болѣзнямъ. Начинаешь доброе дѣло? не отставай: врагъ хочетъ тебѣ воспрепятствовать, но постоянство твое разрушитъ его успѣхъ. Какъ мореходцы, пускающіеся въ плаваніе, хотя сначала пользуются благополучнымъ вѣтромъ, когда распускаютъ паруса, однако поднимается опять противный вѣтръ; не смотря на то мореплаватели, по причинѣ случившагося вѣтра, не выгружаютъ корабля, но послѣ краткаго отдохновенія, или даже сраженія съ бурею, плывутъ далѣе: равно и мы, когда подуетъ противный вѣтръ, то распростерши вмѣсто паруса Крестъ, будемъ безбоязненно совершать плаваніе.

Вотъ наставленіе славной, и всѣми добродѣтелями украшенной, Синклитикіи. И это болѣе дѣла, нежели слова. Много и другаго великаго она открыла для пользы слушателей и зрителей. Она сдѣлала такъ много добра, что человѣческій языкъ сказать не можетъ.

Но доброненавистникъ діаволъ, не терпя

такого обилія благъ, крушился и размышлялъ съ собою, какимъ бы образомъ разрушить благотворное начало. Наконецъ вызываетъ мужественнѣйшую дѣву на рѣшительное сраженіе. И движимый злобою, такою платитъ местію, что не началъ удара со внѣшнихъ членовъ, но коснувшись внутреннихъ, нанесъ ей глубокое мученіе, дабы человѣческая помощь не принесла ей облегченія.

И во первыхъ, повреждаетъ легкое, нужнѣйшую для жизни часть, и нестерпимыми болѣзнями мало по малу увеличиваетъ боль. Можно бы изъ сострадапія ускорить ея смерть, но онъ, какъ жестокій палачь, поражая многими и медленными ударами, показываетъ свою лютость. По немногу разрушая легкое истощилъ его совершенно. Къ томуже непрестанныя были лихорадки, которыя на подобіе пилы терзали тѣло.

Тогда было ей восемьдесятъ лѣтъ, когда діаволъ перенесъ на нее страданія Іова. Ибо и тогда такіе же употреблялъ бичи. Но въ настоящемъ случаѣ уменьшаетъ вре-

мя, дѣлая болѣзнь мучительнѣе. Іовъ тридцать пять лѣтъ находился въ язвѣ. Но здѣсь врагъ, похитивъ нѣкоторые начатки у десятковъ лѣтъ, приближается къ ея священному тѣлу, дабы поразить его ударами;—три года съ половиною славными трудами своими она противоборствовала врагу. У Іова начало болѣзней положилъ во внѣшнихъ частяхъ тѣла; но у ней начинаетъ болѣзнь внутри. Ибо, коснувшись внутреннихъ членовъ ея, нанесъ ей большія и мучительнѣйшія язвы. Думаю, что не такъ подвизались мужественнѣйшіе Мученики, какъ славная Синклитикія. Ибо злодѣй приближался къ нимъ съ внѣшней стороны. Хотя бы съ мечемъ, хотя бы съ огнемъ нападалъ на нихъ, все это было снснѣе настоящихъ ея искушеній. Ея утробу палилъ подобно какъ разженною пещію, возжигая мало по малу внутренній огнь, и какъ пилою медленно сокрушалъ тѣло. И можно по справедливости назвать это искушеніемъ тяжкимъ и жестокимъ. Такъ какъ судебные властители, когда они захотятъ подвергнуть преступниковъ жесточайшимъ наказаніямъ, то наказываютъ ихъ тихо го-

рящимъ огнемъ. Подобно и врагъ, возбуждая внутри лихорадку, какъ тихій огнь, мучилъ непрестанно — и ночью и днемъ. Перенося мужественно такую язву, она не ослабѣла въ духѣ. Напротивъ Блаженная опять вооружалась противъ врага. Опять полезными уроками цѣлила уязвленнныхъ отъ него; и души, какъ отъ кровожаднаго льва, исторгала невредимыми. Ураненныхъ врачевала спасительными лѣкарствами Христовыми; а нѣкоторыхъ сохранила даже неприкосновенными. Показывая имъ обманчивыя сѣти врага, избавляла ихъ отъ грѣховъ.

Говорила Блаженная, что души, посвященныя Богу, никогда не должны оставлять заботы. Ибо врагъ особенно съ ними борется. Когда онѣ наслаждаются миромъ, тогда онъ скрежещетъ зубами, рвется, видя свое низложеніе, и немного отступивъ, наблюдаетъ, когда бы онѣ хотя на краткое время заснули, и такимъ образомъ наступаетъ. И съ той стороны, съ которой кто нибудь думалъ быть безопаснымъ, съ той стороны онъ и побораетъ его. Ибо какъ невозможно, чтобы совершенно раз-

вратные не имѣли хотя искры добра; такъ напротивъ и у благочестивыхъ. Какъ у тѣхъ такъ и у другихъ лежитъ нѣкоторая частица на противоположныхъ сторонахъ. Часто человѣкъ бываетъ оскверненъ всѣми пороками, живетъ во всякомъ невоздержаніи, однако бываетъ милосердъ. И добродѣтельные часто сохраняютъ цѣломудріе, постъ, многотрудное подвижничество, но, можетъ быть, они скупы и злорѣчивы.

И такъ не должно пренебрегать малостями, какъ неспособными вредить. Ибо вода мало по малу размываетъ и камень. Величайшія блага въ людяхъ производитъ Божественная благодать. Но преодолѣвать маловажное, мы сами должны учиться. Побѣдившій великія затрудненія помощію благодати и презрѣвшій малое много получитъ вреда. Господь нашъ, какъ родный Отецъ дѣтямъ своимъ, недавно ступившимъ на ноги, простираетъ руку и совершенно освобождая ихъ отъ какой нибудь великой опасности, малыя затрудненія предоставляетъ намъ самимъ, какъ бы ногами, отталкивать, показывая чрезъ сіе свободное про-

изволеніе. Кто не уберегся отъ малаго, тотъ какъ можетъ уцѣлѣть отъ большаго?

Доброненавистникъ, видя, что она опять усиливается противъ него, не могъ перенести. Видя, что его тиранство разрушается, вымышляетъ другій нѣкоторый образъ мученія, поражаетъ орудія гласа, дабы воспрепятствовать произношенію словъ, думая чрезъ сіе слушателей ея уморить гладомъ Божественныхъ словесъ. Но естьли онъ отнялъ пользу пріобрѣтаемую отъ слуха, то въ большемъ положилъ корысть. Взиравшія очами на ея страданія болѣе укрѣплялись духомъ. Раны тѣла ея врачевали уязвленныя души. Въ зрителяхъ видны были забота и служеніе; а въ Блаженной великодушіе и терпѣніе.

Начало язвы ея сдѣлалъ врагъ такое: причинивъ болѣзнь одному коренному зубу, послѣ приводитъ въ согнитіе десны. Отваливаются уста, и болѣзнь переходитъ на всю щеку. Тлѣетъ и низшая плоть и въ продолженіи сорока дней уста исполняются червями, а по прошествіи двухъ мѣсяцевъ исто-

чаются. Всѣ ближнія мѣста почернѣли. Самыя кости заразились, и сохли мало по малу. Гнилость и ужаснѣйшее зловоніе по всему тѣлу распространилось, такъ что прислужницы страдали болѣе ея самой. Не въ силахъ будучи переносить смрадъ, онѣ большею частію удалялись. Но когда было нужно, тогда входили, возжегши множество ѳиміама, и опять выходили по причинѣ страшнаго зловонія. Блаженная открыто видѣла противника и никакъ не позволяла употреблять для себя человѣческой помощи, показывая и здѣсь свое мужество. И когда собравшіяся уговаривали ее хотя помазать члены благовонною мазью, по причинѣ ихъ слабости, то она не послушалась. Ибо думала, что, употребляя внѣшнія пособія, она не устоитъ на славнѣйшемъ сраженіи. Но онѣ призываютъ нѣкоего врача, дабы хотя онъ возмогъ убѣдить ее принять помощь. А она опять отвергнула, говоря: за чѣмъ вы препятствуете мнѣ на сей славной битвѣ? Для чего ищете видимаго, не зная сокрытаго? На что, не видя дѣлающаго, много заботитесь о дѣлѣ? Врачь отвѣчалъ: я употреблю лѣкарство не для

пользы какой нибудь или облегченія, но дабы отнять, какъ должно, недѣйствующій и мертвый членъ, чтобы и прочіе не заразились. Я теперь сдѣлаю то же, что дѣлаютъ съ мертвыми. Приложу алой съ смирною и миртомъ, растворивъ виномъ. Она приняла совѣтъ, сжалившись болѣе надъ пришедшими. Ибо отъ сего уменьшалось нестерпимое зловоніе.

Кто бы не ужаснулся, смотря на жестокую язву? Кто бы не пріобрѣлъ пользы, помышляя о терпѣніи Блаженныя? Кто бы не получилъ назиданія, видя паденіе врага? На то самое направилъ онъ ударъ, откуда выходилъ Божественный и сладчайшій источникъ словесъ; его чрезмѣрная свирѣпость отгнала всякую помощь. Такъ какъ кровожадный звѣрь, онъ отвратилъ стараніе сообщницъ, дабы растерзать предложенную жертву. Но ища пищи, сдѣлался самъ пищею. Какъ удою, пойманъ былъ слабостію тѣла. Видя жену, презиралъ ее, не зная мужественнаго ея духа. Смотрѣлъ на слабые члены, но по слѣпотѣ не могъ усмотрѣть крѣпчайшей души ея. Въ продолже-

ніе трехъ и болѣе мѣсяцевъ она дѣйствовала на семъ сраженіи. Все тѣло поддерживалось Божественною силою: ибо всѣ средства къ сохраненію его нарушились. Она не ѣла. Да и какъ могла ѣсть при такой заразѣ, при такомъ зловоніи? И сонъ убѣгалъ отъ нея; мученія прогоняли его.

Наконецъ, когда близокъ былъ конецъ побѣды и славы, она видѣла видѣнія и назираніе Ангеловъ, и призыванія Святыхъ дѣвъ къ восхожденію, и сіянія неизреченнаго свѣта и страну рая. Послѣ сего видѣнія, какъ бы возвратясь къ себѣ самой, говорила предстоящимъ, чтобы были мужественны, и не ослабѣвали на настоящемъ пути. Потомъ сказала имъ: послѣ трехъ дней отлучусь отъ тѣла. И не только сіе предсказала, но и день своего преставленія. По прошествіи сего времени Блаженная Синклитикія отошла ко Господу, и въ награду за побѣды получила отъ Него царство небесное.

II.

О НЕОБХОДИМОСТИ, БЕЗЪ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА СОДѢЛЫВАТЬ СПАСЕНІЕ СВОЕ.

Что есть жизнь наша? Ежели мы назначены къ существованію, которое должно простираться за предѣлы настоящей земной жизни; то имѣемъ ли право провождать жизнь сію по собственному произволенію, имѣемъ ли право располагать поступками нашими по собственнымъ прихотямъ? Есть ли какое нибудь неизмѣнное отношеніе судьбы, ожидающей насъ по смерти, къ настоящему существованію нашему; есть ли какое нибудь постоянное назначеніе касательно употребленія времени, даннаго намъ Богомъ; есть ли какая либо обязанность, и отъ способа исполненія сей обязанности будетъ ли зависѣть счастіе или несчастіе другой части нашего бытія? Таковы суть вопросы, коихъ рѣшеніе необходимо для правильнаго расположенія нашими поступками, для благоразумнаго направленія всѣхъ нашихъ дѣяній.

Оставляя человѣческія мудрованія, которыя часто людей, жаждущихъ свѣта истины, приводятъ ко тьмѣ заблужденій, обратимся къ источнику всякаго познанія, Слову Божію; и мы найдемъ рѣшеніе сихъ важныхъ вопросовъ въ устахъ самаго Спасителя. *Мнѣ надлежитъ*, говоритъ Онъ, *дѣлать дѣла пославшаго Меня, пока есть день: придетъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать.* (Іоан. 9, 4.) Такъ и мы, Христіане, которые должны *пробѣгать предлежащее намъ поприще, взирая на Начальника и совершителя вѣры Іисуса*, (Евр. 12, 1. 2.)—такъ и мы должны дѣлать дѣла, на которыя послалъ насъ Отецъ небесный; такъ и намъ назначено время совершенія оныхъ.

Всѣ мы должны дѣлать дѣла, на каждаго изъ насъ возложена обязанность. Нѣтъ ни одного человѣка, который осмѣлился бы явно возстать противъ сей истины, который сталъ бы утверждать, что дѣла человѣческія не подлежатъ никакому закону. Неоспоримо, что были нѣкогда такъ называемые мудрецы, которые въ бездѣйствіи

поставляли высочайшее благо; неоспоримо, что и нынѣ есть великое множество сластолюбцевъ, которые, не смѣя признавать открыто нелѣпыхъ началъ сихъ, жизнію своею доказываютъ оныя: но одно презрѣніе, которое вообще оказываютъ симъ безполезнымъ людямъ, достаточно для того, чтобы убѣдить въ низости ихъ правилъ. Ужасная пустота непрестанно возмущаетъ мнимое ихъ спокойствіе; пожирающія ихъ заботы удостовѣряютъ, что человѣкъ долженъ употреблять въ пользу свое время, свои способности. Въ самомъ дѣлѣ, ежели есть Богъ; ежели бытіе наше происходитъ отъ Него; ежели мы зависимъ отъ Его невидимой руки, управляющей вселенною; ежели наши надежды и опасенія въ разсужденіи будущаго, равно какъ и настоящее состояніе наше, относятся къ Нему: то изъ сего очевидно раждаются для насъ обязанности, соотвѣтственныя естеству сего верховнаго Существа, и сообразныя съ нашими къ Нему отношеніями. По сему первое наше попеченіе должно состоять въ томъ, чтобы любить сего великаго Благодѣтеля, страшиться болѣе всего Его

оскорбленія, тщательно познавать Его волю, строго послѣдовать Его повелѣніямъ, во всякомъ случаѣ приносить Ему дань благодарности и покорности, и принадлежать Ему, какъ говоритъ Писаніе, *живемъ ли мы, или умираемъ.* (Римл. 14, 8.) На семъ прочномъ основаніи воздвигнется вскорѣ зданіе всѣхъ нашихъ обязанностей. Провидѣнію угодно было назначить намъ здѣсь мѣстопребываніе среди подобныхъ намъ людей: мы имѣемъ безчисленныя къ нимъ отношенія; тысячи нуждъ, тысячи пользъ соединяютъ насъ съ ними такъ, что изъ сего непрестанно раждаются новыя должности. Мы имѣемъ должности также и къ самимъ себѣ: ибо мы обязаны образовать разумъ, побѣждать страсти, покорять волю, очищать желанія, подкрѣплять и разширять или укрощать и истреблять склонности. Сія обязанность внушена самимъ Богомъ, написана въ откровенномъ законѣ съ несравненною ясностію, изложена со всѣми подробностями, запечатлѣна дѣлами Господа Іисуса. Посему она можетъ и должна быть исполняема точно, неизмѣнно, безъ всякаго отлагательства. *Воля Божія есть освященіе ва-*

ше. (1 Сол. 4, 3.) Старайтесь *имѣть неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и человѣками.* (Дѣян. 24, 16.) *Мы твореніе* Божіе *созданное во Христѣ Іисусѣ на добрыя дѣла, которыя Богъ предназначилъ намъ, чтобъ мы ихъ исполняли.* (Ефес. 2, 10.)

Вотъ примѣры должностей, предписываемыхъ Христіанину въ Священномъ Писаніи. Христіане кромѣ сихъ общихъ должностей имѣютъ еще обязанности частныя. Обязанность градоправителей—содѣйствовать величайшему благу отечества; гражданъ—сохранять данную ему клятву во всей полнотѣ; пастырей—наставленіемъ и примѣромъ распространять владычество Религіи. Обязанность родителей—воспитывать дѣтей своихъ въ страхѣ Божіемъ; дѣтей—снискивать навыкъ къ добродѣтели и сохранять невинность. Обязанность богатыхъ—не упоевать сердца своего стяжаніями, быть на землѣ домоправителями, служителями Провидѣнія, и употреблять дарованныя имъ богатства для общаго блага; бѣдныхъ—трудиться, терпѣть, быть благодарными къ своимъ благодѣтелямъ.

Въ какомъ бы состояніи, въ какихъ бы обстоятельствахъ мы ни находились, сія обязанность предписывается намъ разумомъ, совѣстію, Евангеліемъ. Жизнь Христіанина, какъ говоритъ Писаніе, есть *борьба,* въ которой потребны непрерывныя усилія; она есть бдѣніе, въ которомъ всегда необходимо вниманіе къ самому себѣ; она есть поприще, на которомъ непрестанно имѣть должно въ виду цѣль его. *Забывая заднее,* говорилъ Св. Павелъ, *и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли.* (Филип. 3, 13.) *Подвигъ добрый я совершилъ, поприще кончилъ, вѣру сохранилъ.* (2 Тим. 4, 7.)

Самый разумъ, который не силенъ проникнуть въ будущее, указываетъ на великую важность обязанностей человѣка. Послушайте, какъ одинъ изъ языческихъ мудрецовъ, пораженный болѣзнію, которую онъ почиталъ смертною, размышлялъ самъ въ себѣ. „Ты близокъ къ смерти, а еще не „укротилъ страстей своихъ; ты близокъ „къ смерти, а не научился еще прощать „врагамъ своимъ. Ты близокъ къ смерти, а

„сожалѣешь еще о жизни; ты близокъ къ „смерти, а не содѣлался еще справедливымъ.“

Конечно, высоки сіи понятія о нашемъ состояніи на землѣ; но Христіанство еще болѣе возвышаетъ оныя. Мы сотворены, говоритъ оно, для лучшей жизни; насъ ожидаетъ небесное отечество; послѣдняя цѣль нашего сотворенія есть безсмертіе. Мы здѣсь только странники и пришельцы, имѣющіе достигнуть цѣли нашего странствованія; и однако отъ поступковъ нашихъ въ семъ странствованіи, отъ нашихъ добродѣтелей или пороковъ, будетъ зависѣть будущая участь наша. Важны сіи истины, ибо онѣ показываютъ намъ свойство и необходимость нашихъ обязанностей. Въ самомъ дѣлѣ, ежели состояніе, ожидающее насъ по смерти, составляетъ продолжительнѣйшую и существеннѣйшую часть нашего бытія; то настоящая жизнь наша должна быть приготовленіемъ къ будущей. По сему пріобрѣтать познанія, возвышаться къ чувствованіямъ, пріучаться къ добродѣтелямъ, которыя будутъ тогда жизнію души нашей, должно быть здѣсь главнымъ занятіемъ на-

щимъ. Естьли сверхъ того наше счастіе или несчастіе въ вѣчности будетъ зависѣть отъ употребленія сей жизни, естьли жизнь сія есть не только состояніе приготовленія, но и состояніе испытанія; то слѣдуетъ, что обязанность наша должна быть строго исполняема, что намъ *надлежитъ дѣлать дѣла,* на которыя послалъ насъ Отецъ небесный.

Надлежитъ дѣлать дѣла. И такъ здѣсь не разумѣется простое условіе, которое оставить можно, но точное повелѣніе, которому *надлежитъ* повиноваться. *Надлежитъ дѣлать,* и притомъ *пока есть день;* потому что *придетъ ночь, когда никто не можетъ дѣлать.* Такъ, пространство сей жизни есть единое время, которое назначилъ Богъ на дѣло спасенія; единое, въ продолженіе коего добро и зло, содѣянное нами, важно для окончательной судьбы нашей. Какъ предлагающіе награду за совершеніе нѣкотораго дѣла, по большей части назначаютъ предѣлъ, далѣе котораго никакія усилія не принимаются болѣе въ уваженіе; такъ награда за добрыя дѣла—вѣчное

счастіе—должна быть пріобрѣтена или потеряна прежде смерти. Неоспоримо, что милосердіе Божіе безмѣрно, что Онъ во всякое время, по всемогуществу своему, можетъ имѣть вліяніе въ состояніе созданныхъ имъ тварей, измѣнять ихъ склонности, и такимъ образомъ улучшать ихъ состояніе въ отношеніи къ вѣчному блаженству. Но неоспоримо также и то, что Священное Писаніе постоянно называетъ спасеніе дѣломъ и стараніемъ; побуждаетъ насъ всѣми возможными средствами пріобрѣтать оное во время; непрестанно представляетъ предъ очи наши приговоръ, который произнесенъ будетъ надъ нами, и который будетъ зависѣть отъ нашихъ дѣлъ въ сей жизни; и изображаетъ намъ *смерть Господа*, какъ величайшее изъ благъ, и конечную нераскаянность, какъ величайшее изъ бѣдствій.

Вопросимъ собственную нашу совѣсть и изслѣдуемъ, можемъ ли мы сколько нибудь жаловаться на таковое опредѣленіе. Спросимъ себя, не довольно ли настоящей жизни для того, чтобы содѣлать спасеніе свое?

Есть ли недостатокъ въ случаяхъ, дѣлать добро? Не всегда ли готовъ Богъ нашъ принять отъ насъ жертву сердца смиреннаго, благодарнаго и вѣрнаго? Не окружаютъ ли насъ непрестанно наши братья для принятія нашихъ услугъ? Не изобилуютъ ли вокругъ насъ пути спасенія? Нѣтъ! жизнь сія не есть кратка для вѣрующихъ, которые исполняютъ оную дѣлами благочестія и благотворенія, которые удовлетворяютъ всѣмъ своимъ должностямъ и даже расширяютъ сферу оныхъ; краткость жизни и почти совершенная оной потеря происходитъ только отъ того, что мы теряемъ оную въ безполезныхъ и порочныхъ заботахъ, въ развлеченіяхъ чуждыхъ званію. Нѣтъ, безъ сомнѣнія, ни одного человѣка, который бы могъ извиняться тѣмъ, что не имѣетъ времени дѣлать того, чего требуетъ отъ него Богъ.

Не станемъ говорить, что дѣло спасенія слишкомъ тяжело для нашихъ силъ. Пріобрѣтеніе нужныхъ познаній не трудно; ибо нѣтъ ничего удобнѣе познанія нашихъ обязанностей. Исполненіе добродѣтелей не

трудно; ибо сѣмена ихъ посѣяны въ сердцахъ нашихъ, источникъ ихъ находится въ естественнѣйшихъ нашихъ склонностяхъ и желаніяхъ. *Возлюбимъ Бога всѣмъ сердцемъ, и всею душею, и всѣмъ разумѣніемъ,* (Мар. 12, 30.) и мы скоро признаемся, что *иго Его благо, и бремя Его легко.* (Маѳ. 11, 30.) Но естьли бы для спасенія нужно было переносить тягости и жестокія лищенія; то прилично ли намъ, Христіанамъ, сѣтовать на сіе? Какъ! всякой разъ, когда повелѣваютъ страсти, мы рабски преклоняемъ главу; а дѣло спасенія стоитъ намъ толикаго труда! Для пріобрѣтенія титла, для снисканія корысти, мы часто жертвуемъ спокойствіемъ, здоровьемъ самою жизнію; мы искусно изыскиваемъ и съ быстротою уловляемъ случаи къ тому; а дѣло спасенія одно только устрашаетъ насъ. Къ чему столько упорства съ одной стороны, и столько слабости съ другой?

Естьли бы, жалуясь такимъ образомъ на строгость заповѣдей Евангельскихъ, мы могли оправдаться по крайней мѣрѣ тѣмъ,

что въ дѣлѣ спасенія мы оставлены самимъ себѣ. Но сколько поощреній въ Христіанской жизни, сколько средствъ къ торжеству надъ искушеніями! Могущество во внутреннихъ побужденіяхъ, дѣйствительность во внѣшнихъ пособіяхъ, побѣдоносная сила въ предложенныхъ примѣрахъ,—все въ такой жизни возбуждаетъ и подкрѣпляетъ усилія. Успѣхи въ ней раждаются изъ успѣховъ. Одна побѣда, одержанная надъ худою привычкою, воодушевляетъ и приводитъ къ другой побѣдѣ; одно доброе дѣло зараждаетъ множество другихъ. Мы слабы, во первыхъ потому, что увеличиваемъ въ собственныхъ глазахъ сію слабость, и такимъ образомъ обезсиливаемъ сами себя; во вторыхъ потому, что употребляемъ на ослабленіе себя тѣ труды, которые бы долженствовали употреблять для побѣды надъ собою: но обратимся къ Богу съ молитвою, и благодать Его возвратитъ и укрѣпитъ наши силы.

И такъ суетны суть извиненія, посредствомъ которыхъ мы стараемся оправдать нашу небрежность въ дѣлѣ спасенія; и не-

брежность сія тѣмъ болѣе неизвинительна, что только во время здѣшней жизни должно быть совершаемо дѣло сіе. Изъ сего слѣдуетъ, что мы должны съ настоящей минуты, безъ всякаго отлагательства, начинать дѣло спасенія нашего, прежде нежели смерть застигнетъ насъ.

Сравнимъ двѣ части нашего существованія, изъ которыхъ одна есть только точка въ послѣдованіи вѣковъ, а другая поглощаетъ всѣ времена и вѣки. Для какой изъ сихъ двухъ частей должны мы особенно трудиться: для той ли, которая оканчивается почти въ туже минуту, въ которую начинается, или для той, которая измѣряется вѣчностію? Естьли блаженное состояніе въ сей послѣдней можетъ быть пріобрѣтено нашимъ стараніемъ, бдѣніемъ и трудами; то кто не предпочтетъ онаго, кто захочетъ пожертвовать вѣчнымъ блаженствомъ минутнымъ прихотямъ? Безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного Христіанина, который бы не обращалъ желанія своего къ счастливой вѣчности; но весьма часто усыпляетъ и губитъ насъ то, что мы отла-

гаемъ дѣло спасенія до другаго времени. Еще нѣсколько времени удовольствій, еще нѣсколько дней безпечности, еще нѣсколько часовъ забавы,—говоримъ мы въ самихъ себѣ,—и потомъ мы прилѣпимся къ нашимъ обязанностямъ. Въ юности мы боимся потерять легкомысленную веселость; въ зрѣлыхъ лѣтахъ заботимся о пріобрѣтеніи имущества и почестей; въ старости не желаемъ возмущать нашего покоя. Таковы суть предлоги, противополагаемые ощутительнѣйшимъ убѣжденіямъ собственнаго разсужденія. Мы стыдимся и содрогаемся, внимая гласу совѣсти, повелѣвающему намъ вести лучшую жизнь, подобно какъ Феликсъ страшился словъ Св. Павла; но въ тоже время отвѣчаемъ ей, подобно какъ Феликсъ отвѣчалъ Павлу: *Теперь поди, а когда буду имѣть время, позову тебя.* (Дѣян. 24, 25.) Когда буду имѣть время,—то есть, никогда. Между тѣмъ дни протекаютъ, конечный часъ поспѣшаетъ, бездна вѣчности открывается, кровавый мечь смерти поражаетъ все, насъ окружающее, земля ежедневно покрывается ея жертвами. Смерть часто угрожаетъ и намъ самимъ: но пое-

лику завѣса закрываетъ отъ насъ мрачныя жилища, поелику по ту сторону гроба царствуетъ глубокое молчаніе; то мы, по безумію нашему, продолжаемъ путь нашъ въ безчувственности.

Ахъ! Для чего мы не можемъ бесѣдовать съ умершими, коихъ вѣчная судьба рѣшена навсегда? Грѣшникъ! для чего ты не можешь услышать голосъ соблазнителя, тебя развратившаго, голосъ сообщника твоего нечестія, голосъ сластолюбца, который презиралъ добродѣтель, смѣялся надъ благочестіемъ, отвергалъ вѣчное спасеніе, и погружался только въ чувственныя удовольствія? Онъ сказалъ бы тебѣ:„ Другъ мой! мы обманывались; законъ, который мы презирали, судитъ насъ теперь. Бездна смерти открыта; цѣлыя племена ежеминутно низвергаются въ нее. О другъ мой, и ты впадешь туда! поспѣши, поспѣши предупредить праведный гнѣвъ Судіи.“

Но Вѣра, сей непосредственный гласъ самаго Бога, ежедневно вѣщаетъ намъ слова сіи, когда увѣщеваетъ насъ употреблять

съ пользою время и бодрствовать надъ собою; когда то милосердіемъ, то правосудіемъ Божіимъ убѣждаетъ насъ посвятить себя Ему. Она съ нѣжностію сердобольной матери говоритъ намъ: *Нынѣ, о естьлибы вы послушали гласа* Божія: *не ожесточите сердца вашего.* (Пс. 94, 7. 8.)

И такъ, непрестанно памятуя, что скоро *придетъ* вѣчная *ночь, когда никто не можетъ* уже *дѣлать*, станемъ безъ отлагательства *дѣлать дѣла* спасенія нашего, *пока есть день.* И хотя бы вся настоящая жизнь наша долженствовала состоять изъ безпрерывныхъ лишеній и строгостей, и оканчиваться мученичествомъ; не станемъ колебаться въ принесеніи сихъ пожертвованій, дабы получить *вѣнецъ жизни, который обѣщалъ Господь любящимъ Его.* (Іак. 1, 12.)

III.

КРАТКОЕ СВѢДѢНІЕ О СВ. ГРИГОРІИ СИНАЙСКОМЪ *).

Святый Отецъ нашъ Григорій въ монашество постриженъ на горѣ Синаѣ, а потому и называется *Синайскимъ*. Онъ славился въ царствованіе Андроника Палеолога около 1330 года. Нѣкогда пришелъ онъ въ Аѳонскую гору и тамъ, обходя многіе монастыри, нашелъ многихъ отличныхъ разумомъ и подвизающихся въ нравственной дѣятельности, но сіи подвижники столько были неопытны въ блюденіи ума, въ храненіи безмолвія и въ созерцаніи, что даже и по имени того не знали. Съ тремя только встрѣтился онъ въ скитѣ Магулы, лежащемъ противъ Филоѳея, которые нѣсколько занимались созерцаніемъ. Имена ихъ Исаія, Корнилій и Макарій. По сему побуждаясь Божественною ревностію, не только отшельникамъ, но и въ общежительныхъ монастыряхъ живущимъ онъ преподавалъ ученіе о духовной трезвенности, о храненіи

*) Память его совершается Августа въ 8 день.

ума и духовной молитвѣ. Кромѣ сего устроивъ при горахъ Македоніи три большія лавры, и обходя многія области и мѣстечки, своимъ Божественнымъ ученіемъ всѣхъ побуждалъ къ духовной и непрестанной молитвѣ. И такимъ образомъ посредствомъ ея обратилъ многихъ грѣшниковъ, и сдѣлалъ ихъ сынами царствія. Жизнь его пространно описалъ Каллистъ, Святѣйшій Патріархъ и ученикъ его. Но какъ при жизни своей онъ былъ общимъ знаменитымъ учителемъ священной трезвенности ума, такъ и по смерти руководствуетъ къ оной посредствомъ своихъ сочиненій. Онъ наилучшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ вводитъ въ тайны духовной и внутренней молитвы, показываетъ нравственныя добродѣтели и страсти, и открываетъ, какіе признаки заблужденія, и какіе признаки благодати. Вообще сіе сочиненіе весьма полезно какъ для начинающихъ и среднихъ, такъ и для совершенныхъ. Кто бы то ни былъ и на какой бы ни былъ кто степени, прочитавъ его со вниманіемъ, найдетъ въ немъ сокровенное духовное богатство, и нашедши оное возрадуется неизреченною радостію.

IV.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ СИНАЙСКАГО

Весьма полезныя главы о разныхъ духовныхъ предметахъ.

1. Быть благоразумнымъ, или содѣлаться чистымъ и нетлѣннымъ, какъ было прежде по естеству, невозможно. Надъ чистотою взяла власть чувственная наклонность къ безсмыслію: а надъ нетлѣніемъ—тлѣнный составъ тѣла.

2. Одни только умные по природѣ оказываются святыми по чистотѣ. А изъ мудрыхъ по разсудку никто не имѣлъ чистаго ума, ибо отъ начала помыслы повреждаютъ умъ. Потому что вещественный и многосоставный духъ премудрости міра сего живетъ въ нихъ, образованнѣйшихъ обременяя мыслями, а необразованныхъ помыслами, и такимъ образомъ лишая существенной пре-

мудрости и созерцанія, и недѣлимаго и единичнаго вѣдѣнія.

3. Вѣдѣніемъ истины считай собственно ощущеніе благодати. А прочее, появляющееся отъ ума и обнаруживающееся въ дѣлахъ, не надлежитъ такъ называть.

4. Естьли кто не имѣетъ благодати, то онъ не имѣетъ ея отъ невѣрія и нерадѣнія. А тѣ, которые находятъ ее, находятъ посредствомъ вѣры и рачительности. При помощи сихъ они идутъ всегда впередъ, а отъ оныхъ противоположныхъ совершенно возвращаются назадъ.

5. Одно и тоже, быть мертвымъ и безчувственнымъ, и быть слѣпымъ по уму и не видѣть тѣлесными очами. Мертвый лишенъ жизненной и дѣйствующей силы, а невидящій лишенъ Божественнаго свѣта, который даетъ видѣть и быть видимымъ.

6. Немногіе получаютъ отъ Бога то и другое, т. е. силу и премудрость. Та пріемлетъ божественныя блага, а сія откры-

ваетъ. Принимать же и передавать есть поистинѣ дѣло Божественное и выше человѣка.

7. Сердце безъ помысловъ, движимое духомъ, есть истинное святилище и прежде будущей жизни. Ибо тамъ все совершается и говорится духовно. А кто не имѣетъ сего, тотъ есть камень для другихъ добродѣтелей, годный для строенія храма Божія, но не есть храмъ и священникъ духа.

8. Нетлѣнный человѣкъ сотворенъ безъ влаги, каковымъ и воскреснетъ. Не безъ преклонности, однако и не съ преклонностію. Имѣлъ силу въ желательной способности своей склоняться, или не склоняться. Но желательная способность совершенную непреклонность не влагаетъ въ природу. Ибо она есть наградою будущаго непреклоннаго обоженія.

9. Тлѣніе есть принадлежность тѣла. Ѣсть и спать суть природныя свойства звѣрей и скотовъ. По симъ свойствамъ сдѣлавшись подобны скотамъ отъ непослуша-

нія, мы лишились собственныхъ и данныхъ отъ Бога благъ. Безъ благъ ума дѣлаемся скотоподобными, а безъ благъ Божественныхъ звѣроподобными.

10. Рай есть двоякій, чувственный и умственный, то есть, рай Едемскій и рай благодати.

11. Пріемлющіе благодать суть какъ бы зачинающіе и пріемлющіе въ утробѣ Духа. Они или отвергаютъ Божественное сѣмя паденіемъ, или вовсе не имѣютъ Бога, сообщаясь съ врагомъ, кроющимся въ нихъ. Отверженіе благодати бываетъ отъ страстей; а совершенное лишеніе бываетъ отъ грѣховъ. Душа же страстная и грѣхолюбивая, не имѣющая благодати и отвергающая ее, лишенная ея и нынѣ и въ будущей жизни, будетъ жилищемъ страстей, или, что тоже, бѣсовъ.

12. Ничто такъ не усмиряетъ и не укрощаетъ гнѣва, какъ мужество и милосердіе: первое разрушаетъ внѣшнія его укрѣпленія, а другое внутреннія.

13. Многіе, исполняя заповѣди, кажется, идутъ впередъ, но, не достигши града, остаются внѣ его. Ибо, тайно занявъ окончанія царскихъ прямыхъ путей, то есть, смѣжные съ добродѣтелями пороки, идутъ по нимъ, безразсудные! Заповѣди не терпятъ ни недостатка, ни излишества, но требуютъ только Богоугодной цѣли и Божественной воли. Иначе напрасенъ трудъ, когда кто, по Писанію, не *творитъ правыхъ стезей Божіихъ*. Ибо во всякомъ дѣлѣ смотрятъ на намѣреніе дѣла.

14. Въ пути, то есть, посредствомъ заповѣдей въ сердцѣ ищи Господа. Ибо когда услышишь Іоанна вопіющаго и повелѣвающаго всѣмъ *уготовать пути, и правы творить стези*: Марк. 1, 3. то разумѣй сіе о заповѣдяхъ, о сердцахъ и дѣлахъ. Ибо невозможно идти по правому пути заповѣдей и учинить праваго дѣла безъ правоты сердечной.

15. Когда услышишь въ Писаніи слова: *Жезлъ и палицу*: Псал. 22, 4. то въ смыслѣ Пророческомъ разумѣй подъ ними судъ

и промыслъ; а въ смыслѣ нравственномъ, пѣніе и молитву. Ибо, будучи судимы отъ Господа жезломъ наказанія, мы возбуждаемся къ обращенію: а наказывая востающихъ на насъ жезломъ мужественнаго пѣнія, мы утверждаемся въ молитвѣ. И такъ, имѣя въ дѣятельности ума жезлъ и палицу, не престанемъ наказывать и наказываться, доколѣ совершенно не станемъ подъ промысломъ и не избѣжимъ настоящаго и будущаго суда.

16. Заповѣдей свойство таково, что онѣ предпочитаютъ всегда главную заповѣдь—памятованіе о Богѣ, какъ сказано: *Помни Господа Бога твоего* выну. Втор. 8, 18. Ибо отъ которой люди погибли, тою и спастися могутъ. Потому что въ началѣ забвеніе, положивъ мракъ на заповѣди, истребило памятованіе о Богѣ, и такимъ образомъ лишило человѣка всякаго добра.

17. Подвижники приходятъ опять въ прежнее достоинство двумя заповѣдями: послушаніемъ и постомъ. Ибо отъ против-

ныхъ онымъ пороковъ всякое зло явилось въ родѣ смертныхъ.

18. Тѣ, которые соблюдають заповѣди чрезъ послушаніе, скорѣе восходятъ къ Богу; а которые чрезъ постъ и молитву, медленнѣе. Послушаніе прилично начинающимъ; а постъ среднимъ, и разумнымъ и мужественнымъ. Сохранить же чрезъ заповѣди неуклонное послушаніе къ Богу весьма немногіе могутъ, и для самыхъ мужественныхъ трудно.

19. *Законъ духа жизни*, по Апостолу, Рим. 8, 2. говоритъ и дѣйствуетъ въ сердцѣ: такъ какъ законъ письменный дѣйствуетъ въ тѣлѣ. Оный освобождаетъ умъ отъ *закона грѣховнаго и смерти*; а сей тайно производитъ Фарисея, который тѣлесно исполняетъ законъ, и мыслитъ и поступаетъ по заповѣдямъ, чтобъ видѣли другіе.

20. Составъ всѣхъ заповѣдей, слагаемый и устрояемый Духомъ, называютъ человѣкомъ, который бываетъ совершенъ или несовершенъ, смотря по успѣхамъ. Заповѣди

сушь какъ бы шѣло; добродѣшели, какъ основанія качесшвъ, косши; а благодашь, какъ душа, живешъ, движешся, и дѣйсшвуешъ, какъ надъ шѣломъ, надъ исполненіемъ заповѣдей. Нерадѣніе и рачишельносшь въ приближеніи къ возрасшу Христову показываюшъ, младенецъ ли кшо или совершеннолѣшній, въ насшоящемъ и будущемъ вѣкѣ.

21. Кшо желаешъ возрасшишь шѣло заповѣдей, шошъ долженъ сшарашься возлюбишь словесное и нелесшное млеко машеринской благодаши. Ибо онымъ пишаешся всякъ, ищущій и желающій приращенія возрасша во Христѣ. Млеко, способсшвующее къ возрасшанію, ш. е. премудросшь ошъ своихъ сосцевъ шеплошу подаешъ; а медъ, служащій въ пищу совершеннымъ, досшавляешъ свою сладосшь для очищенія. *Медъ*, сказано, *и млеко подъ языкомъ швоимъ.* Пѣс. 4, 11. Млекомъ Соломонъ назвалъ пишашельную и расшишельную, а медомъ очисшишельную силу Духа. А великій Aпосшолъ, намекая на сіе различіе дѣйсшвій, говоришъ: *Яко младенцевъ, млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ.* (1 Кор. 3, 1. 2.)

22. Кто ищетъ словъ заповѣдей, отдѣльно отъ заповѣдей, и желаетъ обрѣсти ихъ посредствомъ ученія или чтенія: тотъ подобенъ представляющему себѣ тѣнь вмѣсто истины. Ибо слова истины достаются имѣющимъ истину. А не имѣющіе истины и не знающіе ея, ища словъ ея, находятъ слова безсмысленной мудрости. Сихъ-то и назвалъ Апостолъ *душевными, духа неимущими,* 1 Кор. 2, 14. хотя они и хвалятся истиною.

23. Какъ чувственное око смотритъ на буквы, и отъ нихъ получаетъ чувственныя впечатлѣнія: такъ умъ, когда очистится и придетъ въ прежнее достоинство, зритъ на Бога, и изъ Него получаетъ Божественныя мысли. Вмѣсто книги, онъ имѣетъ духа; вмѣсто трости мысль и языкъ. *Языкъ мой,* говоритъ Давидъ, *трость.* Псал. 138, 2. А свѣтъ вмѣсто чернилъ. И такъ, погружая мысль въ свѣтъ, и производя свѣтъ, начертываетъ слова духовно въ чистыхъ сердцахъ слушающихъ. Тогда познаетъ, какимъ образомъ, по словамъ Пророковъ, будутъ вѣрные *научены Богомъ,* Іоан. 6, 45.

и какимъ образомъ духовно научаетъ Богъ человѣка вѣдѣнію. Псал. 93, 10.

24. Подъ закономъ заповѣдей разумѣй вѣру, непосредственно дѣйствующую въ сердцѣ. Ибо отъ ней истекаетъ всякая заповѣдь, и производитъ свѣтъ въ душахъ. Плоды истинной и дѣятельной вѣры суть воздержаніе и любовь, и наконецъ Богомъ данное смиреніе, начало и утвержденіе любви.

25. Неложная слава существъ состоитъ въ истинномъ позианіи видимаго и невидимаго. Видимаго, т. е. чувственнаго; и невидимаго, т. е. умственнаго, мысленнаго, духовнаго и Божественнаго.

26. Предѣлъ православія есть созерцать въ чистотѣ и знать два догмата вѣры, то есть, троицу и двоицу. Троицу созерцать и познавать въ единицѣ неслитно и нераздѣльно: а двоицу Христовыхъ естествъ въ единомъ лицѣ. То есть, исповѣдывать и знать въ двухъ естествахъ единаго Сына и прежде воплощенія и послѣ воплощенія,

и неслитно чтить Его въ двухъ воляхъ, Божественной и человѣческой.

27. Рожденіе, нерожденіе и исхожденіе — три сіи непремѣнныя и непреложныя свойства Всесвятой Троицы благоговѣйно исповѣдывать должно. Отецъ не раждается и безначаленъ; Сынъ раждается и собезначаленъ; Духъ Святый отъ Отца исходитъ и подаваемъ чрезъ соприсносущнаго Сына, какъ говоритъ Дамаскинъ.

28. Довольно было бы ко спасенію одной благодатной вѣры, исполняющей заповѣди духомъ, естьли бы мы ее хранили, а не предпочитали мертвую и бездѣйственную живой и дѣйствующей во Христѣ. Ибо довольно для вѣрующаго образа и жизни дѣйствующей во Христѣ вѣры. Но нынѣ невѣжество научило благочестивыхъ вѣрѣ словесной, мертвой и безчувственной, а не вѣрѣ благодатной.

29. Троица есть простая единица, поелику не качественна и не сложна. Троица

въ единицѣ; ибо Богъ тріипостасенъ, имѣя совершенно неслитное въ лицахъ соединеніе.

30. Богъ познается и выражается во всемъ тройственно. Ибо Онъ неограниченъ, все содержитъ и о всемъ промышляетъ чрезъ Сына, во Святомъ Духѣ. И гдѣ бы Богъ ни именовался, подъ каждымъ именемъ не разумѣется и не выражается одно лице, внѣ или отдѣльно отъ другихъ.

31. Какъ въ человѣкѣ умъ, слово и духъ; и ни умъ безъ слова, ни слово безъ духа; но одно въ другомъ и сами по себѣ существуютъ. Ибо умъ чрезъ слово выражается, и слово открывается чрезъ духъ. По сему примѣру, человѣкъ носитъ темный образъ неизреченной и первоначальной Троицы, и въ семъ самомъ выказываетъ, что онъ сотворенъ по образу Божію.

32. Умъ есть Отецъ; слово Сынъ, а Духъ Святый по истинѣ духъ, какъ научаютъ насъ въ сравненіяхъ Богоносные Отцы, излагающіе догматъ о пресущественной и вышеестественной святой Троицѣ, о единомъ

Богѣ въ трехъ лицахъ, оставившіе намъ истинную вѣру и якорь надежды. Ибо знать единаго Бога, по Писанію, есть корень безсмертія, и разумѣть силу тріипостасной единицы есть полное совершенство. Или еще: въ Евангеліи сказанное должно такъ разумѣть: *Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога* въ трехъ лицахъ, *и Его же посланъ еси Іисуса Христа* въ двухъ естествахъ и воляхъ. Іоан. 17, 3.

33. Мученія различны, такъ какъ и награды добрыхъ. Онѣ находятся во адѣ, какъ говоритъ Писаніе: *Въ землѣ темной и мрачной, въ землѣ тьмы вѣчныя,* Іов. 10, 22. гдѣ грѣшники и прежде суда живутъ, и послѣ приговора въ нее возвращаются. Ибо сіе: *Да возвратятся грѣшницы во адъ,* Псал. 9, 18. и, *смерть упасетъ ихъ,* Псал. 48, 15. что иное значитъ, какъ не совершенный приговоръ и осужденіе вѣчное?

34. Огонь, тьма, червь и тартаръ есть вообще сластолюбіе, мрачное во всемъ невѣжество, похотливое во всемъ раздраженіе и трясеніе и зловонный смрадъ грѣха.

Они уже и въ здѣшней жизни какъ залоги и начатки мученій, дѣйствуя въ душахъ грѣшниковъ, открываются въ навыкахъ.

35. Страстные навыки суть залоги мученій: такъ какъ добродѣтельныя дѣйствія суть залоги царствія. Должно представлять и называть заповѣди дѣйствіями; а добродѣтели навыками: такъ какъ и пороки часто называются навыками.

36. Воздаянія соразмѣрны, хотя многимъ кажутся несоразмѣрными. Ибо однимъ Божественная правда воздаетъ вѣчную жизнь, а другимъ вѣчное мученіе. Тѣ и другіе, проведши нынѣшній вѣкъ хорошо или худо, по дѣламъ получатъ воздаяніе. Количество или качество пріемлемаго ими въ семъ участія опредѣляется навыкомъ и дѣйствіемъ страстей или добродѣтелей.

37. Огненныя озера суть сладострастныя души, въ которыхъ смрадъ страстей, какъ вонючая грязь, питаетъ неусыпающаго червя распутства, похотливость плоти, и змѣй и жабъ и піявицъ злыхъ пожеланій,

скверные и ядовитые помыслы и демоновъ. Таковое состояніе уже въ здѣшней жизни получило залогъ тамошняго мученія.

38. Какъ начатки мученій въ душахъ грѣшниковъ сокрыты: такъ и залоги благъ чрезъ Духа дѣйствуютъ въ сердцахъ праведниковъ и сообщаются имъ. Ибо царство небесное есть добродѣтельная жизнь: такъ какъ мученіе—навыкъ страстей.

39. Приходящая ночь, по слову Господа, Іоа. 9, 4. есть совершенное бездѣйствіе будущей тьмы; или, по другому изъясненію, ночь и тьма есть и называется Антихристъ. Или также, по смыслу нравственному, ежедневное нерадѣніе, которое, какъ мрачная ночь, умерщвляетъ душу сномъ безчувствія. Ибо какъ ночь всѣхъ усыпляетъ, и есть образъ смерти, по умерщвленію: такъ ночь будущей тьмы отъ тяжести страданій дѣлаетъ грѣшниковъ мертвыми и безчувственными.

40. Судъ міра сего есть невѣріе нечестивыхъ, по сему Евангельскому слову:

А не вѣруяй уже осужденъ есть. Іоа. 3, 18. Также разумѣюшся подъ нимъ судныя дѣйствія Промысла къ исправленію или обращенію, и предварительное взвѣшеніе добрыхъ или злыхъ намѣреній, по ихъ дѣйствію, по словамъ: *Отчуждишася грѣшницы отъ ложеснъ.* Псал. 57, 4. Ибо праведный судъ Божій открываешся тогда на невѣріе, на исправленіе, и на дѣятельность ихъ, однихъ наказывая, другихъ милуя, а инымъ раздавая вѣнцы или мученія. Ибо первые сушь всегдашніе нечестивцы; вторые вѣрные, но нерадивые, по сему и наказываюшся человѣколюбиво; совершенные же въ добродѣтеляхъ, или погрязшіе въ порокахъ получатъ свойственное себѣ воздаяніе.

41. Естьли естество наше посредствомъ духа не сохранится отъ скверны, или не сдѣлается такъ, какъ было, чистымъ: то ни въ нынѣшней, ни въ будущей жизни не возможешъ соединиться съ Христомъ въ одно тѣло и духъ. Ибо всеобъемлющая и соединительная сила Духа не обыкла къ новой ризѣ благодати для восполненія пришивать рубище ветхихъ страстей.

42. Равное будутъ имѣть достоинство относительно образа во Христѣ, кто даромъ получилъ обновленіе духа, и кто сохранилъ оное, въ обоихъ случаяхъ неизреченнымъ образомъ пріемля преестественное обоженіе. Но ни одинъ не будетъ во Христѣ, или членомъ Христовымъ, естьли, имѣя въ себѣ, по Апостолу, *образъ истины и вѣдѣнія*, Рим. 2, 20. не сдѣлается здѣсь причастнымъ благодати.

43. Небесное царство подобно скиніи, сооруженной Богомъ, какъ Моисеева, въ двухъ завѣсахъ имѣющей образъ будущаго вѣка. Въ первую скинію войдутъ всѣ священники благодати; во вторую же, какъ умственную, войдутъ тѣ токмо, которые здѣсь во мракѣ Богословія, яко священники въ совершенствѣ троично служили, имѣя Іисуса Священноначальникомъ въ Троицѣ и Первосвященникомъ въ сей сооруженной скиніи, и свѣтозарнѣе освѣщаясь Его сіяніемъ.

44. *Многими обителями* (Іоа. 14, 2.) назвалъ Спаситель различныя степени и возрасты тамошняго состоянія. Царство

одно: но много имѣетъ въ себѣ различія, такъ что есть и небесные и земные, смотря по мѣрѣ добродѣтели и вѣдѣнія, и по количеству обоженія. Ибо *ина слава солнцу*, какъ говоритъ Апостолъ, и *ина слава лунѣ, и ина звѣздамъ, и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во словѣ*, (1 Кор. 15, 41.) хотя и всѣ сіяютъ на одной Божіей тверди.

45. Кто умъ очистилъ слезами, душу еще здѣсь воскресилъ Духомъ, и плоть, сей по естеству своему бренный истуканъ свой, посредствомъ разума содѣлалъ свѣтозарнымъ и огненнымъ изображеніемъ Божественной красоты; тотъ почти сталъ сожителемъ Ангеловъ и безтѣлеснымъ, какъ нетлѣнный; естьли нетлѣніе тѣлъ зависитъ отъ неимѣнія влаги и толстоты.

46. Тѣло нетлѣнія будетъ тѣло земное, безъ влаги и толстоты, преобразившееся неизреченнымъ образомъ изъ тѣла душевнаго въ духовное, такъ что, оставаясь перстнымъ, будетъ вмѣстѣ и небеснымъ, по Богоподобной тонкости. Ибо каковымъ создано въ началѣ, таковымъ и воскреснетъ,

дабы всецѣлымъ пріобщеніемъ Божества быть сообразнымъ образу Сына человѣческаго.

47. *Земля кроткихъ* есть небесное царство или Богочеловѣчество Сына, въ которую мы вступили или вступаемъ, получивши благодатное рожденіе усыновленія и обновленіе по воскресеніи. Также: *Святая земля* есть обоженная природа, или, можетъ быть, самая земля, очищенная надлежащимъ образомъ для таковыхъ земныхъ. Или, по другому разуму: земля, готовимая въ наслѣдіе истинно Святымъ, есть невозмущаемая Божественная тишина превосходящаго разумъ мира, въ которую родъ правыхъ вселится, гдѣ ничто, тамъ находящееся, не обезпокоитъ и не возмутитъ ихъ.

48. *Земля обѣтованія* есть безстрастіе, въ которомъ течетъ медъ и млеко, веселіе духа.

49. Святые въ будущей жизни таинственно одни другимъ сообщаютъ внутреннее слово, Духомъ Святымъ изрекаемое.

50. Естьли не узнаемъ, какими Богъ сотворилъ насъ: то не узнаемъ и того, какими содѣлалъ насъ грѣхъ.

51. Кои достигли здѣсь полноты совершенства Христова, тѣ суть сверстники по духовному возрасту.

52. Кто трудится, тому и награда. Количество, или качество, то есть, мѣру награды покажетъ тотъ чинъ и состояніе, въ какомъ тамъ будутъ находиться.

53. Умами, то есть, равными Ангеламъ будутъ, говоритъ Писаніе, сыны воскресенія Христова, Святые по нетлѣнію и обоженію. (Лук. 20, 36.)

54. Говорятъ, что въ будущей жизни Ангелы и Святые никогда не престанутъ успѣвать въ пріумноженіи даровъ, или никогда не оставятъ своего стремленія къ добру. Ибо нѣтъ въ ономъ вѣкѣ остановки или перехода отъ добродѣтели къ пороку.

55. Нынѣ совершеннымъ почитай того

человѣка, который, какъ бы въ залогъ, получилъ сходство со Христомъ въ возрастахъ; а въ будущей жизни совершеннаго показываетъ сила обоженія.

56. Кто, пройдя духовные возрасты, здѣсь сталъ совершенъ по добродѣтели: тотъ въ будущей жизни равное со сверстниками получитъ достоинство и обоженіе.

57. Истинную славу полагаютъ въ вѣдѣніи, или духовномъ созерцаніи, или въ основательномъ разумѣніи догматовъ, которое есть знакъ познанія истинной вѣры.

58. Изумленіе есть всецѣлое возвышеніе душевныхъ силъ къ познаннымъ, и по своему достоинству величественнымъ предметамъ. Или также: изумленіе есть чистое и совершенное стремленіе къ безпредѣльной силѣ, сокрытой во свѣтѣ. Изступленіе же есть не токмо восхищеніе на небо душевныхъ силъ, но и совершенное изступленіе самыхъ чувствъ. А любовь, которая двояка, есть упоеніе духа, возбуждающее желаніе.

59. Въ духѣ собственно есть два рода изступленной любви: любовь сердечная и любовь изступленная. Первая принадлежитъ еще просвѣщаемымъ; послѣдняя уже совершившимся въ любви. Та и другая дѣйствуя на умъ, отторгаютъ его отъ чувствъ: поелику Божественная любовь есть упоеніе духа тѣмъ, что выше естественнаго ума. Отъ сего упоенія пропадаютъ и чувственные навыки.

60. Началомъ и причиною помысловъ есть преступленіемъ человѣка раздѣлившаяся единичная простая память. Отъ сего она, содѣлавшись въ силахъ своихъ изъ простой сложною, изъ единообразной многообразною, погибла сама и погубила памятованіе о Богѣ.

61. Первобытная память отъ губительной памяти, раждающей помыслы; исцѣляется возвращеніемъ ея къ первоначальной простотѣ. Ибо преслушаніе, орудіе зла, не только передѣлало простое памятованіе души о добрѣ; но, подавивъ естественное ея стремленіе къ добродѣтели, чрезъ то разстроило и всѣ силы ея. Исцѣляется же собствен-

но сія память памятованіемъ о Богѣ, когда посредствомъ молитвы она получитъ непоколебимую твердость и направленіе духа отъ предметовъ естественныхъ къ вышеестественнымъ.

62. Причиною страстей есть грѣховное дѣйствованіе, причиною помысловъ, страсти; причиною мечтаній, помыслы; причиною мыслей, память; причиною памяти, забвеніе. Забвеніе же раждается отъ невѣдѣнія, невѣдѣніе отъ безпечности, безпечность отъ похотнаго вожделѣнія, вожделѣнія происходятъ отъ непорядочнаго движенія, движеніе отъ дѣйствованія, а дѣйствованіе есть безразсудное желаніе зла и извѣстное расположеніе чувственнаго и чувствъ.

63. Помыслы раждаются и дѣйствуютъ въ разумной силѣ души, звѣрскія страсти въ раздражительной, ощущеніе скотской плоти въ вожделѣвательной, мечтательныя представленія въ умственной, а мысли въ силѣ разсуждающей.

64. *Рѣчное стремленіе* есть порывъ злыхъ

помысловъ, коихъ приливъ и происходящій отъ онаго грѣхъ, какъ наводненіе, волнами покрываетъ сердце.

65. Подъ *тимѣніемъ глубины*, (Псал. 68, 3.) разумѣй скоропреходящее удовольствіе, или мерзость блуда, или также, бремя вещественныхъ предметовъ, подъ тяжестію коего изнемогши страстный умъ погружается помыслами своими въ глубину отчаянія.

66. Помыслами часто Писаніе называетъ вещи, такъ какъ и мысли словами, и на оборотъ слова мыслями. Сіе потому, что движеніе ихъ само по себѣ невещественно; уже отъ вещей пріемлетъ видъ и образъ, и такимъ образомъ когда обнаружатся, можно знать ихъ и говорить объ нихъ.

67. Помыслы суть слова демоновъ и предшествуютъ страстямъ, такъ какъ слова и мысли дѣламъ. Ибо не льзя сдѣлать ни добра, ни зла, не представивъ того прежде своимъ помысломъ; поелику помыслъ есть

неимѣющее образа представленіе какихъ либо предметовъ.

68. Отъ вещественныхъ предметовъ раждаются простые помыслы; отъ демонскаго же внушенія они дѣлаются злыми. И такъ, естьли сличать, то естественныя слова и помыслы различаются отъ неестественныхъ и сверхъестественныхъ.

69. Сходствуютъ въ томъ, что мгновенно могутъ перемѣняться. Естественные вдругъ превращаются на неестественные, и согласные съ естествомъ на сверхъестественные. Причиною таковаго превращенія и перерожденія служатъ одни другимъ взаимно. Демонскіе раждаются отъ вещественныхъ, вещественные отъ внушенія демоновъ. Равнымъ образомъ и Божественные раждаются отъ естественныхъ, естественные отъ сверхъестественныхъ. Каждый перемѣняется на то, что ему сродно, по четыремъ причинамъ, ихъ производящимъ.

70. Замѣть, что сіи причины предшествуютъ помысламъ, помыслы мечтаніямъ,

мечтанія страстямъ, страсти демонамъ. Такимъ образомъ, однѣ съ другими соединяясь, составляютъ какъ бы нѣкую хитроустроенную цѣпь и порядокъ у незнающихъ порядка духовъ. Но ни что само по себѣ не дѣйствуетъ, а во всемъ дѣйствуютъ демоны. Безъ тайной демонской силы не мечтаетъ воображеніе, не дѣйствуетъ и страсть. Ибо хотя палъ поверженный сатана; но, по нашей безпечности, онъ еще болѣе показываетъ силы, превозносясь надъ нами.

71. Демоны преобразуютъ умъ нашъ, или паче преобразуются въ насъ и дѣлаютъ вліяніе на насъ, сообразуясь съ свойствомъ преобладающей и дѣйствующей въ душѣ нашей страсти. Ибо страстный нашъ навыкъ служитъ имъ случаемъ къ представленію образовъ. Воображеніе имѣетъ причину перемѣнять виды духовъ троякимъ образомъ, по троякому составу души. Воображеніе представляетъ ихъ въ сихъ трехъ видахъ: въ видѣ птицъ, звѣрей и скотовъ, по отношенію къ душевнымъ своимъ силамъ, силѣ вожделѣвательной, раздражительной и мыслящей. Ибо три главныя страсти все-

гда вооружаются на сіи три силы такъ, что какою страстію занята душа, въ видѣ той они по сродству своему и являются намъ и на насъ наступаютъ.

72. Часто демоны сластолюбія приходятъ въ видѣ огня и уголья. Ибо сластолюбивые духи разжигаютъ вожделѣнія, смущаютъ мысли, помрачаютъ душу. Ибо сластолюбіе преимущественно бываетъ причиною разженія, смущенія и мрака.

73. Ночь страстей есть тьма невѣдѣнія. Или также: ночь есть естественная область страстей, въ которой царствуетъ князь тьмы, и въ которой полевые звѣри, небесныя птицы и пресмыкающіеся по землѣ, иносказательно такъ называемые духи, рыкаютъ, ища съ жадностію похитить насъ въ пищу себѣ.

74. Во время дѣйствія страстей одни помыслы предшествуютъ, а другіе послѣдуютъ за онымъ. Помыслы предшествуютъ мечтаніямъ, за мечтаніями слѣдуютъ стра-

сти; страсти предшествуютъ демонамъ, демоны слѣдуютъ за страстями.

75. Началомъ и причиною страстей есть злоупотребленіе, причиною злоупотребленія наклонность, причиною наклонности перевѣсъ желательной способности, желательную способность увлекаетъ внушеніе, внушеніе производятъ демоны, которымъ Промыслъ попускаетъ обнаруживать чрезъ сіе, въ какомъ состояніи наша свобода.

76. Страстное состояніе души есть смертоносный ядъ грѣховнаго жала. Ибо естьли кто произвольно далъ себѣ качество страстное, то качество сіе уже непоколебимо и неизмѣняемо.

77. Страсти имѣютъ различныя наименованія. Раздѣляются же онѣ на тѣлесныя и душевныя. Тѣлесныя подраздѣляются на скорбныя и грѣховныя. Скорбныя подраздѣляются на болѣзненныя и исправительныя. Душевныя также раздѣляются на страсти раздражительной, вожделѣвательной и мыслящей способности. Страсти мыслящей

способности подраздѣляются на страсти воображенія и разсудка. Изъ сихъ однѣ происходятъ отъ злоупотребленія воли; другія называются по необходимости невольными, и какъ бы непредосудительными. Ихъ Отцы называютъ принадлежностями и свойствами естественными.

78. Иныя суть страсти тѣлесныя, и иныя душевныя; иныя вождѣлѣвательныя, и иныя раздражительныя; иныя суть страсти мыслящей силы, и иныя страсти ума и разсудка. Но однѣ съ другими сообщаются, и однѣ другимъ содѣйствуютъ; тѣлесныя вождѣлѣвательнымъ, а душевныя раздражительнымъ; также страсти мыслящей силы страстямъ ума, и страсти ума страстямъ разсудка и памяти.

79. Страсти раздражительной части суть: гнѣвъ, досада, крикъ, вспыльчивость, дерзость, кичливость, наглость, и проч. Вождѣлѣвательной: любостяжаніе, необузданность, неумѣренность, жадность, сластолюбіе, сребролюбіе и жесточайшее изъ всѣхъ — самолюбіе. Страсти тѣлесныя: блудъ, пре-

любодѣяніе, нечистота, распутство, обида, пресыщеніе, безпечность, суетность, щегольство, привязанность къ жизни и проч. Страсти мыслящей силы: невѣріе, хула, злость, коварство, любопытство, двоедушіе, злословіе, клевета, осужденіе, презрѣніе, насмѣшка, лицемѣріе, ложь, сквернословіе, пустословіе, лесть, притворство, хвастовство, человѣкоугодіе, превозношеніе, клятвопреступленіе, празднословіе и проч. Страсти ума суть: надменіе, высокомѣріе, тщеславіе, вражда, зависть, самоугодіе, прекословіе, непослушаніе, мечтаніе, вымыслы, чванство, славолюбіе, гордость — первое и послѣднее изъ всѣхъ золъ. Страсти разсудка: разсѣяніе, легкомысліе, раболѣпство, помраченіе, ослѣпленіе, увлеченіе, внушенія, уступчивость, преклонность, сговорчивость, опрометчивость и симъ подобныя. Словомъ сказать: все неестественное зло примѣшалось къ симъ тремъ душевнымъ силамъ: такъ какъ и все доброе находится въ нихъ по природѣ.

80. О! съ какимъ изумленіемъ взываетъ къ Богу Давидъ: *Удивися разумъ Твой отъ*

мене. (Псал. 138, 6.) Ибо я не могу постигнуть сего превышающаго силы мои и слабое мое понятіе непостижимаго для меня разума. О! какъ и самое тѣло, въ образованіи состава своего, непостижимо! Тѣло, имѣющее въ каждомъ недѣлимомъ троичное, но между тѣмъ въ своихъ членахъ и частяхъ единое устроеніе, и притомъ украшенное седмеричнымъ числомъ, которое, по Ариѳметическимъ наблюденіямъ, означаетъ время и природу, такъ что и посредствомъ его является слава Божія въ троичномъ велелѣпіи по дѣйствительнымъ законамъ природы.

81. Законы природы суть извѣстные образы соединенія дѣйствующихъ членовъ, которые называются также различностями, по многочисленности ихъ свойствъ. Или также: законъ естественный есть способность дѣйствованія каждаго недѣлимаго и каждаго члена его. Ибо какъ Богъ во всей твари, такъ душа въ членахъ тѣла дѣйствуетъ и возбуждаетъ каждый къ собственному его дѣйствію. Слѣдуетъ спросить: почему Богоносные мужи раздражительную и вожде-

лѣвательную силы иногда называютъ силами тѣлесными, а иногда и душевными? На сіе мы отвѣтствуемъ, что слова Святыхъ не имѣютъ никакого разногласія для тѣхъ, которые ихъ совершенно разумѣютъ; тѣ и другіе говорятъ правду, но весьма благоразумно, смотря по приличію, перемѣняютъ названія; поелику образъ совокупнаго дѣйствованія души и тѣла неизъяснимъ; душа отъ начала совершенна, а тѣло, поколику возрастаетъ отъ пищи, несовершенно. Душа, будучи создана мыслящею и разумною, сама по себѣ, отъ начала своего сотворенія, имѣетъ силы — вожделѣвательную и раздражительную, возбуждающія ее къ ревностному желанію и сильной любви. Но раздражительность безразсудная и вожделѣніе безумное не созданы съ нею; такъ какъ и въ тѣлѣ прежде ихъ не было. Созданное было нетлѣнно — безъ влаги, отъ которой произошло вожделѣніе и звѣрская раздражительность. А когда чрезъ преслушаніе подпалъ человѣкъ тлѣнію и грубости безсловесныхъ: тогда по необходимости возникло въ немъ и вожделѣніе и раздражительность. По сему онъ и противится волѣ души, что

сія раздражительность и сіе вожделѣніе обладаютъ имъ. Когда же смертное покорится разумному, онъ послѣдуетъ желанію души, дѣлать добро. Ибо когда совокупились и смѣшались съ душею новопришедшія свойства тѣла, тогда онъ, по естественной необходимости подвергшись закону грѣха, уподобился скотамъ, и такимъ образомъ изъ разумнаго сдѣлался скотомъ, изъ человѣка звѣремъ.

82. Какимъ образомъ Богъ, посредствомъ дыханія жизни, сотворивъ душу мыслящею и разумною, не создалъ въ ней скотскаго вожделѣнія и раздражительности, но силу желанія и силу любви: такъ и создавъ тѣло, въ началѣ не вложилъ въ него безумной раздражительности и вожделѣнія; но оно получило сіе послѣ, когда чрезъ преслушаніе сдѣлалось смертнымъ, тлѣннымъ и скотскимъ. Ибо тѣло, какъ говорятъ Богословы, создано нетлѣннымъ, каковымъ и возстанетъ, хотя впрочемъ не неспособнымъ къ тлѣнію: такъ какъ и душа создана безсмертною. Оба же, то есть, душа и тѣло, растлились и смѣшались по естественному

закону соединенія и взаимнаго другъ съ другомъ сообщенія. Въ душѣ стали дѣйствовать страсти, а наипаче демоны; а тѣло свойствомъ своего сложенія и тлѣнностію уподобилось безсловеснымъ скотамъ. И обоихъ силы, дѣйствуя за одно, составили одного безсловеснаго и безумнаго скота, съ раздражительностію и вожделѣніемъ. Такимъ образомъ человѣкъ *приложися,* какъ говоритъ Писаніе, *скотомъ и уподобися имъ* (Псал. 48, 13.) во всѣхъ отношеніяхъ.

83. Начало и происхожденіе добродѣтелей есть доброе намѣреніе или желаніе добра; такъ какъ Богъ есть причина и источникъ всякаго добра. Начало же добра есть вѣра, а болѣе Христосъ — камень вѣры, который для насъ есть начало и основаніе всѣхъ добродѣтелей, на которомъ мы утверждены, и на которомъ созидаемъ всякое добро. Это есть краеугольный камень, который связуетъ насъ съ собою, и многоцѣнный бисеръ, коего ища монахъ нисходитъ въ глубину покоя и всѣ свои собственныя желанія продаетъ чрезъ повиновеніе заповѣдямъ, дабы чрезъ то обрѣсти его.

84. Добродѣтели всѣ между собою равны, всѣ въ одномъ соениняются, одинъ имѣютъ предѣлъ и видъ, приличный добродѣтели. Ибо всѣ суть добродѣтели, и естьли однѣ почитаются большими, нежели другія, то потому, что однѣ объемлютъ и заключаютъ въ себѣ многія или и всѣ другія. Такъ на примѣръ: Божественная любовь, смиреніе и Божественное терпѣніе, о которомъ говоритъ Господь: *Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.* (Лук. 21, 19.) Не сказалъ Онъ, въ постѣ вашемъ или въ бдѣніи вашемъ. Я разумѣю терпѣніе, сообразное съ волею Божіею, которое есть владычица добродѣтелей, основаніе мужественныхъ подвиговъ. Оно-то въ войнѣ миръ, въ бурѣ тишина, въ тѣхъ, которые его имѣютъ, непоколебимая твердость. Ибо, кто пріобрѣлъ его во Христѣ Іисусѣ, тому не возмогутъ причинить вреда ни мечи, ни копія, ни войско, ни самое ополченіе демоновъ, ни тьмы враговъ.

85. Добродѣтели, хотя однѣ другія раждаютъ, но вообще, кромѣ Божественныхъ, получаютъ бытіе отъ трехъ силъ души.

Ибо четыремъ главнымъ изъ естественныхъ и Божественныхъ добродѣтелямъ, изъ которыхъ и посредствомъ которыхъ составляются прочія, то есть, мудрости, мужеству, цѣломудрію и правдѣ служитъ причиною и началомъ Божественная Богословская премудрость, дѣйствующая по возбужденію Духа въ умѣ четверояко. Только не всѣми вмѣстѣ дѣйствуетъ: но каждою особенно въ свое время, и какъ хочетъ. Иною, какъ свѣтомъ; другою, какъ проницательною силою и непрестаннымъ вдохновеніемъ; иною, какъ освящающею и очищающею силою, а иною, какъ росою чистоты пріятною и прохлаждающею жаръ страстей. Въ каждомъ каждую порознь, какъ выше сказано, въ совершенномъ, по свойству его, совершенное употребляетъ и дѣйствіе.

86. Собственное тщательное упражненіе въ добродѣтеляхъ не сообщаетъ совершенной силы душѣ, естьли оныя посредствомъ благодати существенно не обратятся въ навыкъ. Ибо каждая имѣетъ свойственный себѣ даръ, свойственную себѣ такую силу, что можетъ и невольно при-

влекать къ себѣ природою добра. И съ того времени, какъ данъ будетъ намъ даръ сей, онъ остается уже неизмѣненъ и непреложенъ. Ибо благодать Духа, какъ душа, живетъ въ свойственныхъ себѣ членахъ и производитъ добродѣтели. Безъ нея весь сонмъ оныхъ бываетъ мертвъ. Естьли кому и кажется, что онъ совершенно имѣетъ или исполняетъ ихъ: но въ самой вещи, это суть однѣ тѣни и призраки добра, а не изображенія истины.

87. И такъ четыре главныя добродѣтели: мужество, мудрость, цѣломудріе и правда. Восемь, по мѣрѣ излишества или недостатка въ оныхъ, близки къ нимъ. Мы называемъ и почитаемъ ихъ пороками, а міръ добродѣтелями. Такъ къ мужеству близка дерзость и трусость; къ мудрости лукавство и невѣжество; къ цѣломудрію невоздержаніе и безчувственность; къ правдѣ любостяжаніе и несправедливость или обида. Средніе между сими добродѣтели суть не только главныя, естественныя и высшія всякаго недостатка и излишества, но и суть дѣятельныя. Однѣ, по правотѣ ума,

произвольны; другимъ сопутствуетъ превратность и надменіе. Что среднія добродѣтели суть истинныя добродѣтели, о томъ свидѣтельствуетъ притча, въ которой говорится такъ: *И исправиши вся оси благи.* И такъ всѣ добродѣтели, происходящія отъ трехъ силъ души, въ которыхъ раждаются и созидаются, за основаніе своего зданія имѣютъ четыре главныя добродѣтели, а наипаче Христа, дабы естественныя очистились посредствомъ дѣятельныхъ, а Божественныя и сверхъестественныя дарованы были благостію Духа.

88. Изъ добродѣтелей однѣ суть дѣятельныя, другія естественныя, а иныя Божественныя и духовныя. Дѣятельныя относятся къ волѣ, естественныя къ тѣлесному сложенію, а Божественныя къ благодати.

89. Какъ добродѣтели, такъ и страсти раждаются въ душѣ нашей. Но первыя раждаются въ ней естественно; послѣднія противоестественно. Причину къ рожденію въ себѣ добра или зла имѣетъ душа въ склон-

ности воли, которая, какъ нѣкая трость, служащая къ начертанію буквъ, или какъ тяжесть, полагаемая на вѣсы, на что обратится, то и принимаетъ въ содѣйствіе къ себѣ и въ томъ дѣйствуетъ. Ибо воля подлежитъ дѣйствію обоихъ; поелику и то и другое человѣкъ содержитъ въ себѣ: добро по рожденію, а зло по свободной склонности воли.

90. *Отроковицами* Пѣсн. Пѣсн. 1, 2. называетъ Писаніе добродѣтели, по причинѣ столь тѣснаго ихъ съ душею соединенія, что, кажется, онѣ имѣютъ съ нею одинъ духъ и тѣло. Такимъ образомъ, видъ отроковицы есть символъ любви: одежда священныхъ сихъ дѣвъ знаменіе чистоты и святости. Ибо Божественная благодать въ сильныхъ, смотря по ихъ качествамъ и свойствамъ, обыкновенно перемѣняетъ безъ обмана виды добродѣтелей.

91. Какъ восемь главныхъ страстей; три большихъ: пресыщеніе, сребролюбіе и тщеславіе, и пять за сими слѣдующихъ: блудъ, гнѣвъ, скорбь, безпечность и гордость; такъ

и, прошивоположныхъ симъ, добродѣшелей главныхъ шри: нищеша, воздержаніе и смиреніе; а съ сими и за сими слѣдуюшъ: чисшоша, крошосшь, радосшь, мужесшво, уничиженіе себя, и весь рядъ добродѣшелей. Но ощушишь силу и дѣйсшвіе, узнашь вкусъ, свойсшвенный каждой добродѣшели или пороку, не всякой можешъ, кшо хочешъ; но шолько шошъ, кшо производишъ ихъ и подвизаешся въ нихъ дѣломъ и словомъ, кшо ошъ Духа получилъ даръ познанія и разсужденія.

92. Изъ добродѣшелей однѣ дѣйсшвуюшъ, другія пріемлюшъ дѣйсшвіе. Дѣйсшвуюшъ онѣ въ насъ, когда, по надлежащему, приходяшъ къ намъ, когда, сколько и какъ, хошяшъ. Мы дѣлаемъ ихъ предмешомъ своей дѣяшельносши, по своему произволу и по нравсшвенному навыку своей способносши. Но онѣ сущесшвенно въ насъ дѣйсшвуюшъ; а мы образно, по своему свойсшву. Поелику способъ всѣхъ нашихъ дѣйсшвій есшь образъ въ ошношеніи къ первообразному. Весьма немногіе, прежде будущаго безсмершнаго наслажденія, имѣюшъ участіе въ дѣйсшви-

тельнодуховномъ. Ибо по истинѣ здѣсь мы имѣемъ не самыя добродѣтели; но ограничиваемъ свою дѣятельность трудами о нихъ и образами.

93. Совершаетъ священнодѣйствіе Евангелія, по Апостолу Павлу, тотъ, кто пріемлетъ и можетъ преподавать другимъ въ силѣ просвѣщеніе Христово; кто Божественное слово, какъ нѣкое сѣмя, посѣваетъ на душевныхъ нивахъ слушателей. *Слово ваше*, говоритъ онъ, *да бываетъ всегда во благодати растворенно солію* Колос. 4, 6, Божественныя благости, *да дастъ благодать слышащимъ* Ефе. 4, 29, вѣрою. Также называя учителей земледѣлателями, а научаемыхъ воздѣлываемою землею, весьма премудро представляетъ тѣхъ какъ бы оратаями и сѣятелями Божественнаго слова, а сихъ какъ бы тучною и плодоносною землею добродѣтелей. Ибо истинное священнодѣйствіе не есть собственно только совершеніе Священныхъ обрядовъ, но и причастіе и преподаваніе благъ.

94. Различно произносимое въ наученіе

слово, многими образами составляется, и происходитъ отъ четырехъ различныхъ видовъ: иное отъ ученія, иное отъ чтенія; одно отъ дѣятельности; другое отъ благодати. Какъ вода, будучи по естеству своему одна, претворяется и перемѣняется въ своемъ качествѣ, по различію находящагося подъ нею земнаго вещества, такъ что вкусъ ощущаетъ въ иной горечь, въ другой сладость, въ иной соленость, въ другой кислоту; такъ и слово, перемѣняясь, смотря по нравственному качеству каждаго, познается въ дѣйствіи, и чрезъ оное приноситъ пользу.

95. Поелику же слово дано въ наслажденіе всякому разумному существу, какъ бы нѣкая многоразличная снѣдь: то душа, пріемля его, ощущаетъ различное удовольствіе. Слово ученія для нея, какъ наставникъ, образующій ея нравъ; слово чтенія какъ бы питаетъ ее водою успокоенія; слово дѣятельности утучняетъ ее, какъ злачное мѣсто; слово же благодати для нея, какъ бы чаша упоявающая и веселящая: неизречен-

ная отъ сего радость есть какъ бы елей умащающій лице и дѣлающій оное свѣтлымъ.

96. По истинѣ, душа не только въ самой себѣ имѣетъ сіе, какъ бы жизнію, но ощущаетъ сіе и тогда, какъ отъ другихъ слышитъ о томъ въ ученіи, естьли только предшествуетъ сему любовь и вѣра: естьли одинъ съ вѣрою слушаетъ, другой съ любовію учитъ и безъ высокомѣрія и тщеславія исполняетъ слова добродѣтелей. Ибо тогда слово отъ ученія пріемлетъ она, какъ наставника; слово чтенія, какъ питателя; слово дѣятельности, какъ внутренняго любезнѣйшаго невѣсто—водителя: просвѣтительное слово Духа, какъ слово жениха, соединяющее ее съ собою и веселящее. Ибо всякій глаголъ, исходящій изъ устъ Божіихъ, есть или слова, произходящія посредствомъ Духа изъ устъ Святыхъ, или сладчайшее вдохновеніе Духа, которымъ наслаждаются не всѣ, но только достойные. А поелику и словомъ наслаждаются только искусные въ словѣ: то здѣсь весьма немного услаждающихся дѣйствительно вещами духовными. Многіе знаютъ по памяти одни образы ду-

ховныхъ словъ, истиннаго же хлѣба будущей жизни, состоящаго въ ощущеніи Бога-Слова, непричастны. Ибо единъ токмо сей тамъ предлагается всѣмъ достойнымъ для полнаго наслажденія, никогда не снѣдаемый, ни иждиваемый.

97. Безъ духовнаго чувства не льзя ощутить удовольствія отъ вещей Божественныхъ. Ибо какъ притупившій тѣлесныя чувства сдѣлалъ ихъ чрезъ то не дѣйствительными въ отношеніи къ чувственнымъ предметамъ, не видитъ, не слышитъ, не обоняетъ, дѣлается разслабленъ, или лучше, полумертвъ: такъ и умертвившій посредствомъ страстей естественныя силы души сдѣлалъ ихъ безчувственными и неспособными къ причастію таинъ Духа. Ибо кто не видитъ, не слышитъ и не ощущаетъ духовно, тотъ мертвъ: поелику не живетъ въ томъ Христосъ, да и тотъ не живетъ и не дѣйствуетъ во Христѣ.

98. Чувства имѣютъ одинаковое и тоже самое, или одно дѣйствіе съ душевными силами, особенно когда онѣ здравы. Ибо сіи

оными и живутъ и дѣйствуютъ, и съ тѣми и другими соединенъ жизненный духъ. Ибо человѣкъ по истинѣ боленъ, когда онъ, имѣя въ себѣ общую всѣмъ немощь страстей, не престаетъ лежать въ больницѣ безпечности. Чувства ясно видятъ предметы чувственные, а душевныя силы предметы умственные, особенно когда сатана не поставилъ ихъ въ борьбу съ закономъ ума и духа. А когда онѣ, сдѣлавшись единообразными, соединятся посредствомъ духа во едино: тогда непосредственно и существенно познаютъ и Божественныя и человѣческія вещи, каковы онѣ суть по естеству; ясно созерцаютъ ихъ свойства и, сколько возможно, чисто видятъ единственную причину всего — Троицу.

99. Монахъ прежде всего долженъ имѣть, какъ бы основаніемъ, на которомъ бы утверждалось зданіе его занятій, сіи пять добродѣтелей: молчаніе, воздержаніе, бдѣніе, смиреніе и терпѣніе. Богоугодныхъ же занятій онъ долженъ имѣть три рода: псалмопѣніе, молитву и чтеніе; а сверхъ того, естьли онъ слабъ, рукодѣліе. Ибо вышеска-

занныя добродѣтели не только содержатъ въ себѣ всѣ прочія, но и одна другую составляютъ. Утро онъ долженъ проводить въ воспоминаніи о Богѣ при молитвѣ и сердечномъ покоѣ, долженъ первый часъ терпѣливо молиться: потомъ вторый читать, третій пѣть; четвертый молиться; пятый читать; шестый пѣть; седмый молиться, осьмый читать, девятый пѣть, въ десятый употреблять пищу; одинадцатый спать, естьли имѣетъ нужду; двенадцатый пѣть вечерню. Такимъ образомъ въ порядкѣ проходя поприще дня, онъ угождаетъ Богу.

100. Подобно пчелѣ, со всѣхъ добродѣтелей надобно собирать полезнѣйшее, и такимъ образомъ, взимая со всѣхъ по немногу, дѣлать великій составъ упражненія въ добродѣтеляхъ, изъ коихъ получается медъ премудрости къ удовольствію душъ.

101. Естьли хочешь удобнѣе перейти и пространство ночи, слушай: три устава имѣетъ ночное бдѣніе: для начинающихъ, для среднихъ и совершенныхъ. Первый уставъ назначаетъ для сна половину ночи и поло-

вину ночи на бдѣніе, или съ вечера до полуночи, или съ полуночи до утра. Второй уставъ полагаетъ одинъ или два часа съ вечера на бдѣніе, потомъ четыре часа на сонъ. Вставши же до свѣта шесть часовъ до утра на пѣніе и молитву. Потомъ первый часъ на пѣніе и сидѣніе въ безмолвіи, какъ выше сказано. Далѣе или должно располагать по часамъ предписанныя занятія, или пребывать въ частой, то есть, непрерывной молитвѣ, чрезъ навыкъ въ коей пріобрѣтается успѣхъ въ жизни. Третій уставъ повелѣваетъ всенощное стояніе и бдѣніе.

102. Теперь скажемъ и о пищѣ. Фунта хлѣба довольно всякому подвижнику. Вина несмѣшеннаго довольно пить по двѣ чаши, а воды по три. Яства употреблять, какія приготовлены будутъ, не столько, сколько желаетъ природа, по страсти; но сколько предлагаетъ Промыслъ, употреблять съ воздержаніемъ. Но кто желаетъ лучше и короче узнать образъ строгой жизни, тотъ долженъ имѣть три главныя упражненія, то есть, постъ, бдѣніе и молитву, служа-

щія крѣпчайшимъ основаніемъ для всѣхъ добродѣтелей.

103. Уединеніе прежде всего требуетъ вѣры и терпѣнія, и, отъ всего сердца, крѣпости и силы, любви и надежды. Ибо вѣрующій естьли здѣсь и не получитъ искомаго, можетъ быть по нерадѣнію, или по другой какой причинѣ; но при смерти конечно не можетъ не удостовѣриться въ плодѣ вѣры и подвига, и не увидѣтъ свободы, которая есть Іисусъ Христосъ — искупленіе и спасеніе душъ, Богочеловѣкъ Слово. Невѣрующій конечно осужденъ будетъ при смерти; но *уже и осужденъ есть*, Матѳ. 16, 16. говоритъ Господь. Ибо кто служитъ удовольствіямъ и *ищетъ отъ людей славы, а не отъ Бога*, тотъ *можетъ ли вѣровать*, Іоан. 5, 44. говоритъ Христосъ? Хотя въ словѣ и кажется быть вѣрнымъ, но таковый самаго себя тайно обманываетъ. Онъ услышитъ, что поелику ты не принялъ Меня сердцемъ своимъ, но отвергъ; то и Я отвергну тебя. Ибо вѣрный долженъ быть благонадеженъ; долженъ вѣровать истинѣ Божіей, свидѣтельствуемой

во всемъ Писаніи, и исповѣдывать свою немощь, дабы не подвергнуться двоякому и неутолимому осужденію.

104. Ничто столько не способствуетъ къ сокрушенію сердца и къ смиренію души, какъ молчаніе и уединеніе въ разумѣ отъ всего. По истинѣ не иное что вредитъ состоянію уединенія, и отъемлетъ отъ него Божественную силу, какъ сіи главныя шесть страстей: дерзость, пресыщеніе, многословіе, развлеченіе, напыщеніе и владыка страстей — надменіе. Усердно привыкшій къ нимъ и особенно послѣ успѣха ими помрачаемый бываетъ совершенно безчувственъ. Когда же освободится отъ нихъ и съ вѣрою и усердіемъ опять положитъ начало; то опять получитъ искомое, особенно ища со смиреніемъ. Естьли же и одна изъ выше упомянутыхъ страстей по нерадѣнію воцарится въ немъ; то весь сонмъ золъ, съ пагубнымъ невѣріемъ ополчившись на него, опустошаютъ душу его и дѣлаютъ ее какъ бы другимъ какимъ Вавилономъ, возмущаемымъ и опустошаемымъ демонами. И тогда *послѣдняя бываютъ горша пер*

выхъ. Яростный врагъ клевещетъ на подвижниковъ покоя, и языкъ, какъ обоюдуострый мечь, непрестанно на нихъ устремляется.

105. Воды страстей не льзя переплыть иначе, какъ на легкомъ и скороходномъ корабле нестяжанія и воздержанія. Ибо отъ невоздержанія и привязанности къ веществу потоки страстей наводняютъ землю сердца, и вложивши въ него всякую нечистоту и вещество помысловъ, производятъ замешательство въ уме, помраченіе въ мысляхъ, отягченіе въ теле; делаютъ душу и сердце нерадивыми, мрачными и слабыми, и истребляютъ свойственное имъ по естеству влеченіе и чувство.

106. Ничто по истине не делаетъ душу подвижниковъ такъ слабою, нерадивою и безумною, какъ самолюбіе — сей питатель страстей. Ибо когда оно покой телесный предпочитаетъ трудамъ по добродетели, и почитаетъ разумъ попечительнымъ, когда онъ не велитъ добровольно трудиться въ исполненіи заповедей, особенно, естьли сіе

сопряжено съ малымъ и легкимъ потомъ: то обыкновенно дѣлаетъ онъ тогда душу неспособною къ прохожденію поприща покоя и производитъ великую и непреоборимую слабость въ дѣлахъ.

107. Лучшее и первое врачевство для слабыхъ въ заповѣдяхъ и для желающихъ безъ труда смыть нечистоту, есть безпрекословное и съ вѣрою послушаніе во всемъ. Ибо сіе врачевство есть жизненный для піющихъ его составъ многихъ добродѣтелей; есть орудіе, однимъ разомъ очищающее язвы. Преимущественно предъ всѣми другими употребляющій его въ дѣйство съ вѣрою и въ простотѣ, отсѣкаетъ имъ вдругъ всѣ страсти, и не только достигаетъ къ покою, но уже и имѣетъ оный, а чрезъ то обрѣтаетъ Христа, становится и называется Его подражателемъ и рабомъ.

108. Безъ сердечнаго сокрушенія не возможно перенести тяжести уединенія. Ибо кто плачетъ и размышляетъ о бѣдствіяхъ, имѣющихъ случиться и прежде и послѣ смерти, плачетъ прежде, нежели онѣ сами

собою придутъ; тотъ будетъ имѣть и терпѣніе и смиреніе—сіи два основанія уединенія. А кто безъ сихъ идетъ въ уединеніе, тотъ имѣетъ всегдашняго сообщника нерадѣнію—надменіе. Отъ сего усиливаются порабощенія, умножаются развлеченія, приводятъ и насъ въ слабость. Отсюда дщерь безпечности, невоздержаніе, ослабляетъ и обезсиливаетъ тѣло, помрачаетъ и ожесточаетъ умъ. Тогда и Іисусъ скрывается отъ толпы разсужденій и помысловъ, тѣснящихся тамъ, гдѣ должно быть уму.

109. Настоящее или будущее мученіе совѣсти не всѣ ощущать могутъ; но только для тѣхъ сіе бываетъ особенно возможно, которые здѣсь или тамъ лишены славы и любви. Какъ страшный мучитель, она различными образами мучитъ виновныхъ, и кажется какъ бы непрестанно обнажаетъ острый мечь жесткой ревности или обличенія. По троякому дарованному совѣсти дѣйствію на враговъ, на природу тѣла, и на душу, она называется также ревностію, и отъ другихъ естественною раздражительностію, которую велятъ намъ какъ

крѣпкій мечь изощрять противъ враговъ. И естьли, побѣдивши, она покоритъ двухъ одному; то цѣлію мужества ея будетъ тогда стремленіе къ Богу. Естьли же сама душа покорится симъ двумъ, то есть, грѣху и плоти; тогда концемъ ея назначается тамъ мученіе безъ милости; поелику по своей волѣ подверглась рабству враговъ. Здѣсь чрезъ постыдныя дѣла потерявши добродѣтельное состояніе, уклоняется и отпадаетъ отъ Бога.

110. Изъ всѣхъ страстей двѣ по истинѣ суть самыя сильныя и жестокія: блудъ и лѣность, угнетающія и разслабляющія бѣдную душу. Онѣ имѣютъ взаимное между собою сообщеніе и взаимную связь. Для насъ онѣ непреоборимы, непреодолимы и совершенно непобѣдимы. Одна умножается въ вожделѣвательной части, но содержитъ въ себѣ вещество для обоихъ, по естеству своему нераздѣльныхъ, то есть, души и тѣла; поелику полное ея удовольствіе распространяется во всѣхъ членахъ. Другая, обладая высшею частію, объемля всю душу и тѣло, какъ ядовитый смилаксъ, дѣлаетъ

природу лѣнивою, безсильною и разслабленною. Онѣ изгоняются, но совершенно не побѣждаются прежде блаженнаго безстрастія, когда т. е. душа, пріявъ въ молитвѣ силу Духа Святаго, приносящую сердцу спокойствіе, крѣпость и глубокій миръ, наслаждается покоемъ. Сія страсть содержитъ въ себѣ и прочія, и есть ихъ начало, царь и владыка; сообщница ей безпечность, возводящая военачальниковъ Фараона на непобѣдимую колесницу. Онѣ-то подаютъ случай усиливаться въ насъ страстямъ.

V.

РАЗСУЖДЕНІЕ
О
ПОМИНОВЕНІИ УСОПШИХЪ.

(сообщено.)

Церковь единая и нераздѣльная, какъ тѣло управляемая единою Главою Іисусъ Христомъ и одушевляемая единымъ Духомъ Его на землѣ и на небесахъ, не можетъ, не противорѣча своему бытію, отвергать взаимныя отношенія между живущими на землѣ и усопшими. Одно изъ таковыхъ отношеній есть *Поминовеніе Усопшихъ и Моленіе за нихъ*. Православная Каѳолическая Восточная Церковь донынѣ сохраняетъ ученіе о семъ такъ, какъ приняла оное отъ Апостоловъ и ближайшихъ преемниковъ ихъ. Но поелику *отъ насъ изыдоша* люди, иже *не бѣша отъ насъ*, (1 Іоа. 2, 19.) которые находятъ мудрость въ томъ, чтобы ученіе и преданіе Богомудрыхъ мужей превращать собственнымъ мудрованіемъ, или оспоривать невѣдѣніемъ: то дабы, естьли можно, вы-

весть изъ заблужденія заблуждающихъ, оградить ученіе отъ дерзкихъ нападеній, и самую Церковь отъ несправедливыхъ порицаній со стороны неправомыслящихъ, нужно утвердить священную важность и духовную пользу постановленія о поминовеніи усопшихъ.

Нѣкоторыя основанія священной обязанности поминовенія усопшихъ скрываются во глубинѣ природы человѣка. Кто искренно желаетъ убѣдиться въ сей истинѣ; тотъ пусть на время поставитъ себя на мѣстѣ сына послѣ недавней смерти родителя, и тогда пусть обратится къ собственному непредубѣжденному чувству и неповрежденному сердцу. Что скажетъ оно? Что чувствуетъ сердце сына въ отношеніи къ умершему отцу? Движимый любовію, борющеюся съ чувствомъ лишенія, онъ обымаетъ прахъ его, лобызаетъ на вѣки запечатлѣнныя уста, какъ бы желая воскресить умершаго, или напротивъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. Но когда здравый разумъ и духъ благочестія внушитъ любящему сердцу, что всѣ сіи выраженія любви безполезны и суетны,

и что возстановить общеніе съ умершимъ нельзя, развѣ въ единомъ Богѣ, который *нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ; вси бо Тому живи суть*: (Лук. 20, 38.) тогда оно готово все излиться въ пламенныхъ моленіяхъ о умершемъ къ *Единому имѣющему безсмертіе.* (1 Тим. 6, 16.) Таковы чувствованія сына къ усопшему отцу. И таковы должны быть расположенія Христіанина ко всѣмъ почившимъ въ вѣрѣ: поелику онъ долженъ обымать всѣхъ чистою и святою любовію, въ каждомъ ближнемъ видѣть отца или брата.

Стремленіе любящаго сердца къ скончавшемуся ближнему, выражаемое дѣйствіями благочестивыми и благотворительными, какъ слѣдствіе понятія о безсмертіи души, примѣчается во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, по роду и степени ихъ понятій о безсмертіи. Явственныя и чистыя черты онаго видимъ въ Ветхомъ Завѣтѣ между народомъ Божіимъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ Священныя книги. Такъ въ книгѣ Товита умирающій отецъ между наставленіями сыну своему даетъ и слѣдующее: *Иждивай*

хлѣбы твоя при гробѣ праведныхъ, (6, 17.) то есть, всѣхъ скончавшихся въ вѣрѣ и въ надеждѣ вѣчной жизни. Подобное наставленіе даетъ другой мудрый и благочестивый отецъ: *Благодать даянія да будетъ ко всякому живому, и надъ мертвымъ не возбрани благодати:* (Сирах. 7, 36.) онъ научаетъ оказывать благотворительность какъ для живыхъ, такъ и для умершихъ. Наконецъ вторая книга Маккавейская ясно свидѣтельствуетъ о моленіи и жертвоприношеніи за грѣхи умершихъ. Благочестивый вождь Іудейскій, по обозрѣніи убитыхъ на полѣ сраженія, нашедши въ ихъ одеждахъ *дары идольскіе,* (за что собственно они и пали) тотчасъ собираетъ дары истинному Богу, и посылаетъ въ Іерусалимъ для принесенія очистительной жертвы за грѣхи ихъ. (12, 39—46.) Какъ бы кто ни разсуждалъ о достоинствѣ книгъ, изъ которыхъ заимствованы сіи свидѣтельства, онѣ имѣютъ неотъемлемую историческую достовѣрность, и неоспоримо доказываютъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ были во всеобщемъ употребленіи моленія и жертвоприношенія за грѣхи усопшихъ.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ревнитель, защитникъ и провозвѣстникъ истины, обличая заблужденія и предразсудки Іудейскаго народа, конечно не оставилъ бы безъ обличенія и сего обыкновенія, ежели бы оно не было согласно съ духомъ Его ученія. Божественные ученики Его, созидая и устрояя Церкви въ разныхъ странахъ, и предавая имъ различныя правила и постановленія для храненія, какъ свидѣтельствуетъ о томъ книга Дѣяній — (16, 4.) они безъ сомнѣнія предали и постановленіе о поминовеніи усопшихъ. Что сіе постановленіе есть подлинно Апостольское, о семъ находятся несомнѣнныя свидѣтельства въ писаніяхъ мужей Апостольскихъ, которые то, что слышали непосредственно изъ устъ ихъ, предали потомству. Такъ Діонисій Ареопагитъ въ книгѣ о Церковномъ Священноначаліи пишетъ: „Священноначальникъ творитъ молитву надъ усопшимъ и по молитвѣ цѣ„луетъ его, а по немъ и всѣ предстоящіе. „Въ молитвѣ же молимъ безконечную бла„гость Божію, да проститъ усопшему всѣ „грѣхи, по немощи человѣческой содѣланные, „и упокоитъ его во свѣтѣ и странѣ жи-

„вущихъ, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іа-
„кова, на мѣстѣ, откуда удалена всякая бо-
„лѣзнь, печаль и страданія *).“ И притомъ говоритъ, что сіе заимствовано имъ отъ Апостоловъ: „О упомянутой молитвѣ, пе-
„решедшей къ намъ отъ Божественныхъ
„нашихъ наставниковъ, нужно предать по-
„томству **).“ Ту же молитву почти отъ слова до слова приводитъ Писатель Апостольскихъ постановленій, безспорно древній, кто бы онъ ни былъ ***). Тертулліанъ, Іустинъ, Ириней также упоминаютъ о молитвахъ и приношеніяхъ за умершихъ, и притомъ не въ видѣ наставленія новаго, но въ видѣ повѣствованія о извѣстномъ. Наконецъ неопровержимое доказательство того, что поминовеніе усопшихъ есть постановленіе Апостольское, находимъ въ Литургіи Апостола Іакова, изображенной въ поученіяхъ близкаго преемника его Св. Кирилла Іерусалимскаго, который говоритъ: „По освяще-
„ніи хлѣба и вина и преложеніи ихъ въ тѣ-
„ло и кровь Христову, поминаемъ и преж-

*) Сочин. его т. 1. стран. 353. Париж. издан. 1644.

**) Тамъ же стран. 356.

***) Гл. 8.

„де почившихъ, во первыхъ Патріарховъ, „Пророковъ, Апостоловъ, Мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и предстательствомъ „принялъ Богъ моленіе наше, потомъ и о „преставльшихся Святыхъ Отцахъ и Епи„скопахъ, и вообще о всѣхъ изъ насъ преж„де почившихъ, вѣруя, что превеликая бу„детъ польза душамъ, о которыхъ возно„сится моленіе въ то время, когда предле„житъ святая и страшная Жертва *).“ Изъ всѣхъ сихъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ становится несомнѣннымъ, что постановленіе о поминовеніи усопшихъ есть подлинно Апостольское: слѣдовательно оно имѣетъ силу и важность высшую, нежели человѣческую. И положивъ, какъ и должно полагать, что Апостолы, устроя Церкви, устрояли и учреждали все по внушенію и управленію того же Духа, которымъ были движимы въ своихъ писаніяхъ, справедливо можемъ утвердить важность онаго Божественную и священную неприкосновенность.

Дальнѣйшіе преемники Апостоловъ—Пасты-

*) Тайновод. поучен. 5, стран. 463, Москов. издан. 1822.

ри и Учители Церкви, одушевляемые тѣмъ же Духомъ, въ своихъ писаніяхъ подтвердили и объяснили сію истину.

1. Св. Василій В. въ Божественной Литургіи, по призываніи Духа Святаго и по освященіи даровъ, положилъ воспоминать всѣхъ прежде почившихъ, и представилъ самый образецъ молитвы: „Молитвами всѣхъ „Святыхъ Твоихъ посѣти насъ, Боже, и по„мяни всѣхъ прежде почившихъ въ надеждѣ „воскресенія и жизни вѣчной: упокой ихъ въ „свѣтломъ мѣстѣ, откуда удалена печаль „и стенанія, гдѣ осѣняетъ свѣтъ лица Тво„его.“

2. Св. Григорій Богословъ въ Словѣ на погребеніе брата своего говоритъ: „И наши „и предварившихъ насъ души предадимъ Бо„гу, моляся о нихъ.“

3. Св. Аѳанасій В. спрашиваетъ самъ себя: „Души усопшихъ получаютъ ли пользу „отъ молитвъ живыхъ?“ И отвѣчаетъ утвердительно *). Въ другомъ мѣстѣ разсуж-

*) Вопросъ 34 къ Антіоху.

даетъ онъ такъ: „Молитва за отшедшихъ „никогда не должна быть оставляема. Гдѣ „бы ни былъ погребенъ скончавшійся въ „вѣрѣ и благочестіи, ты не усумнись воз„жечь на гробѣ его елей и свѣщи, призы„вая имя Христа Бога. Сіе угодно и пріятно Ему, а для скончавшагося весьма „благодѣтельно. Елей и свѣщи суть какъ „бы всесожженіе; Божественная безкров„ная Жертва служитъ умилостивленіемъ; „благотворенія бѣднымъ ходатайствуютъ о „благомъ воздаяніи. Поминовеніе должно пред„ставлять подобно тому, какъ естьли бы „кто, имѣя младое отроча слабое, нѣмот„ствующее, ничего непонимающее, и при„томъ больное, принесъ въ храмъ Божій „свѣщи, елей и ладанъ, и возжегъ бы все „сіе съ вѣрою вмѣсто отрочати: тогда все „сіе вмѣнилось бы ему, хотя не само оно „творитъ сіе, такъ какъ въ Таинствѣ Кре„щенія отрицанія и обѣты, произносимые „воспріемникомъ, вмѣняются крещаемому „младенцу. Съ такимъ духомъ вѣры должно „приносить и объ усопшихъ свѣщи, елей „и все, что ни приносится для ихъ осво„божденія. И тогда сіи приношенія не ли-

„шатся благодати Божіей и послужатъ къ „умилостивленію Его *).“

4. Св. Епифаній, Епископъ Кипрскій, говоритъ: „Нѣтъ ничего полезнѣе для усопшихъ, какъ воспоминать имена ихъ въ мо„литвахъ: ибо живые и оставшіеся вѣру„ютъ, что отшедшіе и преставльшіеся „не обратились въ ничто, но живы у Бо„га. Какъ Св. Церковь научаетъ молиться „о путешествующихъ съ вѣрою и упова„ніемъ, что молитвы, о нихъ совершаемыя, „полезны для нихъ: такъ надлежитъ по„мышлять и объ отшедшихъ изъ міра се„го **).“

5. Св. Амвросій Медіоланскій пишетъ, что „не столько плакать объ отшедшихъ, „сколько молиться должно ***).“

Всѣ сіи Святые мужи касаются нашего

*) См. Разсужд. о почившихъ въ вѣрѣ, Іоанна Дамаскина, твореній его т. 1. стран. 591. Париж. издан. 1712 года.

**) Слово 75 о Ереси.

***) Письмо 8, къ Фавстину.

предмета токмо кратко, и какъ бы мимоходомъ упоминаютъ о немъ. Но Св. Іоаннъ Златоустъ и Св. Іоаннъ Дамаскинъ разсуждаютъ о немъ пространно.

6. Св. Іоаннъ Златоустъ, кромѣ Литургіи, въ которой повторяется сказанное въ Литургіи В. Василія, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій бесѣдуетъ о семъ предметѣ. Такъ въ бесѣдѣ на Посланіе къ Коринѳянамъ говоритъ: „Естьли и грѣшникъ умеръ, „и то должно радоваться, что пресѣклись „грѣхи; и онъ болѣе не въ состояніи при„лагать беззаконія къ беззаконіямъ, и по „возможности помогать ему, а не плакать: „помогать же молитвами и прошеніями, „милостынями и приношеніями (προσφορῶν *).“

Въ другой бесѣдѣ: „Не напрасно установлено Апостолами, чтобы, то есть, вос„поминать отшедшихъ предъ страшными „Тайнами. Они знали, что отъ сего бы„ваетъ для нихъ великая польза. Ибо ко„гда весь народъ и священный Соборъ сто-

*) Бесѣд. 41 на 1 Кор. 15.

„ить съ распростертыми и подъятыми къ „небу руками, и когда предлежитъ страш- „ная Жертва: какъ не умилостивимъ Бога, „моляся за нихъ *)?“

Еще индѣ поучаетъ такъ: „Отнюдь не „должно плакать о смерти праведника, но „паче радоваться, что отшелъ изъ сей „мятежной жизни къ покою некончаемому. „Напротивъ должно плакать объ умершемъ „грѣшникѣ, впрочемъ не безъ надежды: ибо „есть еще возможность, естьли хотимъ, „облегчить его мученія. Именно, естьли бу- „демъ творить о немъ частыя молитвы и „раздавать милостыню: то хотя бы онъ „былъ и недостоинъ самъ по себѣ, но Богъ „будетъ умилостивленъ нами. Естьли ради „Апостола Павла спасалъ другихъ, и естьли „ли ради однихъ щадилъ другихъ: то какъ „же не сдѣлаетъ того и для насъ?“ И далѣе продолжаетъ: „Не заботься о гробахъ „и погребальныхъ церемоніяхъ, но поставь „вокругъ вдовицъ: таковое погребеніе весь-

---

*) Изъяснен. на посл. къ Филип. гл. 1. Нравоучен. 3.

„ма величественно. Повѣдай имя его всѣмъ, „повели за него творить моленія и прошенія. Сіе умилостивитъ Бога, хотя и не „имъ самимъ совершается, но другой бываетъ виновникомъ таковой для него милости. И это есть заповѣдь человѣколюбія Божія.“ Далѣе: „Богъ даровалъ намъ „многія средства ко спасенію, только не „будемъ нерадивы. Но что, естьли кто „будетъ бѣденъ? На сіе скажу, что велиность милостыни цѣнится не по количеству и качеству даруемаго, но по усердію дающаго. Дай столько, сколько можешь, „и ты все отдалъ.“ И еще: „Не напрасно „бываютъ приношенія о усопшихъ, не напрасно моленія, не напрасно милостыни. „Все сіе заповѣдалъ намъ Духъ Святый съ „тою цѣлію, чтобы мы пользовались другъ „отъ друга: ибо смотри: онъ пользуется „тобою, ты имъ. Не просто Діаконъ возглашаетъ о почившихъ во Христѣ: не „Діаконъ сіе возглашаетъ, но Духъ Святый вопіетъ его устами. И такъ, зная „сіе, потщимся, сколько можно, помочь „усопшимъ, и вмѣсто слезъ, вмѣсто рыданій и вмѣсто гробницъ, да будутъ наши

„о нихъ молитвы, милостыни и приноше-„нія, дабы такимъ образомъ и они и мы „получили обѣтованныя блага *).“ И во многихъ другихъ златыхъ своихъ бесѣдахъ говоритъ о поминовеніи усопшихъ, не столько впрочемъ доказывая сію несомнѣнную истину, сколько объясняя оную и убѣждая къ дѣятельному ея исполненію.

7. Св. Іоаннъ Дамаскинъ составилъ цѣлое отдѣльное разсужденіе о семъ предметѣ. Поелику же все пространство его не можетъ вмѣститься въ тѣсныхъ предѣлахъ сего сочиненія: то предлагаются здѣсь токмо нѣкоторыя мѣста, заслуживающія особенное вниманіе.

Сей великій Учитель Церкви постановленіе о поминовеніи усопшихъ производитъ отъ Апостоловъ. „Таинники, говоритъ онъ, „и самовидцы Слова, ученики Спасителя, „Божественные Апостолы установили творить воспоминаніе о почившихъ въ вѣрѣ „предъ святыми, страшными и живото-

*) Изъясн. на Дѣян. Апост. гл. 9. Нравоучен. 21.

„рящими Тайнами. Сіе ихъ постановленіе
„Святая, Апостольская и Повсемственная
„Церковь Божія и Христова съ того вре-
„мени даже до сего дня содержитъ твердо
„и безъ всякаго сомнѣнія, и будетъ содер-
„жать даже до кончины міра. Конечно сіе
„установлено ими и принято Церковію не
„безъ основанія и разума: ибо Христіанская
„Религія, чуждая заблужденій, никогда ниче-
„го пустаго и безполезнаго не принимала;
„но постоянно содержала токмо полезное,
„Богоугодное, плодоносное и спаситель-
„ное (*).“

Онъ приводитъ свидѣтельства Св. Отцевъ: Діонисія Ареопагита, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Ефрема Сиріянина, Григорія Нисскаго, Аѳанасія Александрійскаго. Объясняетъ и подтверждаетъ истину ученія событіями. Такъ повѣствуетъ онъ: „У одного изъ Святыхъ мужей былъ „ученикъ, жившій безпечно. Что же? Смерть „застигла его въ таковой безпечности. „Милосерднѣйшій Отецъ небесный, подвигну-

(*) Твореній его т. 1. стр. 585.

„тый слезами и воплями Старца, открылъ „ему того юношу горящимъ во пламени „даже до выи, подобно немилосердому бога„чу, упоминаемому въ притчѣ о Лазарѣ. „Когда же Святый подвергъ себя стро„гимъ умерщвленіямъ, съ крѣпкимъ воплемъ „умоляя Бога; то увидѣлъ его объятаго „пламенемъ до пояса. Наконецъ, когда Св. „мужъ присоединилъ болѣзни къ болѣзнямъ: „то Богъ въ видѣніи явилъ его Старцу „изъятымъ изъ пламени и совершенно сво„боднымъ (*).“

„Милосердый Богъ, говоритъ онъ между „прочимъ, радуется и утѣшается тѣмъ, „когда мы стараемся о пользѣ ближняго. „Равно и то для Него пріятно и вожделѣн„но, естьли и оставшіеся въ живыхъ и „отшедшіе будутъ вспомоществовать другъ „другу. Естьли бы сіе не было пріятно „Богу: то бы Онъ никакъ не попустилъ „воспоминать усопшихъ предъ страшными „Тайнами; и Святая, Соборная и Апостоль„ская Церковь никогда не приносила бы о

(*) Тамъ же.

„нихъ безкровной Жертвы въ третій, де-
„вятый, четыредесятый день, и по окон-
„чаніи года; и не сохраняла бы все сіе
„столь свято и ненарушимо (*).“

„Но противннки скажутъ:—такимъ обра-
„зомъ всѣ спасутся, и никто не лишится
„блаженства.—О! естьли бы сіе на самомъ
„дѣлѣ исполнилось! Это есть то, чего же-
„лаетъ, жаждетъ, ищетъ, ожидаетъ, и въ
„чемъ поставляетъ высочайшее утѣшеніе
„свое и радость преблагій Богъ. Ибо не-
„ужели Ангеламъ приготовилъ Онъ награды и
„вѣнцы? Ужели для спасенія горнихъ умовъ
„низшелъ Онъ на землю, воплотился отъ
„Дѣвы, претерпѣлъ страданія и вкусилъ
„смерть? Неужели Ангеламъ скажетъ нѣ-
„когда: *Пріидите, благословенные Отца*
„*Моего! наслѣдуйте царство, уготован-*
„*ное вамъ отъ созданія міра?* Сего ни-
„какъ не могутъ утвердить противники:
„ибо какъ пострадалъ Онъ, такъ и приго-
„товилъ все для человѣка. Кто же, у-
„строяя вечерю и приглашая друзей, не за-

(*) Тамъ же, стр. 390.

„хочетъ, чтобы всѣ пришли на оную и на-
„сладились благъ ея? Ибо для чего иначе и
„уготовлять вечерю, естьли не принимать
„на нее друзей? И естьли мы такъ по-
„ступаемъ; то что сказать о великода-
„ровитомъ, единомъ по существу, пребла-
„гомъ и человѣколюбивомъ Богѣ, который
„чѣмъ болѣе даетъ и дарствуетъ, тѣмъ
„болѣе радуется и веселится, и еще не-
„сравненно болѣе, нежели прiемлющiй и
„стяжевающiй себѣ спасенiе (*)?“

Послѣ сихъ свидѣтелей, достойныхъ пол-
ной вѣры, естьли желаетъ еще кто сви-
дѣтелей многочисленныхъ: для таковаго
приводимъ во свидѣтельство всю Вселен-
скую Церковь, изрекающую судъ свой чрезъ
священное сословiе Мужей мудрыхъ и свя-
тыхъ, собранныхъ отвсюду для утвержде-
нiя Православныя Вѣры противъ неправо-
мыслящихъ. Такъ шестый Вселенскiй Со-
боръ (**) утверждаетъ и одобряетъ чинъ
и послѣдованiе Божественныя Литургiи

(*) Тамъ же, стр. 592.

(**) Правило 32.

Апостола Іакова, Василія В. и Іоанна Златоустаго: слѣдовательно утверждаетъ и одобряетъ поминовеніе усопшихъ, какъ принятое и предписанное въ оныхъ.

Къ чему служитъ сіе учрежденіе? вопрошаютъ нѣкоторые мудрователи: и, не зная, что на сіе отвѣчать, думаютъ, что своимъ незнаніемъ уже опровергли достоинство учрежденія. Но Богомудрые Мужи и вся Церковь конечно знали, къ чему служитъ учрежденіе, столь согласно ими принятое и столь твердо сохраняемое.

Души, по исходѣ своемъ изъ тѣла, должны предстать на судъ Верховнаго Судіи Бога, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *Человѣкамъ положено однажды умирать, а потомъ* послѣдуетъ *судъ*, (Евр. 9, 27.) въ ожиданіи всеобщаго рѣшительнаго частный. предварительный. Духи злобы поднебесные, *клеветники, оклеветающіе братію нашу день и нощь*, (Апок. 12, 10.) предстаютъ противъ нихъ, какъ обвинители, желая пресѣчь имъ путь къ небу и удержать ихъ въ своей области. (Еф. 2, 2.) Души правед-

ныхъ отражаютъ клеветы злыхъ духовъ силою благодати, и отводятся чрезъ посредство добрыхъ Ангеловъ (Евр. 1, 14.) на мѣсто покоя, радости и блаженства: ибо „что „другое означаютъ нѣдра Авраама, пишетъ „Діонисій Ареопагитъ, естьли не блаженнѣйшія жилища, пріемлющія всѣхъ Богоподобныхъ мужей въ свою нестарѣющуюся „и блаженнѣйшую полноту (τελέιωσις) *)?“ О семъ блаженномъ состояніи праведныхъ душъ по смерти свидѣтельствуетъ Іисусъ Христосъ въ притчѣ о бѣдномъ Лазарѣ, о коемъ сказано: *Нынѣ онъ утѣшается.* (Лук. 16, 25.) Напротивъ души, неустоявшія на судѣ семъ, низводятся во *адъ*, мѣсто мрака, удаленное отъ свѣта Божественнаго, гдѣ испытываютъ страданія, какъ сказано о немилосердомъ богачѣ: *А ты страдаешь.* Но сіе состояніе радости праведныхъ есть только еще предвкушеніе блаженства, которое послѣдуетъ за всеобщимъ, окончательнымъ судомъ, когда Сынъ человѣческій скажетъ стоящимъ *одесную Его: пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте*

---

*) О Церковн. Священнонач. стран. 354.

царство, уготованное вамъ отъ созданія міра. (Матѳ. 25, 34.) Равнымъ образомъ и состояніе страданія грѣшниковъ должно раскрыться въ полной мѣрѣ тогда, когда Судія живыхъ и мертвыхъ изречетъ стоящимъ *ошуюю Его: отъидите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.* (ст. 41.) Далѣе, радость и блаженство, какими наслаждаются праведники, имѣютъ различныя степени: ибо невозможно, чтобы одна мѣра наслажденія предлежала всѣмъ благоугодившимъ Богу въ земномъ ихъ странствованіи; но *иная слава солнца, иная слава луны, иная звѣздъ, и звѣзда отъ звѣзды разнится въ достоинствѣ.* (1 Кор. 16, 41.) Мѣра и степень блаженства каждой души, благоугодившей Богу, есть мѣра и степень чистоты сердца и совершенства духовнаго. Чѣмъ кто болѣе очистилъ сердце свое и возвысилъ духъ въ сей жизни: тѣмъ тотъ ближайшимъ и яснѣйшимъ наслаждается лицезрѣніемъ Божіимъ; и слѣдовательно, тѣмъ высочайшее вкушаетъ блаженство, оттуда проистекающее. Подобнымъ образомъ и степень мученія грѣшниковъ различенъ, по

различію мѣры неправдъ каждаго: ибо несогласно было бы съ безконечнымъ правосудіемъ Божественнымъ опредѣлить одинъ степень наказанія всѣмъ грѣшникамъ. Впрочемъ для всѣхъ ихъ есть нѣчто общее: всѣ они заключены *въ темницѣ*, (1 Петр. 3, 19.) и будучи связаны узами адскаго мрака, соблюдаются на судъ великаго дня. (2 Петр. 2, 4.)

Церковь, воинствующая на землѣ, какъ сердобольная матерь, пекущаяся о чадахъ своихъ, движимая чувствомъ состраданія къ узникамъ ада, дерзаетъ ходатайствовать о нихъ у Царя небеснаго, и надѣется быть услышанною. Надежду сію она основываетъ на безконечномъ милосердіи и человѣколюбіи Божіемъ. Неизмѣняемый въ существѣ своемъ и въ опредѣленіяхъ воли своей Богъ, нерѣдко, движимый и препобѣждаемый неизреченнымъ милосердіемъ, самыя опредѣленія о погибели употребляетъ, какъ средства для спасенія. Такъ нѣкогда изрекъ Онъ: *Еще три дни, и Ниневія превратится*: (Іон. 3, 4.) но когда жители ея поверглись въ глубокое раскаяніе, Онъ сжалился,

и Ниневія сохранена. Почему не думать, что находящіеся уже въ челюстяхъ ада, но которыхъ онъ еще не имѣетъ власти поглотить до послѣдняго суда, по молитвамъ Церкви, могутъ быть исхищены Тѣмъ, который имѣетъ *ключи ада и смерти?*

Церковь, уповая на безконечное милосердіе Божіе, употребляетъ самыя дѣйствительныя средства къ умилостивленію Его, каковы: милостыня, молитва и безкровная Жертва. Благотворенія бѣднымъ имѣютъ великую силу. Богъ благоугождается милостынею, такъ что въ лицѣ бѣдныхъ Самъ благоволитъ примимать оную, какъ бы заимообразно; (Прит. 19, 17.) и на послѣднемъ судѣ благотвореніе страждущимъ ближнимъ является какъ бы единственною добродѣтелію, которая даетъ человѣку право на наслѣдованіе небеснаго царства. Но милостыня, какъ раздаваемая по волѣ усопшихъ, безпрекословно есть ихъ добродѣтель, такъ и раздаваемая за нихъ другими можетъ вмѣниться имъ по силѣ вѣры, которая уничтожаетъ различіе лицъ. Такъ, по вѣрѣ носящихъ разслабленнаго, Іисусъ

Христосъ воздвигаетъ его съ одра болѣзни; (Мат. 9, 2.) ради вѣры Мароы и Маріи воскрешаетъ изъ мертвыхъ Лазаря. Наипаче же таковое дѣйствіе вѣры на другихъ совершается чрезъ молитву, которая по тому и есть другое дѣйствительнѣйшее средство къ умилостивленію Бога живущими для умершихъ. Молитва къ Богу, подкрѣпляемая вѣрою и одушевляемая любовію, могущественна и даже чудодѣйственна: ибо сказано: *Все, что ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите.* (Мат. 21, 22.) Ежели молитва единаго праведника за цѣлый народъ была нѣкогда сильна къ умилостивленію Бога: то ужели молитва, возсылаемая цѣлымъ сонмомъ вѣрующихъ, будетъ недѣйствительна? — Къ симъ дѣйствительнымъ средствамъ умилостивленія Церковь присоединяетъ еще могущественнѣйшее, именно—приношеніе въ очистительную жертву за грѣхи усопшихъ Агнца, прежде вѣковъ закланнаго. Безкровная Жертва, выну приносимая на олтарѣ, будучи образомъ и продолженіемъ Всемірной Жертвы, единожды принесенной на Голгоѳѣ, имѣетъ ту же силу и дѣйственность, которая не

ограничивается ни пространствомъ, ни временемъ, и равно простирается на живыхъ и умершихъ. Здѣсь уже не человѣкъ ходатайствуетъ объ оныхъ узникахъ ада, но Сама Безконечная, Вѣчная Упостасная Любы Отча-Единородный Сынъ Божій, *Единый Ходатай Бога и человѣковъ*, (1 Тим. 2, 5.) ходатайствуетъ о нихъ. Безцѣнная кровь Его, за нихъ проліянная, неумолкно вопіетъ о нихъ къ Вѣчному Судіи — Богу Отцу и молитъ о помилованіи. Богъ, преблагій Отецъ по существу своему, нѣкогда ради молитвы раба своего помиловавшій народъ, осужденный на погибель, по ходатайству Сына своего Единороднаго не преклонится ли на милость къ грѣшникамъ, заключеннымъ *въ темницѣ*, и блюдомымъ на судъ и вѣчную погибель? О семъ такъ разсуждаетъ Св. Кириллъ Іерусалимскій: „Что, естьли бы какой царь послалъ досадившихъ ему въ ссылку, а ихъ ближніе потомъ, сплетши вѣнецъ, принесли бы ему оный за терпящихъ наказаніе: то не сдѣлалъ ли бы онъ облегченіе наказанія? Такимъ образомъ и мы „за усопшихъ, естьли они и грѣшники, возсылая Богу молитвы, не вѣнецъ сплета-

„емъ, но Христа, закланнаго за грѣхи на-
„ши, приносимъ, умилостивляя за нихъ и
„за насъ человѣколюбца Бога *)."

Скажутъ: какъ возможно умилостивить Бога къ умершимъ грѣшникамъ, когда Онъ являлъ и являетъ свое милосердіе грѣшникамъ токмо въ сей жизни подъ условіемъ покаянія?—Но безконечное милосердіе не ограничивается никакими предѣлами. Для Бога нѣтъ различія между живыми и умершими. Покаяніе, начатое живущими, но не принесшее совершенныхъ плодовъ, можетъ дозрѣть, такъ сказать, въ умершихъ, при содѣйствіи теплоты любви и молитвы Церкви. Доколѣ ихъ состояніе не есть рѣшительное; доколѣ они, какъ подсудимые, заключенные въ темницѣ, соблюдаются для окончательнаго суда, и не произнесенъ надъ ними рѣшительной приговоръ вѣчной смерти; доколѣ Пастырь не отлучилъ козловъ отъ овецъ, и не отдѣлилъ пшеницы отъ плевелъ: дотолѣ двери милосердія Божія не заключены для нихъ, дотолѣ они принадле-

*) Поучен. Тайновод. 5, стран. 463.

жатъ къ единому съ нами стаду, и, какъ члены единой и всеобщей Церкви, подъ Единою состоятъ Главою — Іисусъ Христомъ. Слѣдовательно, возможно еще умилостивить къ нимъ Бога. По совершеніи уже всеобщаго суда возможность сія оканчивается. Тогда не будетъ и способовъ къ умилостивленію Господа, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ: „Гдѣ тогда будутъ бѣдные? Гдѣ „Литургіи? Гдѣ пѣснопѣнія? Гдѣ благотво„ренія? Гдѣ милостыни *)?“

Но что значатъ слова, произнесенныя Авраамомъ богачу, находящемуся въ мукахъ: *Между нами и вами утверждена великая пропасть*, такъ что *хотящіе перейти отсюда къ вамъ не могутъ*, также *и оттуда къ намъ не переходятъ*? (Лук. 16, 26.) Симъ не утверждается совершенная невозможность облегченія судьбы умершихъ; а только показывается, что не возможенъ переходъ изъ одного состоянія въ другое по собственному произволу: но возможенъ по волѣ Того, который имѣетъ *ключи ада*

*) Разсужден. о почившихъ въ вѣрѣ, стран. 584.

*

и смерти, (Апок. 1, 18.) который *отверзетъ, и никто не затворитъ; затворитъ, и никто не отверзетъ,* (Апок. 3, 7.) и который *имѣетъ власть погубить душу и тѣло въ геннѣ,* (Матѳ. 10, 28.) и имѣетъ власть спасти оныя. И такъ Богъ, умилостивленный ходатайствомъ, можетъ освободить оныхъ узниковъ, и извести ихъ въ мѣста свѣта, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали, ни страданій.

Впрочемъ возможность сія простирается не на всѣхъ вообще усопшихъ, но на тѣхъ изъ нихъ, которые въ сей жизни посѣяли хотя нѣкоторыя сѣмена добра, и скончались въ вѣрѣ и покаяніи. Иногда бѣдный грѣшникъ, проведши жизнь въ забвеніи Бога и самаго себя, въ старости и уже при концѣ дней своихъ приходитъ въ себя, обращается къ Богу, приноситъ покаяніе, и рѣшается хотя съ единонадесятаго часа трудиться въ дѣланіи заповѣдей Господнихъ. Но едва успѣлъ онъ положить начало благой и Богоугодной жизни, какъ смерть приходитъ пресѣчь дни его, и застаетъ не исполненными его святыя намѣренія и благія

желанія. Не смотря на то, онъ не отчаявается въ своемъ спасеніи; съ чистымъ покаяніемъ возлегаетъ на одръ смерти, уповая на безконечную силу заслугъ Искупителя, и надежду сію запечатлѣвая таинственнымъ соединеніемъ съ Тѣломъ и Кровію Его. Есть другой родъ умирающихъ, которые въ сей жизни, по возможности, старались объ очищеніи сердца своего, но которые между тѣмъ не чужды были нѣкоторыхъ грѣховъ, свойственныхъ человѣческой слабости, и которые отошли отсюда, какъ надлежитъ, по Христіански. По исходѣ изъ тѣла души таковыхъ ввести въ обители свѣта, радости и блаженства, не согласно съ безконечнымъ правосудіемъ, строгость коего простирается на каждое праздное слово, на погубленіе въ бездѣйствіи краткой черты времени. Они должны находиться въ удаленіи отъ Божественнаго свѣта, который нестерпимъ для болѣзненныхъ очей ихъ, и которымъ наслаждаются токмо чистые сердцемъ. О таковыхъ усопшихъ молитвы и благотворенія ближнихъ, моленія и безкровныя жертвы, приносимыя Церковію, могутъ быть дѣйствительны и послужатъ къ уми-

доставленію Господа и къ восполненію ихъ добродѣтелей. Напротивъ для тѣхъ, которые какъ жизнь провождали, такъ и умерли нераскаянно, безъ надежды, или даже съ отчаяніемъ и ожесточеніемъ: для таковыхъ милостыни, молитвы и приношенія будутъ недѣйствительны и неугодны Богу; поелику Онъ *отъялъ миръ отъ людей сихъ, милость и щедроты.* (Iерем. 16, 5.) Посему Церковь и не позволяетъ молиться за тѣхъ, о которыхъ по обстоятельствамъ смерти извѣстно, что они скончались не въ покаяніи. Впрочемъ Единъ Богъ достовѣрно вѣдаетъ *сущихъ своихъ*; (2 Тим. 2, 19.) Ему Единому извѣстны спасаемые и погибающіе; а намъ не дано знать, кто суть предопредѣленные къ наслѣдію вѣчнаго блаженства; хотя твердо и несомнѣнно знаемъ, что и въ самомъ стадѣ Христовомъ, не говоря о тѣхъ, которые *не суть отъ двора сего,* (Iоа. 10, 16.) найдутся такіе, которыхъ Пастырь отлучитъ нѣкогда отъ своего стада. На семъ основаніи Церковь приноситъ молитвы и безкровныя жертвы о всѣхъ прежде почившихъ въ Христіанской вѣрѣ, а о комъ при-

нять, о комъ отвергнуть оныя, сей судъ принадлежитъ, и есть вѣдомъ Единому Богу.

И такъ, естьли и не знаемъ точно, кому изъ умершихъ, но знаемъ, что умершимъ полезны молитвы наши. Никакое сомнѣніе да не возмущаетъ мыслей нашихъ, и да не охлаждаетъ сердца нашего, когда Церковь призываетъ насъ, взывать о нихъ къ Тому, который есть ихъ и наше воскресеніе, жизнь и покой.

VI.

О ПРЕИМУЩЕСТВѢ БУДУЩАГО НАШЕГО ТѢЛА ПРЕДЪ НАСТОЯЩИМЪ.

Сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное; сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное; сѣется немощное, воскресаетъ сильное. Сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное. 1 Кор. 15, 42—44.

У Коринѳянъ родился вопросъ: *Какъ воскреснутъ мертвые, и въ какомъ тѣлѣ выдутъ?* И нѣкоторые, вѣроятно потому, что представляли сіе слишкомъ чувственнымъ образомъ, отвергли все ученіе, и уничтожили, какъ кажется, самую вѣру въ личное продолженіе бытія своего за предѣлами гроба. На сіе съ ревностію отвѣтствуетъ Апостолъ. Онъ показываетъ, какъ несчастенъ былъ бы человѣкъ, естьлибы надѣялся на Христа только въ сей жизни; какъ безумно было бы креститься для мерт-

выхъ, и, по долгу Христіанина и Апостола, подвергаться столь многимъ опасностямъ и бѣдствіямъ; и какъ наконецъ справедливо было бы сіе положеніе сыновъ вѣка сего: *Станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ!* *Не обманывайтесь,* взываетъ онъ потомъ, *худыя сообщества развращаютъ добрые нравы. Пробудитесь, какъ должно, и не грѣшите; ибо къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога. Но скажетъ кто нибудь: какъ воскреснутъ мертвые, и въ какомъ тѣлѣ выйдутъ? Безразсудный! то, что ты сѣешь, не оживетъ, естьли не умретъ. И когда ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть, одинакова плоть: но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя и тѣла земныя; но иное достоинство небесныхъ, иное земныхъ. Иная слава солнца; иная слава луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды разнится въ достоинствѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ.*

(33—42.) Апостолъ хочетъ сказать, что какъ на землѣ различны тѣла, какъ на небѣ—звѣзды; такъ весьма будетъ различествовать и наше будущее тѣло отъ настоящаго. Разсмотримъ радостное ученіе Писанія о преимуществѣ будущаго нашего тѣла предъ настоящимъ.

1. Писаніе открываетъ намъ, что будущее наше тѣло будетъ гораздо *крѣпче* настоящаго. *Сѣется тлѣнное, воскресаетъ нетлѣнное. Они умирать уже не могутъ,* говоритъ Іисусъ Христосъ о тѣхъ, *которые улучили тотъ вѣкъ; ибо они подобны Ангеламъ, и суть сыны Божіи, ставъ сынами воскресенія.* И Апостолъ Павелъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ 5, 1. пишетъ: *Мы знаемъ, что когда земный нашъ домъ, сія хижина разрушится, мы получимъ отъ Бога жилище на небесахъ, домъ нерукотворенный, вѣчный.* Такимъ образомъ, какъ Іисусъ Христосъ однажды умеръ, и нынѣ живетъ, Богъ сый, такъ что смерть не имѣетъ болѣе надъ Нимъ власти; такъ точно и нашъ духъ, послѣ однократнаго болѣзненнаго разрѣшенія тѣлесныхъ членовъ

не долженъ будетъ страшиться никакой другой смерти, естьли только не разумѣть подъ симъ того несчастнаго состоянія, которое по ту сторону гроба ожидаетъ злыхъ, и которое тысячекратно хуже непрестанной смерти. И поелику теперь каждая болѣзнь есть нѣкоторое напоминаніе о смерти и даже предощущеніе оной, и всякое тѣлесное страданіе есть только слѣдствіе бренности сей нашей хижины и постепеннаго разрушенія оной; то очевидно, что безсмертный спутникъ безсмертной души, по всецѣлой природѣ своей и своему составу, будетъ свободенъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ болѣзней. И поелику настоящее развитіе человѣческаго тѣла отъ младенческой слабости до крѣпости мужеской, и обратный его ходъ до безсилія старца возможны только чрезъ смѣшеніе въ ономъ четырехъ стихій, чрезъ бореніе съ оными, и чрезъ разрѣшеніе ихъ на свои основныя начала; то явствуетъ также, что мы нѣкогда, по своему тѣлу, не будемъ ни расти, ни прибавляться, ни уменьшаться, но будемъ обитать въ одномъ и томъ же неизмѣняемомъ жилищѣ. И здѣсь предѣлъ нашего познанія. Невоз-

можно въ точности означить того вещества, изъ котораго произойдетъ будущее наше тѣло; ибо всякое вещество, какое только мы знаемъ, удоборазрушимо. По сему при дальнѣйшемъ сужденіи о семъ предметѣ мы были бы подобны глухому или слѣпому отъ рожденія, изъ коихъ первый сталъ бы судить о звукахъ, а второй о цвѣтахъ.

2. Будущее наше тѣло будетъ *прекраснѣе* настоящаго. *Сѣется презрѣнное, воскресаетъ славное. Праведники возсіяютъ,* говоритъ Іисусъ Христосъ послѣ притчи о *плевелахъ на полѣ, праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ царствіи Отца ихъ!* Матѳ. 13, 43. И Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Филип. 3, 21. открываетъ намъ, что *Христосъ уничиженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его силою, которою Онъ дѣйствуетъ и покаряетъ Себѣ все.* По сему какъ самъ Іисусъ Христосъ, послѣ того, какъ вошелъ въ свою славу, пребылъ и пребываетъ неизмѣннымъ только по духу и сердцу, но въ разсужденіи тѣхъ Его членовъ, которые пролили кровь свою на дре-

вѣ и лежали во гробѣ, произошла перемѣна, сообразная настоящему величію Его; такъ будетъ и съ нами. Я сѣюсь для того, чтобы прекраснѣе разцвѣсти! О, уже и здѣсь человѣческій видъ есть самый величественнѣйшій и прекраснѣйшій изъ всѣхъ. Сія глава, которая возвышается къ небу; сіи глаза, изъ которыхъ часто просіяваетъ гораздо свѣтлѣйшее солнце, нежели какое ударяетъ въ нихъ; сіе лице, на которомъ выражается каждое чувство благоговѣнія и любви;—о, кто не видитъ, что сей благородный видъ назначенъ быть храмомъ Божіимъ? И кто будетъ строго обвинять язычниковъ, которые, не могши познать Бога истиннаго, облекали боговъ своихъ въ человѣческій образъ?—Но цвѣтущія лѣта жизни быстро проходятъ! Грѣхъ обезображиваетъ сей благородный зракъ, на коемъ долженъ былъ бы царствовать миръ Божій. Красота часто бываетъ самымъ опаснѣйшимъ даромъ; ибо для буйнаго она бываетъ поводомъ и побужденіемъ къ обезображенію оной. Наконецъ старость совершенно изъѣдаетъ сіе святилище;—и прекрасный юноша въ преклонныхъ своихъ лѣтахъ, съ согбенною вы-

єю, съ наморщеннымъ челомъ, и сѣдыми волосами, ищетъ покоя. Но я сѣюсь для того, чтобы прекраснѣе разцвѣсти! Естьли уже и здѣсь духъ образовалъ себѣ такое жилище, которое тѣмъ болѣе внушаетъ въ насъ къ себѣ уваженія, чѣмъ менѣе бываетъ осквернено; то какъ величественно и прекрасно будетъ жилище наше тамъ, гдѣ духъ нашъ будетъ стоять на гораздо высшей степени усовершенствованія, гдѣ онъ будетъ гораздо чище, сильнѣе, блаженнѣе!

3. Будущее наше тѣло будетъ *сильнѣе* настоящаго. *Сѣется немощное, воскресаетъ сильное.* Естьли изъ нѣкоторыхъ выраженій Іисуса Христа, равно какъ и изъ собственной нашей природы, мы справедливо можемъ заключать, что наше блаженное состояніе будетъ не безъ дѣятельности, что кромѣ славословій, которыя мы будемъ воспѣвать тамъ предъ престоломъ Единаго Блаженнаго, и кромѣ чистѣйшаго свѣта, въ которомъ ходить будемъ, большую часть наслажденій мы будемъ находить въ кругѣ нашей дѣятельности, въ изъявленіи любви и въ исполненіи Божественной воли, и что сей

кругъ дѣятельности нашей будетъ непрестанно разширятся: то неоспоримо, что будущее наше тѣло, какъ средство и орудіе нашего духа, будетъ имѣть больше силы, нежели сіе слабое, удоборазрушимое. Безсиліемъ начинаемъ мы поприще нашей жизни, безсиліемъ оканчиваемъ оное. Когда бываемъ младенцами, насъ носятъ; когда же достигаемъ старости, насъ водятъ. Терпѣть и учиться терпѣнію было первымъ нашимъ занятіемъ; оно же будетъ и послѣднимъ. Одна только средина жизни остается для дѣятельности. — Сладкая надежда, — нѣкогда вся жизнь наша будетъ одна достаточная, вѣчная сила! Ибо, какъ Іисусъ Христосъ имѣетъ теперь Божественную силу на престолѣ Отца своего,—силу, съ которою Онъ съ нами *даже до скончанія вѣка,* которою Онъ каждому помогаетъ, каждому доставляетъ хлѣбъ и воду жизни, и каждаго водитъ, какъ пастырь агнцевъ на зеленой пажити: такъ и мы, соцарствуя Ему, какъ высшія творенія, какъ служители Божіи и наслѣдники обѣтованій, будемъ имѣть всѣ силы, потребныя къ прохожденію будущаго нашего высокаго званія. Но, можетъ быть,

вы спросите: Какимъ образомъ сіе будетъ? Будемъ ли мы дѣйствовать подобно солнцу, оживляющему землю чрезъ отдаленное пространство; или будемъ такъ легки, какъ воздухъ, какъ свѣтъ, какъ огонь, или даже какъ мысль? Это запечатлѣнная тайна, которая можетъ раскрыться только на краю вѣчности.

4. Будущее наше тѣло будетъ также и *духовнѣе* настоящаго. *Сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное.* И далѣе о семъ же говоритъ Апостолъ: *Есть тѣло душевное, есть тѣло и духовное. Первый человѣкъ Адамъ сталъ душею живущею; а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Но не духовное прежде, а душевное: потомъ духовное. Первый человѣкъ изъ земли земный; вторый человѣкъ Господь съ неба. Каковъ земный, таковы и земные; и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ земнаго, будемъ носить и образъ небеснаго. Но то скажу, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія.* (44—50.) На сіе указывая, сказалъ и Іисусъ

Христосъ: *Въ воскресеніи ни женятся, ни за мужъ не выходятъ; но живутъ какъ Ангелы Божіи на небеси.* (Матѳ. 22, 30.) Братія мои! Кто же теперь грѣшитъ? Тѣло или душа? Тѣло можетъ отвѣчать, что оно непроизвольно служитъ орудіемъ для чуждой силы, живущей въ немъ; душа можетъ сказать, что она заключена въ тѣлѣ, какъ въ темницѣ, и никогда не выходитъ изъ него? Или, кто изъ нихъ обольщаетъ другъ друга? Глаза ли соблазняютъ душу, или душа побуждаетъ глаза, взирать на запрещенное? Крѣпость ли руки разполагаетъ буйнаго человѣка къ біенію, или посредствомъ руки только обнаруживается злая воля его? Тѣло ли злоупотребляетъ душею, или душа тѣломъ при каждомъ рожденіи законопреступныхъ вожделѣній? Какъ тѣло, такъ и душа виновны. Душа, будучи повелительницею, предается суетнымъ удовольствіямъ своего подданнаго; а сей ввергаетъ свою владычицу изъ одного заблужденія въ другое. Блаженъ убо ревностный ратоборецъ Божій, вмѣстѣ съ Апостоломъ обуздывающій свое тѣло, и непрестанно бдящій надъ самимъ собою, — блаженъ, въ

шой увѣренности, что будущее его тѣло будетъ духовнѣе настоящаго! Въ немъ не будетъ такихъ побужденій и склонностей, которыя хотя сами въ себѣ и добры и необходимы для сей жизни, но, будучи нарушены въ своемъ равновѣсіи, бываютъ весьма сильны и возмутительны, и необходимо требуютъ непрестаннаго назиранія, ежедневной молитвы о помощи и покровительствѣ. Оно будетъ духовнѣе; оно будетъ требовать только того, что сообразно съ тѣмъ будущимъ порядкомъ, внутреннимъ закономъ и Божественною волею.

По сему, погребая ближняго, каждый разъ мы должны дѣлать сіе съ такою же надеждою, съ какою земледѣлецъ ввѣряетъ свое сѣмя землѣ. Зерно не имѣетъ ни вида, ни цвѣта, ни блеска. Оно представляетъ собою нѣчто мертвое, какъ глыба земли, на которую оно падаетъ. Но сѣющій бросаетъ его съ надеждою, и его надежда не остается безъ награды. Что тамъ поднимается изъ земли, какъ будто изъ могилы? Что тамъ зеленѣетъ при свѣтѣ солнца, оживляется и укрѣпляется во время дождя и

росы, испускаетъ облако благовоній, и наконецъ возрастаетъ въ класъ для насыщенія и подкрѣпленія человѣковъ? Не зерно ли сѣменное? Не зародышъ ли, спящій въ зернѣ? — О небесный зародышъ во мнѣ, семъ сѣменномъ, перстномъ зернѣ! Такъ и ты нѣкогда выдешь, будешь зеленѣть и величаться на полѣ вѣчности; твоя жизнь, все существо твое въ одно и то же время будетъ и пріятною весною и плодотворною осенью.

И такъ, братія мои! естьли Божественное Писаніе научаетъ насъ, что будущее наше тѣло будетъ несравненно крѣпче, прекраснѣе, сильнѣе и духовнѣе настоящаго; то радуйтесь, и съ чувствомъ благодарности къ Богу примите сіе благодѣтельное ученіе. Чрезъ него ваша вѣра получаетъ гораздо большую крѣпость и утвержденіе. Вы видите, что хотя будущее наше состояніе содержитъ въ себѣ многія тайны, которыхъ не въ состояніи открыть намъ уста смертныхъ: впрочемъ нѣчто касательно сего состоянія и открыто намъ, — именно столько, сколько потребно для нѣкоторой

опредѣленности нашихъ представленій о немъ. Такъ, изъ настоящаго разсужденія мы научаемся, какъ понимать то или другое выраженіе касательно вѣчности. Мы познаемъ изъ него, что многія изображенія будущаго состоянія мы должны понимать не собственно, но уподобительно, не чувственно, но духовно. Что это за пальмы, которыя мы получимъ тамъ? Что за вѣнцы, которые будутъ украшать тамъ наши головы? Что такое за наслѣдство, въ обладаніе которымъ мы тамъ вступимъ? Что за рай, въ прохладныхъ тѣняхъ коего мы ходить будемъ. О вѣчность! твои блага, твои радости, твои наслажденія, и всѣ твои награды будутъ несравненно изящнѣе и величественнѣе настоящихъ, такъ какъ наше тѣло будетъ превосходнѣе настоящаго!

Чрезъ сіе ученіе, и врожденное наше стремленіе къ небесному и вѣчному пріемлетъ новый полетъ. Какъ воздыхалъ Апостолъ Павелъ о небесномъ отечествѣ, когда, взирая на земный свой домъ, видѣлъ, что бѣдствія и враги угрожаютъ ему разрушеніемъ. *Мы стенаемъ*, говоритъ онъ, *о небесномъ*

жилищѣ, и желаемъ одѣться онымъ. Ибо мы находимся въ сей хижинѣ и стенаемъ, будучи подъ бременемъ. Мы желаемъ вытти изъ тѣла и водвориться съ Господомъ. О, что будетъ съ нами, когда сія рухлая хижина, колеблемая вихрями, снѣдаемая червями, угрожаемая бурею, — когда сія рухлая хижина разрушится и чрезъ отверзшуюся дверь ея вылетитъ ея обитательница, и наконецъ на томъ полѣ, куда она доселѣ взирала только сквозь малыя отверстія, — на полѣ жизни соорудится нерукотворенный домъ, который уже не будетъ подлежать ни осадѣ враговъ, ни снѣденію червями, ни угрозѣ свирѣпыхъ бурь!— Туда взирай духъ мой въ часы унынія и скорби, и ожидай своего Искупителя. Обветшаніе, паденіе, разрушеніе твоей хижины да будетъ тебѣ знакомъ близкаго торжества.

Благодарите же, братія мои, Евангеліе за сію радостную вѣсть. Тѣ, кои не держатся сего Евангельскаго ученія, уклоняются отъ пути истины и блуждаютъ по распутіямъ. Одни изъ нихъ думаютъ, что мы предстанемъ предъ Бога совершенно ду-

ховными, другіе напрошивъ утверждаюшъ бѣдсшвенное продолженіе бышія нашего въ семъ сшихійномъ шѣлѣ. Многіе народы ничего не ожидаюшъ по смерши лучшаго, кромѣ шого, чшо имѣюшъ они въ сей жизни. Но Хрисшіанинъ, кошорый съ сердечною расположенносшію принимаешъ слова сіи: *Сѣется тлѣнное, а воскресаетъ нетлѣнное,* — знаешъ, чшо личное бышіе его, — его духъ съ собсшвенными своими силами, съ своею способносшію мышленія, съ своею волею, съ своею памяшію и сознаніемъ, — будешъ продолжашься чрезъ всю вѣчносшь, и чшо новая жизнь его, за предѣлами жизни насшоящей, будешъ гораздо возвышеннѣе, совершеннѣе; и симъ блаженнымъ знаніемъ онъ обязанъ Евангелію, кошораго чѣмъ болѣе онъ держишся, шѣмъ правильнѣе и яснѣе бываюшъ его поняшія. И шакъ сколь должно бышь оно для насъ любезно и драгоцѣнно! Оно есшь крисшалловидный пошокъ, изъ кошораго мы не шолько можемъ ушолишь жажду Богопознанія, но и въ сшруяхъ коего просіяваешъ намъ солнце и ошкрываешся берегъ лучшей, блаженной будущносши. О священная рѣка Евангелія! Я буду пишь

изъ волнъ твоихъ и жаждать твоей прозрачности, доколѣ не изсякнетъ гортань моя, не померкнетъ око мое, и я не утолю жажды моей и не открою взора моего предъ престоломъ Божіимъ!

VII.

О СТРОГОСТИ ДОЛЖНОСТЕЙ ХРИСТІАНСКИХЪ.

Въ наши времена почти вообще принято мнѣніе, что ежели человѣкъ принимаетъ въ общемъ смыслѣ истины Христіанства, и не предается постоянно какому нибудь грубому пороку въ отношеніи къ подобнымъ себѣ, то мы не имѣемъ большой причины, быть имъ недовольными, и отказывать ему въ правѣ какъ на титло Христіанина, такъ и на сопряженныя съ нимъ преимущества. Сообразно съ симъ мнѣніемъ, званіе Христіанина не налагаетъ другаго закона, кромѣ согласія съ Христіанствомъ, взятымъ въ самомъ общемъ смыслѣ, и вниманія къ нравственнымъ началамъ, нѣсколько высшимъ тѣхъ началъ, которыя требуются отъ Деиста, Музульманина или Индѣйца.

Ужели съ одною сею цѣлію Сынъ Божій благоволилъ содѣлаться нашимъ наставникомъ, *подавая намъ примѣръ, дабы мы*

шли по слѣдамъ Его? (1 Петр. 2, 21.) Ужели съ сею только цѣлію Апостолы Христовы добровольно подвергались гладу, наготѣ, страданію, поношенію, смерти? Ужели дѣятельное вліяніе Христіанства ограничено предѣлами небольшаго числа благовидныхъ качествъ? Ужели сущность его состоитъ единственно въ нѣкоторыхъ умозрительныхъ мнѣніяхъ, въ нѣкоторыхъ только догматахъ?

Нѣтъ! нравственность Евангельская не можетъ быть дѣломъ столь легкимъ. Христіанство во всѣхъ частяхъ своихъ представляетъ необоримыя доказательства Божественнаго происхожденія своего. Его начала суть столько же чисты, сколько его догматы высоки. Заповѣди, коими толико изобилуетъ слово Божіе, суть строги въ своемъ значеніи, и обширны въ своемъ пространствѣ. *Все, что вы ни дѣлаете, словомъ или дѣломъ, все дѣлайте во имя Господа Іисуса Христа.* (Кол. 3, 17.) *Будьте святы, потому что Я святъ.* (1 Петр. 1, 16.) *Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.* (Матѳ. 5, 48.)

Таковы сушь увѣщанія слова Божія. Нѣшъ сомнѣнія, что шѣ, къ которымъ обращены онѣ, не могушъ безбоязненно ограничиваться однимъ только ихъ приняшіемъ. Къ сему заключенію приводишъ насъ какъ сила выраженій, коими Св. Писаніе ознаменовываешъ Хрисшіанъ, шакъ и коренное измѣненіе, совершающееся во всякомъ человѣкѣ, который сшановишся исшиннымъ Хрисшіаниномъ. *Всякой*, говоришъ оно, *имѣющій сію надежду на* Бога, *очищаетъ себя, такъ какъ Онъ чистъ.* (1 Іоан. 3, 3.) Сверхъ шого оно возвѣщаешъ, что исшинные Хрисшіане дѣлаюшся *причастниками Божескаго естества*; (2 Петр. 1, 4.) что они сшановяшся храмомъ живущаго въ нихъ *Святаго Духа.* (1 Кор. 6, 19.) И въ чемъ сосшояшъ дѣйсшвія сего возрожденія? Въ шомъ, что они живушъ *во всякой благости, праведности и истинѣ.* (Еф. 5, 9.)

Какъ ни велики были успѣхи Св. Апостола Павла во всѣхъ добродѣшеляхъ; однако онъ говоришъ: *Я себя не почитаю достигшимъ, а только забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли.* (Фил. 3, 13.)

Онъ молится о возлюбленныхъ ученикахъ своихъ, чтобы они *были чисты, непорочны, исполнены плодовъ праведности,* (Фил. 1, 10.) чтобы жили *достойно Бога, всячески угождая* Ему, *во всякомъ дѣлѣ благомъ принося плодъ.* (Кол. 1, 10.) Одно изъ прошеній, которыя Спаситель предложилъ намъ въ образецъ молитвы, даетъ намъ право заключить, что постоянное чувствованіе сердецъ нашихъ должно состоять въ томъ, чтобы воля Божія совершалась *на земли,* какъ она совершается *на небеси.* (Матѳ. 6, 10.)

Сіи немногія мѣста Священнаго Писанія достаточны къ убѣжденію насъ въ томъ, что нравственность Христіанская есть *строга* въ своемъ предметѣ; но мы еще яснѣе усмотримъ сію истину, когда изслѣдуемъ *начала,* на коихъ основывается характеръ истиннаго Христіанина.

Истинные Христіане, будучи увѣрены, что всякой грѣшникъ получитъ отпущеніе грѣховъ своихъ на основаніи заслугъ Искупителя, ежели искренно раскается въ нихъ,

отрекаются отъ всякаго другаго владыки, и посвящаютъ себя Богу искренно и безъ изъятія. Таковъ, въ самомъ дѣлѣ, истинный образъ, ежедневно представляемый намъ крещеніемъ. Мы приносимъ дитя къ купѣли, посвящаемъ его на служеніе *истинному Владыкѣ,* и его именемъ клянемся въ вѣчной войнѣ съ врагами спасенія. Такимъ то образомъ истинные Христіане становятся непримиримыми противниками грѣха. По сему они не соглашаются ни на какіе переговоры, не допускаютъ его къ себѣ ни подъ какимъ видомъ; война, которую они ему объявили, есть всеобща, непримирима.

Сверхъ того, какъ скоро они твердо рѣшились посвятить себя безъ изъятія разумному служенію законнаго своего Владыки, то уже не принадлежатъ самимъ себѣ. Тѣлесныя и духовныя способности, естественныя и пріобрѣтенныя дарованія, благосостояніе, власть, время, вліяніе, всѣ сіи преимущества почитаютъ они такою собственностію, которая дана имъ не для угожденія самимъ себѣ, но для употребленія къ чести и славѣ Божіей. Вотъ существен-

ное побужденіе, которому они должны покорять всѣ другія. Какова бы ни была дотолѣ ихъ господствующая страсть; каково бы ни было ихъ главное занятіе, чувственное или умственное, относящееся къ знанію, вкусу, воображенію или чувствованію; оно должно уже занимать только вторичное мѣсто, и даже, говоря справедливѣе, оно должно оставаться не иначе, какъ по допущенію верховнаго занятія; оно должно находиться подъ полнымъ руководствомъ и непосредственнымъ надзоромъ сего послѣдняго.

И такъ преимущество Христіанства состоитъ въ томъ, чтобы плѣнять всѣ помышленія и приводить въ повиновеніе Христу. Тѣ, которые дѣйствительно ощущаютъ могущество Христіанства, рѣшаются жить уже *не для себя, но для Умершаго за нихъ.* (2 Кор. 5, 15.) Правда, что они чувствуютъ свою немощь; они знаютъ, что путь, на который они вступили, тѣсенъ и труденъ: но они ободряются тѣмъ обѣтованіемъ, что надѣющіеся на Господа воспріемлютъ новыя силы, и твердо рѣшаются

сообразовать всѣ свои поступки съ тѣмъ основнымъ правиломъ, что все, что Христіанинъ ни дѣлаетъ, долженъ дѣлать *во славу Божію.* (1 Кор. 10, 31.)

Посмотрите на сіе растѣніе; оно сперва не иное что есть, какъ сѣменное начало, заключающее въ своемъ нѣдрѣ, подобно какъ зародышъ въ своей оболочкѣ, основанія всѣхъ истинныхъ силъ. Его стебель кажется слабъ во время перваго возрастанія; но скоро корни его глубоко проникаютъ въ землю. Оно въ тишинѣ совершаетъ постепенные успѣхи; оно достигаетъ полной зрѣлости, не смотря на холодный и туманный климатъ, которому подвергается въ семъ мірѣ; оно возноситъ до небесъ величественную главу; оно разпростираетъ вѣтви, обремененныя обильными и драгоцѣнными плодами отрады и утѣшенія. Наконецъ, оно перенесено будетъ въ истинное отечество свое. Тамъ найдетъ оно климатъ болѣе сообразный съ его природою, и почву болѣе благопріятную для его развитій. Тамъ оно будетъ сіять неизмѣнною красотою, издавать пріятнѣй-

шее благовоніе, и вѣчно процвѣтать въ вертоградѣ Господа.

Какъ ни славна награда за труды слугъ Христовыхъ; но доколѣ они находятся на сей землѣ, дотолѣ ощущають тягость своего несовершенства, и принуждены непрестанно сознаваться, что не имѣють силы дѣлать все то, что желали бы. Не смотря на то, их *рѣшимость* непоколебима; и постоянное желаніе ихъ сердца состоитъ въ усовершенствованіи себя во всей *святости*. Множество страстей совокупно колеблетъ ихъ; они опасаются изнемочь среди тягостныхъ, но необходимыхъ трудовъ: но они не ввѣряются внутреннимъ впечатлѣніямъ, какъ бы онѣ живы ни были. Примѣръ Христа служитъ имъ образцемъ; слово Божіе служитъ правиломъ ихъ поступковъ. Они читаютъ въ семъ словѣ, что *безъ освященія никто не увидитъ Господа*, и что они постепенно обновляются по образу Божественнаго Учителя своего; и надѣются имѣть сіе преимущество только потолику, поколику у-

сматриваютъ въ себѣ возрастающіе успѣхи сего Божественнаго подобія.

Однако не одинъ только страхъ бѣдствія и желаніе счастія воодушевляетъ ихъ усилія къ достиженію святости; они любятъ ее для нея самой. Не одна только мысль о частной пользѣ своей (начало, признаться должно, низшаго рода, но которое осуждаютъ часто съ великою несправедливостію) имѣетъ вліяніе въ ихъ рѣшимость, покоряться волѣ Божіей и искать Его покровительства. Правда, что источникомъ сей мысли бываетъ глубокое и смиренное чувствованіе величества и могущества Божія, въ сравненіи съ ихъ ничтожествомъ и безсиліемъ; и сіе чувствованіе сопровождается твердымъ убѣжденіемъ, что они, какъ творенія, должны во всемъ покоряться волѣ всемогущаго Творца. Но сіи впечатлѣнія облагороживаются священнымъ удивленіемъ безконечнымъ совершенствамъ Господа; онѣ возвышаются надеждою на Его отеческое снисхожденіе и неизчерпаемое покровительство; благодарное памятованіе безчисленныхъ и непрестанно возобновляющихся благо-

дѣяній Его даетъ симъ впечатлѣніямъ новый степень живости. Вотъ любовь, которую истинный Христіанинъ имѣетъ къ Богу; любовь, которая составляется изъ удивленія и предпочтительности; любовь, которая надѣется, вѣритъ, радуется; любовь, которая поддерживается почтительнымъ страхомъ, питается непрерывною благодарностію.

Мы изъяснимся здѣсь съ осторожностію, дабы, безъ намѣренія, не уязвить сердца вѣрующаго слабо, но искренно. Изчисленныя нами основныя начала могутъ быть въ различномъ степени, въ различной соразмѣрности. Различіе въ естественныхъ расположеніяхъ, въ произшествіяхъ протекшей жизни и въ множествѣ другихъ частныхъ обстоятельствъ, можетъ быть причиною явныхъ оттѣнковъ въ господствующемъ характерѣ Христіанина. Въ одномъ, владычествуетъ душею любовь къ Богу; въ другомъ, страхъ Божій; одинъ проникнутъ упованіемъ, другой благодарностію. Но то, что они имѣютъ общаго въ низшемъ или высшемъ степени, есть сердечное признаніе величія верховна-

го Существа, есть высочайшее чувствованіе Его совершенствъ, есть живая благодарность за Его благодѣянія, есть смиренная надежда продолженія ихъ. То, что они имѣютъ общаго, есть рѣшимость посвящать себя безъ изъятія служенію и славѣ Божіей. То, что они имѣютъ общаго, есть пламенное желаніе достигнуть святости и непрестанно шествовать къ совершенству. То, что они имѣютъ общаго, есть тягостное сознаніе своего недостоинства, есть сознаніе безчисленныхъ и постоянныхъ своихъ немощей, которыя такъ часто нарушаютъ простоту ихъ намѣреній, и воспящаютъ исполненіе ихъ благоразумнѣйшихъ предпріятій.

Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся люди, которые, хотя не будутъ прямо отвергать заключеній, къ которымъ мы старались привести ихъ, но не захотятъ признать ихъ во всей строгости и всеобщности. „Заключенія сіи—скажутъ они—могутъ быть справедливы въ отношеніи къ нѣкоторымъ лицамъ высшаго степени, но онѣ не могутъ быть приложены къ обыкновеннымъ Хри-

стіанамъ; не возможно требовать, чтобы сіи послѣдніе исполнили столь трудную должность во всей ея обширности, и потому, можетъ быть, имъ позволительно прибѣгать къ нѣкоторому смягченію строгости Божественныхъ заповѣдей." Предметъ сей столько важенъ, что не льзя прейти его молчаніемъ; но дабы не сдѣлать опрометчиваго и неосновательнаго заключенія, призовемъ въ помощь Св. Писаніе.

И во первыхъ, Евангельскія заповѣди выражены самымъ общимъ образомъ. Нѣтъ въ нихъ ничего такого, что позволяло бы намъ думать, что мы свободны не наблюдать ихъ. Во вторыхъ, Евангельскія заповѣди заключаютъ въ себѣ тѣмъ болѣе доказательствъ *всеобщаго* ихъ приложенія, что онѣ основаны на обстоятельствахъ и отношеніяхъ, общихъ *всѣмъ* Христіанамъ. Христіане не принадлежатъ самимъ себѣ, ибо они куплены великою цѣною. Они предназначены жить *не для себя, но для Умершаго за нихъ.* (2 Кор. 5, 15.) Имъ повелѣвается исполнять самыя трудныя должности, дабы они могли содѣлаться *сынами Отца небеснаго.* (Матѳ. 5, 45.) И такъ только рожденные

отъ Духа могутъ войти въ царствіе Божіе, (Іоан. 3, 5.) ибо тогда только они дѣлаются сынами Божіими. И поелику они суть *сыны Божіи,* то Богъ даруетъ имъ то, что въ Писаніи называется *Духомъ усыновленія.* (Рим. 8, 15.) Сверхъ того Писаніе, дабы предупредить всякое ложное исповѣданіе Христіанства, ясно говоритъ, что *кто Духа Христова не имѣетъ, тотъ и не Его.* Однимъ словомъ, Писаніе на каждой страницѣ представляетъ всѣхъ Христіанъ *слугами и сынами* Божіими, и увѣщеваетъ ихъ служить Ему съ тою покорностію, съ тѣмъ послушаніемъ, съ тою усердною готовностію, кои суть необходимымъ слѣдствіемъ сихъ сладостныхъ отношеній.

Измѣрьте всю силу сего столь извѣстнаго мѣста: *Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею.* (Мар. 12, 30.) Сія заповѣдь часто предписывается намъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы привести въ молчаніе самыхъ любопрительныхъ мудрователей, и утвердить понятія самыхъ

легкомысленныхъ умовъ. Ибо неоспоримо, что въ сей заповѣди требуется отъ человѣка совершенное и неограниченное прилѣпленіе къ Богу. Сіе подтверждается ясно и другими мѣстами Св. Писанія. Въ однихъ, любовь къ Богу сильно внушается *всей* Христіанской Церкви; (2 Ѳес. 3, 5.) въ другихъ, укоряются въ недостаткѣ сей любви (1 Кор. 16, 22.) тѣ, которые недостойно восхищаютъ прекрасное титло Христіанъ. И такъ не станемъ обольщаться тою ложною мыслію, что только совершенное отреченіе отъ любви къ Богу достойно осужденія. Богъ не пріемлетъ любви *раздѣленной*; Онъ требуетъ *всего* сердца нашего. Іисусъ Христосъ повелѣваетъ намъ собирать сокровища на небеси, и приводитъ причину сего, говоря: *Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.* (Матѳ. 6, 21.) На семъ то началѣ основывается Писаніе, когда, говоря о какихъ нибудь частныхъ порокахъ, часто употребляетъ выраженія, означающія, что виновность оныхъ существенно состоитъ въ отвращеніи *сердца* отъ Того, который долженъ быть единственнымъ его предметомъ; и когда грѣхи, кото-

рые мы могли бы считать весьма различными въ ихъ виновности, помѣщаетъ въ одномъ и томъ же разрядѣ. Сюда относится не только предпочтительность любви, существенно порочной, которой Христіанство возвѣщаетъ открытую брань, но и предпочтительность любви законной и даже ясно предписываемой. *Любящій отца или мать болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня.* (Мат. 10, 37.) Духъ сихъ заповѣдей находится въ согласіи со многими другими заповѣдями Писанія, внушающими намъ ревность къ чести Божіей, равно какъ и съ сильнымъ выраженіемъ негодованія къ *теплымъ*, которые *ни горячи ни холодны*, (Апок. 3, 16.) и которые болѣе оскорбительны для Спасителя, нежели явные враги Его.

Мы находимъ примѣры другаго рода, ведущіе къ тойже цѣли, въ тѣхъ многочисленныхъ мѣстахъ Св. Писанія, въ которыхъ оно распространеніе славы Божіей поставляетъ величайшимъ и всеобщимъ предметомъ нашимъ, и въ которыхъ показываетъ, что честь, принадлежащая *Ему*, не должна

быть ни съ кѣмъ раздѣляема. Мѣста сіи такъ обильны въ Писаніи, что нѣтъ нужды приводить частныя указанія даже и для такихъ людей, которые имѣютъ только поверхностное познаніе слова Божія.

Представимъ сей предметъ съ новой точки зрѣнія. Всѣ, читавшіе Св. Писаніе, должны согласиться, что идолопоклонство есть такое преступленіе, на которое Богъ выражаетъ гнѣвъ свой съ наибольшею силою, и за которое возвѣщаетъ наказанія съ наибольшею строгостію. Но идолопоклонство не столько состоитъ въ преклоненіи колѣнъ предъ идоломъ, сколько въ томъ благоговѣніи сердца къ нему, сколько въ томъ чувствованіи къ нему верховной любви, почитанія и благодарности, которыя безъ исключенія принадлежатъ единому Богу. На основаніи сего, все, что отвлекаетъ сердце наше отъ любви къ Богу, все, что внушаетъ намъ преимущественное уваженіе, что занимаетъ первое мѣсто въ нашей привязанности,—все сіе не менѣе есть идолъ въ очахъ нашего разума, какъ и деревянное или каменное изображеніе твари, которому по-

кланяемся, какъ Творцу. Слугамъ Божіимъ заповѣдано не воздвигать идола въ своемъ сердцѣ; а чувственность, жадность къ богатству также называются идолопоклонствомъ. Богъ, который возвѣщаетъ, что *не дастъ славы своей другому, ни хвалы своей образамъ изсѣченнымъ*, (Ис. 42, 8.) запрещаетъ также *мудрому хвалиться своею мудростію, сильному своею силою, и богатому своимъ богатствомъ*. (Іер. 9, 23.) Онъ хочетъ, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Нимъ, но чтобы *хвалящійся хвалился о Господѣ*. (Іер. 9, 23.) Скорое мщеніе, совершенное надъ Иродомъ, въ наказаніе его суетной славы, пышности, и гордаго самодовольства, съ каковымъ онъ принималъ рабскія ласкательства удивляющейся ему толпы, и не воздавалъ славы Богу, служитъ страшнымъ подтвержденіемъ сей строгой заповѣди.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ:

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

при Санктпетербургской Духовной Академіи будетъ продолжаться и въ слѣдующемъ 1825 году.

Въ началѣ каждаго мѣсяца, по прежнему, будетъ выходить книжка, содержащая въ себѣ отъ 7 до 8 печатныхъ листовъ, на чистой бумагѣ.

Цѣлію сего изданія полагаются Христіанское просвѣщеніе и Христіанская жизнь.

Въ составъ онаго будутъ входить тѣже предметы:

1) *Писанія Св. Отцевъ:* изъ нихъ будутъ представляемы на Рускомъ нарѣчіи или цѣлыя сочиненія, или отрывки, по содержанію своему способныя питать не только умъ, но въ тоже время и сердце.

2) *Изысканія и разсужденія касательно Христіанской Религіи,* именно: о ея существѣ, божественности, благотворности и основаніи, т. е. книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта во всѣхъ отношеніяхъ.

3) *Христіанское ученіе,* или изъясненіе предметовъ Христіанскаго просвѣщенія и правилъ Христіанской жизни.

4) *Церковное Краснорѣчіе,* какъ то духовныя назидательныя слова и бесѣды.

5) *Духовная Исторія*, какъ то: жизнеописанія Святыхъ, также достопримѣчательныя обращенія къ Богу и пути Провидѣнія въ жизни нѣкоторыхъ людей въ новѣйшія времена, и проч.

6) *Назидательныя размышленія* о различныхъ предметахъ, или на нѣкоторые опредѣленные случаи.

7) *Христіанская Библіографія*, отечественная и внѣшняя.

Не въ каждой впрочемъ книжкѣ будутъ представляться всѣ означенные здѣсь предметы, и не всегда въ порядкѣ здѣсь показанномъ; принято однакожъ правиломъ, чтобы каждая книжка начиналась статьею изъ писаній Св. Отцевъ, или жизнеописаніемъ Святаго.

Все изданіе будетъ расположено такъ, что три книжки составятъ одну часть, для которой на концѣ припечатанъ будетъ общій указатель статей, во всѣхъ трехъ книжкахъ заключающихся.

Цѣна за изданіе во весь годъ, или 12 книжекъ, полагается прежняя, т. е. здѣсь въ С. Петербургѣ 20 руб., а съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 25 руб.

Подписка принимается въ Правленіи Санктпетербургской Духовной Академіи, въ книжныхъ лавкахъ Свѣшникова, Заикина и Плавильщикова, въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтампта и во всѣхъ вообще Духовныхъ Училищныхъ Правленіяхъ.

За доставленіе на домъ здѣсь въ С. Петербургѣ прилагается 3 рубля въ годъ.

VIII.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ СИНАЙСКАГО

Весьма полезныя главы о разныхъ духовныхъ предметахъ.

(Продолженіе.)

111. Начало духовной молитвы есть дѣйствіе, или сила Духа очистительная, и таинственное священнодѣйствіе ума: такъ какъ начало покоя есть упраздненіе. Средина — сила просвѣтительная и созерцаніе. Конецъ — изступленіе и восхищеніе ума къ Богу.

112. Духовное святилище есть, прежде будущаго превосходящаго умъ наслажденія, духовное дѣйствіе ума, таинственно на жертвенникѣ души священнодѣйствующаго и причащающагося Агнца въ залогъ соединенія съ Богомъ. Снѣдать же Агнца Божія на умственномъ жертвенникѣ души не значитъ только разумѣть или быть причастнымъ

Ему, но быть какъ бы самому Агнцемъ, по принятіи будущагѡ образа. Ибо мы здѣсь имѣемъ буквы таинствъ; а тамъ надѣемся получить существо оныхъ.

113. Молитва начинающихъ есть какъ бы огнь веселія, отъ сердца исходящій. Молитва же совершенныхъ, какъ свѣтъ, изливающій благоуханіе. Или также: Молитва есть проповѣданіе Апостоловъ, дѣйствіе вѣры, или лучше, непосредственная вѣра, осуществленіе надежды, явленіе любви, Ангельское движеніе, сила безплотныхъ, занятіе и веселіе ихъ, Евангеліе Божіе, удостовѣреніе сердца, надежда спасенія, признакъ освященія, доказательство святости, познаніе Бога, явленіе крещенія, баня очищенія, залогъ Духа Святаго, радость Іисуса, веселіе души, милосердіе Божіе, знакъ примиренія, печать Христова, лучь умнаго солнца, заря сердецъ, утвержденіе Христіанства, явленіе примиренія Божія, Божія благодать, Божія премудрость, или лучше, начало самой премудрости, занятіе монаховъ, жизнь безмолвниковъ, причина покоя, свидѣтельство Ангельской жизни. И нужно ли еще говорить бо-

лѣе? Молитва есть Богъ, производящій все во всѣхъ. Ибо кто производитъ все во Христѣ Іисусѣ, тотъ одну имѣетъ силу съ Отцемъ, Сыномъ и Духомъ Святымъ.

114. Естьли бы Моисей не получилъ отъ Бога жезла силы; то не былъ бы Богомъ Фараона, и не поразилъ бы его и Египетъ; такъ и умъ естьли не будетъ имѣть въ рукахъ силы молитвы; то не возможетъ сокрушить грѣха и враждебныхъ себѣ силъ.

115. Говорящіе или дѣлающіе что либо безъ смиренія подобны строющему домъ зимою, или безъ извести. Но весьма немногіе разумомъ и опытомъ познаютъ и находятъ его. Изъясняющіе его словомъ подобны измѣряющимъ бездну. Мы слѣпые, младенчески мечтая нѣсколько о семъ великомъ свѣтѣ, говоримъ: смиреніе собственно не требуетъ ни смиренія въ славѣ, ни смиренія въ видѣ, ни въ мысляхъ, ни обвиняетъ себя смиренный, хотя все сіе суть пособія и образы смиренія, такъ какъ бы различныя его свойства. Но оно есть благодать и даръ свыше. Два предмета, какъ говорятъ Отцы;

составляютъ смиреніе. Одинъ состоитъ въ томъ, чтобы почитать себя ниже всѣхъ, другій въ томъ, чтобы приписывать Богу свои успѣхи. Первое есть начало, послѣднее конецъ смиренія. Ищущіе его должны имѣть въ разумѣ и думать въ себѣ, что они грѣшнѣе всѣхъ человѣковъ, гнуснѣе всѣхъ тварей, какъ враги природы; достойны сожалѣнія болѣе демоновъ, какъ рабы ихъ. И такимъ образомъ должны говорить: почему я вѣрно знаю грѣхи другихъ людей, какіе они и сколь велики? Превосходятъ ли, или равны моимъ грѣхамъ? А естьли не знаемъ, о душа! то мы ниже всѣхъ человѣковъ, какъ земля и прахъ подъ ногами ихъ. Какъ не почитать себя и худшимъ всѣхъ тварей, когда онѣ находятся въ предѣлахъ своей природы, какъ и были, а я безмѣрными беззаконіями своими преступилъ ихъ. По истинѣ и звѣри и скоты чище меня грѣшнаго, и я ниже всѣхъ; ибо во адъ и прежде смерти низверженъ лежу. Кто не чувствуетъ, что грѣшникъ хуже и демоновъ, какъ рабъ и угодникъ ихъ, уже съ сего времени низверженный съ ними во тьму. По истинѣ хуже и демоновъ тотъ, кѣмъ они обла-

дающъ. По сему съ ними и бездну наслѣдовалъ несчастный! Имѣя жилищемъ, еще прежде смерти, землю, адъ и бездну, какъ ты обманываешь себя? Какъ называешь себя праведнымъ, будучи по злымъ дѣламъ своимъ грѣшнымъ, сквернымъ, демономъ? Ахъ! сколь велико твое прельщеніе и заблужденіе, поклонникъ демонскій, песъ нечистый, въ огонь и тьму за сіе посылаемый!

116. Духовная премудрость, по ученію Богослововъ, есть сила умной, чистой и Аигельской молитвы, знакомъ коея служитъ то, естьли умъ молящагося бываетъ совершенно отрѣшенъ отъ видовъ, не смотритъ ни на себя, ни на другое что грубымъ окомъ; естьли и чувства часто онымъ свѣтомъ укрощаются. Ибо умъ, соединяясь тогда неизреченно въ одинъ духъ съ Богомъ, бываетъ отрѣшенъ отъ вещества и свѣтовидѣнъ.

117. Пять различныхъ способовъ, которые руководствуютъ и приводятъ насъ къ сему Богоблагодатному смиренію. Другъ друга они составляютъ и раждаютъ. Молчаніе, смиреніе въ мысляхъ, въ словахъ, въ одеж-

дѣ, обвиненіе самаго себя, сокрушеніе, униниженіе себя предъ всѣми. Молчаніе въ разумѣ раждаетъ смиренномудріе; отъ смиренномудрія раждаются три вида смиренія: смиреніе въ словѣ, смиреніе и нищета въ одеждѣ, и всегдашнее самаго себя обвиненіе. Сіи же три вида раждаютъ сокрушеніе, къ которому располагаютъ попущаемыя на насъ искушенія, и которое называется иначе ученіемъ премудраго Промысла и смиреніемъ отъ бѣсовъ. Сокрушеніе легко самымъ дѣломъ заставляетъ душу почитать себя ниже всѣхъ, и изъ всѣхъ послѣднею, какъ всѣмъ раболѣпствующею. Сіи же два вида приносятъ совершенное и Богоблагодатное смиреніе, которое называютъ силою, совершенствомъ всѣхъ добродѣтелей, и оно—то приписываетъ Богу успѣхъ свой. И такъ первое изъ всѣхъ есть молчаніе, отъ котораго раждается смиренномудріе; а сіе раждаетъ три вида смиренія; сіи же три раждаютъ одинъ видъ сокрушенія, отъ котораго раждается седьмый преимущественный предъ всѣми видъ глубочайшаго смиренія, называемый промыслительнымъ смиреніемъ. Онъ влечетъ съ собою Богоблагодатное, со-

вершенное, существенное и истинное смиреніе. Первое бываетъ въ такомъ случаѣ, естьли человѣкъ, порабощенный всякой страсти и помыслу, еще не оставленъ до того, чтобы они его побѣдили и возобладали имъ, однакожъ побѣждается въ духѣ, не находитъ помощи ни въ дѣлахъ своихъ, ни въ Богѣ, совершенно ни въ чемъ, такъ что почти долженъ притти въ отчаяніе, и угнѣтаемый отвсюду не можетъ ощутить сокрушенія, и признать себя ниже всѣхъ, послѣднимъ и рабомъ всѣхъ, худшимъ самыхъ демоновъ, какъ своихъ мучителей и побѣдителей. Таково промыслительное смиреніе, за которымъ ниспосылается свыше другое и высокое, которое есть Божественная, всѣдѣйствующая и всетворящая сила, всегдашній органъ видѣнія Бога, орудіе произведенія чудесъ Божіихъ.

118. Ипостаснаго духовнаго видѣнія свѣта, ума постояннаго и немечтательнаго, истиннаго дѣйствія молитвы, отъ сердца непрестанно истекающей, возстанія и возвышенія души, Божественнаго изумленія и воспаренія надъ всѣмъ, совершеннаго въ ду-

хѣ изступленія разума отъ чувствъ, восхищенія ума отъ своихъ силъ, Ангельскаго движенія души, устремляемаго Богомъ къ выспреннему и безконечному, не возможно обрѣсти въ родѣ нашемъ, въ которомъ отъ множества искушеній царствуютъ нынѣ жестокія страсти. Ибо умъ обыкновенно мечтаетъ болѣе о маловажныхъ предметахъ, а о сихъ прежде времени. Такимъ образомъ, погубивъ дарованное ему Богомъ и малое къ онымъ расположеніе, бываетъ мертвъ во всемъ. По сему надобно съ великою разборчивостію искать и временнаго не прежде времени, не бросать того, что въ рукахъ, и мечтать о постороннемъ. Ибо умъ по естеству своему легко можетъ мечтать о вышесказанномъ и воображать себѣ то, чего еще не достигъ. По сему немалый предлежитъ страхъ, чтобы не лишиться ему и того, что даровано, чтобы, предавшись обману, не потерять своего смысла, сдѣлавшись мечтателемъ, а не безмолвникомъ.

119. Благодать есть не только вѣра, но и совершенная молитва. Ибо, будучи совершаема духомъ любви, она показываетъ истин-

ную вѣру, содержащую въ себѣ жизнь Іисусову. И такъ кто не ощущаетъ въ себѣ дѣйствія вѣры, тотъ имѣетъ противную вѣру, мертвую и безжизненную. Но и вѣрнымъ тотъ по истинѣ не называется, кто вѣритъ одними только словами, а не показываетъ ее въ исполненіи заповѣдей, или въ духѣ. И такъ надлежитъ показывать ее преуспѣваніемъ въ дѣлахъ, или открывать во свѣтѣ дѣлъ и имѣть ее сіящею, какъ говоритъ Божественный Апостолъ: *Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою.* (Іак. 2, 12.) Чрезъ сіе онъ показываетъ, что изъ дѣлъ, сообразныхъ съ заповѣдями, открывается благодатная вѣра, такъ какъ заповѣди совершаются и сіяютъ благодатною вѣрою. Ибо вѣра есть корень заповѣдей; или лучше, источникъ напаяющій ихъ и возращающій. Раздѣляется на два вида: на исповѣданіе и благодать. Впрочемъ по естеству своему нераздѣльна.

120. Малая, коротокая и вмѣстѣ великая лѣствица, ведущая къ совершенству подвижниковъ послушанія, имѣетъ пять степеней:

первый отверженіе, второй покорность, третій послушаніе, четвертый смиреніе, пятый любовь, которая есть Богъ. Отверженіе изводитъ изъ ада лежащаго въономъ, и освобождаетъ отъ вещества порабощеннаго оному; покорность пріобрѣтаетъ Христа и Ему служитъ, какъ Онъ Самъ говоритъ: *Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ; и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ.* (Іоан. 12, 26.) А гдѣ Христосъ? Онъ сѣдитъ одесную Отца. Слѣдовательно тамъ долженъ быть и слуга, гдѣ Тотъ, которому онъ служитъ, который полагаетъ ногу его на возхожденіе; или и прежде возшествія сими средствами, онъ восходитъ со Христомъ. Послушаніе, непрестанно оказываемое заповѣдямъ, составляетъ лѣствицу изъ различныхъ добродѣтелей, и оныя, какъ ступени, полагаетъ въ душѣ. Отъ сего раждается въ ней высокое смиреніе, которое возноситъ ее на высоту неба, предаетъ царицѣ добродѣтелей—любви, и приведши ко Христу, поставляетъ ее предъ Нимъ. Такимъ образомъ сею краткою лѣствицею истинно повинующійся легко восходитъ на небо.

121. Нѣтъ другаго кратчайшаго пути къ вышнимъ чертогамъ по малой лѣствицѣ добродѣтелей, какъ умерщвленіе пяти противоположныхъ послушанію страстей, то есть, преслушанія, прошиворѣчія, самоугодія, самооправдыванія и пагубнаго надменія. Ибо сіи суть члены и части необузданнаго демона, поглощающаго не истинно преданныхъ послушанію и низвергающаго ихъ въ бездну къ змію. Такъ преслушаніе есть уста ада; прошиворѣчіе острый, какъ мечь, языкъ онаго; самоугодіе суть изощренные его зубы; самооправдываніе грудь его; дыханіе всепожирающаго чрева его надменіе препровождающее въ адъ. Кто послушаніемъ побѣждаетъ первое, тотъ вмѣстѣ съ симъ отсѣкаетъ все прочее, и быстро восходитъ на небеса сею одною степенію. Неизреченное и непостижимое по истинѣ чудо, сотворенное человѣколюбцемъ нашимъ Господомъ, что одною добродѣтелію, или лучше, одною заповѣдію немедленно восходимъ на небеса, такъ какъ и однимъ преслушаніемъ низошли и нисходимъ въ адъ.

122. Человѣкъ есть какъ бы другій двой-

ственный міръ, и называется новымъ по словамъ Божественнаго Апостола: *Аще кто во Христѣ, нова тварь.* (2 Кор. 5, 17.) Ибо относительно къ добродѣтели онъ называется и бываетъ и небомъ и землею и всѣмъ, что міръ содержитъ въ себѣ. *Для* него, какъ говоритъ Богословъ, все говорится и всякое совершается таинство. И поелику *наша брань,* говоритъ Апостолъ, *не противу крови и плоти, но противъ началъ и властей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ:* (Еф. 6, 12.) то и въ природѣ душевныхъ нашихъ силъ, какъ въ другомъ великомъ мірѣ, должны быть тайные намъ противники. И дѣйствительно противу трехъ силъ востаютъ три князя и ополчаются на подвижниковъ, и кто въ чемъ успѣваетъ, кто въ чемъ упражняется, на то они и нападаютъ. Змій— князь бездны, поелику употребляетъ силу свою противъ чреслъ похоти, ополчается на тѣхъ, которые наблюдаютъ за своимъ сердцемъ. Рукою исполина сладострастнаго забвенія онъ мещетъ въ нихъ палящія стрѣлы; моремъ и бездною имѣя похоть, входитъ въ нее, пресмыкается, возмущаетъ,

пѣнитъ, распаляетъ ее и разжизаетъ къ соитію, потоками сладострастныхъ удовольствій наводняетъ ее, но не насыщаетъ ненасытную. Князь міра сего востаетъ на тѣхъ, которые проходятъ поприще дѣятельной добродѣтели; ибо онъ имѣетъ брань противъ раздражительной части, и силою исполина безпечности, всѣми прелестями страстей, ведетъ въ ней, какъ бы въ другомъ мірѣ, брань, или на позорищѣ и поприщѣ духовную борьбу, побѣждаетъ мужественно ему всегда противоборствующихъ, или побѣждается отъ нихъ, доставляетъ имъ славу или безчестіе предъ Ангелами, вооружаетъ противу насъ свои силы и непрестанно съ нами сражается. Князь воздуха нападаетъ на тѣхъ, которые умъ свой занимаютъ созерцаніемъ, представляя имъ мечты; поелику съ злыми воздушными духами онъ близокъ къ мыслительной и умственной части. Помощію исполина невѣдѣнія возмущая помрачаетъ высокій умъ, какъ другое—мысленное небо; и ложно представляя мечтательные и мрачные виды и превращенія духовъ, въ молніяхъ, громахъ, бурѣ и шумѣ, наводитъ страхъ. Всякъ своему противится, то есть,

при тремъ силамъ души. И съ чѣмъ кто въ сраженіи, противъ того и подвизается.

123. Нѣкогда были и они умами; но, потерявъ свою невещественность и тонкость, каждый впалъ въ нѣкую вещественную грубость, втѣлесился по тому порядку, въ которомъ дѣйствовалъ, или по свойству того дѣйствія, которымъ окачествовался. Ибо и они, какъ человѣкъ, потерявъ Ангельское наслажденіе, лишившись Божественныхъ утѣхъ, должны, подобно намъ, наслаждаться прахомъ; ибо отъ вліянія вещественныхъ страстей и сами стали нѣкоторымъ образомъ вещественны. И неудивительно. Поелику и наша душа создана по образу Божію мыслящею и разумною; но, когда забыла Бога, предалась наслажденіямъ вещественнымъ, тогда сдѣлалась скотскою, безчувственною и почти безумною. Ибо навыкъ можетъ преобразовать природу, и дѣйствіе перемѣнять въ намѣреніе. Одни изъ оныхъ духовъ вещественны, жестоки, необузданны, яростны, неукротимы и, какъ плотоядные звѣри, алчны къ вещественному наслажденію; какъ кровожадные псы пріятною для себя почи-

шаютъ пищею смердящіе трупы; плоть ихъ, наслажденіе и жилище грубы и вещественны. Другіе сладострастны и привержены къ похоти, какъ піявицы, жабы и змѣи къ водѣ, иногда превращаются и въ рыбъ, и находятъ удовольствіе погружаться въ сланой водѣ сладострастія; плаваютъ въ морѣ піянства; будучи по естеству своему похотливы, играютъ въ блатѣ безумныхъ удовольствій и непрестанно возбуждаютъ въ душѣ волны помысловъ и бури сквернъ. Иные легки и тонки, такъ какъ духи воздушные; они развлекаютъ взоръ души, производя бурные вѣтры и представляя мечты; иногда, чтобы прельстить душу, принимаютъ видъ птицъ и Ангеловъ; въ памяти представляя виды извѣстныхъ какихъ нибудь предметовъ, преобразуютъ и превращаютъ всякое духовное созерцаніе, особенно въ подвижникахъ, еще недостигшихъ чистоты и духовнаго разсужденія. Ибо нѣтъ духовной вещи, въ видѣ коей они тайно не представлялись бы вображенію. И вооружаются они, смотря по состоянію и по мѣрѣ успѣха; вмѣсто истины представляютъ обманъ, вмѣсто созерцанія мечту. Свидѣтельствуетъ о семъ

Писаніе, когда упоминаетъ о звѣряхъ полевыхъ, птицахъ небесныхъ и пресмыкающихся по земли, означая симъ злыхъ духовъ.

124. Возбужденіе страстей и востающая противъ души брань плоти бываетъ въ насъ пятью образами. Иногда плоть во зло употребляетъ существа, иногда напрягается къ дѣйствіямъ неестественнымъ, такъ какъ естественнымъ, иногда и демоны, по тѣсному съ ними ея содружеству, вооружаютъ ее противъ души; иногда сама собою безчинствуетъ, поелику окачествована страстями. Послѣ всего бываетъ брань и отъ зависти демоновъ, которымъ попускаетъ Богъ, для возбужденія въ насъ смиренія противиться намъ, когда во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ не успѣютъ.

125. Главныхъ же причинъ брани три, которыя приходятъ къ намъ отъ всего и чрезъ все: навыкъ, злоупотребленіе вещей и попускаемая Богомъ зависть и брань демоновъ. Что касается до вожделѣній и возстанія плоти противъ души, и души противъ плоти; то, по мѣрѣ своего навыка и

силы, одинаковымъ образомъ дѣйствуютъ и тѣлесныя страсти противъ душевныхъ и душевныя противъ тѣлесныхъ. Самъ врагъ, какъ безстыдный, иногда безразсудно и безвинно дерзаетъ сражаться противу насъ. Не позволяй же, другъ, кровожадной піявицѣ высасывать кровь изъ жилъ своихъ, да не изблюетъ она ее когда либо; не давай и персти змію въ сытость, и безъ труда поперешь силу льва и змія. Воздыхай, доколѣ совлекшись не облечешься прилично вышнему жилищу, въ образъ создавшаго тебя по образу своему Іисуса Христа.

126. Зависть собственно укореняется въ тѣхъ, которые, въ самой вещи будучи плоть и предавшись самолюбію, не престаютъ служить удовольствіямъ и тщеславію. Они, изсыхая отъ сей зависти, огорчаясь благополучіемъ ближняго, почитаютъ добрыя его дѣла за злыя, и, будучи порожденіемъ обмана, духовныхъ вещей не принимаютъ и не вѣруютъ, и по маловѣрію своему не могутъ видѣть или знать Бога. Таковые за слѣпоту свою и маловѣріе дѣйствительно тамъ услышатъ: *Не вѣмъ васъ.* (Мат. 25, 12.)

Ибо вѣрный, слыша на вопросъ свой то, чего не зналъ, долженъ вѣрить, или познавать то, чему вѣруетъ, или учить тому, что позналъ, и безъ зависти умножать таланты въ тѣхъ, которые искренно пріемлютъ его. Естьли же кто не вѣруетъ тому, чего не знаетъ, уничижаетъ то, чего не постигаетъ и учитъ тому, чего не разумѣетъ, поносяя тѣхъ, которые учатъ сему самымъ дѣломъ: то участь того конечно подобна будетъ участи тѣхъ, которые имѣютъ наградою горькую желчь.

127. Ораторъ, по разуму истинно мудрыхъ, есть тотъ, который, имѣя общее познаніе о вещахъ, въ совокупности взятыхъ, какъ одно тѣло раздѣляетъ ихъ и соединяетъ, а чрезъ то показываетъ, что онѣ въ равной мѣрѣ имѣютъ различіе и тождество; или который по справедливости называется основательнымъ. Или также, Ораторъ истинно духовный есть тотъ, который раздѣленныя, непремѣнныя, общія пять свойствъ вещей, которыя воплотившееся Слово соединило, раздѣляетъ и соединяетъ вразумительнымъ словомъ членораз-

дѣльнаго голоса; ибо Ораторъ понимаетъ все, и не однимъ токмо словомъ, по выраженію внѣшнихъ учителей, изъясняетъ ихъ другимъ, но можетъ просвѣтить и являемыми ему въ духѣ созерцаніями. Истинный Философъ есть тотъ, который отъ вещей можетъ познавать причину ихъ, или отъ причины самыя вещи, по непостижимому для ума единству и непосредственной вѣрѣ; — который не только знаетъ, но и обладаетъ Божественнымъ. Или также, Философъ настоящій есть тотъ, который имѣетъ дѣятельный, созерцательный и покорный умъ. Совершенно же Философскій умъ имѣетъ тотъ, кто знаетъ нравственную, естественную и Божественную Философію, а особенно, кто имѣетъ любовь къ Богу, и изъ нравственной Философіи наученъ Богомъ дѣламъ, изъ естественной вещамъ, изъ Божественной созерцанію и чистымъ догматамъ. Далѣе, изъ Божественныхъ Божественный Ораторъ есть тотъ, который истинно существующія вещи раздѣляетъ отъ существующихъ или несуществующихъ; оныхъ свойства изъ сихъ изъясняетъ и видитъ ихъ чрезъ Божественное вдохновеніе,—

*

который о мірѣ умственномъ и невидимомъ судитъ по чувственному и видимому, а о чувственномъ и видимомъ по невидимому и чувствамъ неподлежащему. Ибо видимый міръ есть образъ невидимаго, а невидимый первоночальный образецъ видимаго. Представлены намъ, говоритъ нѣкто, образы необразныхъ и виды безвидныхъ, дабы чрезъ оный міръ образовъ сей необразный, и чрезъ сей оный открылся духовно; чтобы мы ясно могли видѣть ихъ одинъ въ другомъ и изъяснять ихъ словомъ истины, не изображая отвлеченными и иносказательными словами ясное, какъ солнце, познаніе истины, но посредствомъ духовнаго вѣдѣнія и силы съ величайшею выразительностію изъясняя и показывая истинныя свойства обоихъ міровъ. Ибо одинъ служитъ намъ путеводителемъ; другій вѣчнымъ домомъ Божіимъ, для насъ, очевидно, устроеннымъ. Божественный Философъ есть тотъ, который дѣятельностію и созерцаніемъ непосредственно соединился съ Богомъ и сталъ Ему другомъ и называется таковымъ; поелику возлюбилъ первую, творческую, истинную премудрость, и возлюбилъ ее преимущественно предъ вся-

кою другою премудростію и познаніемъ. Филологъ — не истинный Философъ (хотя слава тайно, какъ говоритъ великій Григорій, присвояетъ ему имя Философа) есть тотъ, который любитъ и испытуетъ творческую премудрость Божію въ ея дѣйствіяхъ; но не для похвалы и славы человѣческой упражняется въ семъ любомудріи, дабы не быть любителемъ вещества и естествоиспытательной премудрости Божіей. Богословъ есть тотъ, который наученъ въ царствѣ Божіемъ, — всякъ тотъ, кто дѣятельно упражняется въ созерцаніи Бога и постоянно пребываетъ въ покоѣ; кто износитъ изъ сокровища сердца своего новыя и ветхія таинства, то есть, Евангельскія и Пророческія, или новозавѣтныя и ветхозавѣтныя, или поучительныя и дѣятельныя, Законныя и Апостольскія. Ибо сіи и суть тѣ новыя и ветхія таинства, которыя дѣятельный Богословъ открываетъ, познавши ихъ чрезъ Богоугодную жизнь. Всякъ дѣятельный Богословъ упражняется и въ тѣлесной дѣятельности. Божественный Ораторъ есть тотъ, который естественно занимаетъ средину между познаніями и свой-

ствами вещей и все доказываетъ духовно раздѣлительною силою слова. Истинный же Философъ тотъ, который извѣстно и непосредственно имѣетъ сверхъестественное соединенiе съ Богомъ.

128. Тѣ, которые безъ Духа пишутъ и говорятъ и хотятъ созидать Церковь, суть *душевни*, какъ говоритъ Божественный Апостолъ, *духа не имуще*. (Iуд. 1, 19.) Таковые подлежатъ проклятiю, по словамъ Пророка: *Горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни*. (Иса. 5, 21.) Ибо говорятъ они отъ себя, а не Духъ Божiй глаголетъ въ нихъ, по слову Господню. А тѣ, которые, не достигши чистоты, говорятъ по побужденiю собственныхъ помысловъ, прельщены духомъ надменiя. О семъ говоритъ притча: *Видѣхъ мужа непщевавша себе мудра быти, упованiе же имать безумный паче его*. (Притч. 26, 12.) Также, *не бывайте мудри о себѣ*, (Рим. 12, 16.) Премудрость намъ заповѣдуетъ. И самъ исполненный Духа Божественный Апостолъ признается, говоря: *Не довольны есмы помыслити что отъ себе, яко отъ себе, но да-*

вольство наше отъ Бога. (2 Кор. 3, 5.) И также, *но яко отъ Бога, предъ Богомъ, о Христѣ глаголемъ.* (12, 19.) Слова таковыхъ непріятны и несвѣтлы; ибо не изъ живаго источника Духа они ихъ заимствуютъ, но отъ тинистаго болота сердца, въ которомъ имѣютъ пищу себѣ піявицы и змѣи и жабы похотей, киченія и невоздержанія; отъ чего и вода разума ихъ смрадна, мутна, и тепла, и въ піющихъ ее производитъ болѣзнь, смрадъ и блевотину.

129. Тѣло Христово *мы есмы,* говоритъ Божественный Апостолъ, *и уди отъ части.* (1 Кор. 12, 27.) И еще: *Едино тѣло есте и единъ духъ, якоже и звани бысте.* (Ефес. 4, 4.) Ибо какъ *тѣло безъ духа мертво* (Іак. 2, 26.) и безчувственно; такъ послѣ крещенія умершій въ страстяхъ чрезъ пренебреженіе заповѣдей бываетъ бездѣйственъ и непросвѣщенъ Духомъ Святымъ и благодатію Христовою. Хотя имѣетъ Духа по силѣ вѣры и возрожденія, но сей не дѣйствуетъ въ немъ и не живитъ его по причинѣ душевнаго умерщвленія. Какъ душа, будучи одна, а члены тѣла многочисленны,

всѣхъ ихъ содержитъ, даетъ движеніе и жизнь, которые оную пріемлютъ, а тѣ, которые отъ случившейся какой нибудь болѣзни изсохли, стали какъ бы мертвы и неподвижны, носитъ собою, только безжизненные и безчувственые: такъ весь во всѣхъ членахъ Христовыхъ несмѣшанно дѣйствуетъ Духъ Христовъ и животворитъ тѣ, которые могутъ быть причастны жизни, но и немощные по человѣколюбію своему, какъ свои, содержитъ. По сему всякъ вѣрный причастенъ по вѣрѣ духовнаго усыновленія, но бываетъ бездѣйственъ и непросвѣщенъ, лишившись свѣта и жизни Іисусовой по нерадѣнію и невѣрію. Ибо всякій вѣрный есть членъ Христовъ, и имѣетъ Духа Христова; но не всякій членъ дѣйствителенъ, жизненъ и способенъ къ причастію благодати.

130. Главныхъ созерцаній считаемъ мы восемь: первое созерцаніе Бога, безвиднаго, несозданнаго, причины всего, Троичной Единицы и пресущественнаго Божества; второе—созерцаніе чина и состоянія умныхъ силъ; третіе—существа вещей; четвертое созерцаніе сошествія благопромыслительна-

го Слова; пятое—всеобщаго воскресенія; шестое—страшнаго и втораго пришествія Христова; седьмое—вѣчнаго мученія; осьмое—небеснаго царствія. Четыре созерцанія относятся къ предметамъ бывшимъ и прошедшимъ; а четыре къ будущимъ и еще неоткрывшимся. Имѣютъ ихъ и бываютъ онѣ ясны для тѣхъ, которые пріобрѣли помощію благодати большую чистоту ума. Естьли же кто приступитъ къ нимъ, не имѣя свѣта; тотъ не будетъ имѣть созерцаній, но однѣ мечты, въ мечтательномъ духѣ представляющіяся, и онымъ представляемыя.

131. Теперь, по возможности, нужно сказать и о прельщеніи; ибо оно для многихъ, по хитрымъ и многообразнымъ своимъ ковамъ, непримѣтно и почти непостижимо. Является, или лучше, случается оно, говорятъ, двоякимъ образомъ: по отношенію къ воображенію и дѣйствію, хотя началомъ и причиною имѣетъ одну гордость. Первый образъ прельщенія служитъ началомъ второму, а вторый третьему, бывающему въ изступленіи. Ибо начало мечтательнаго видѣнія есть надменіе, которое заставляетъ

представлять Божественное въ какомъ нибудь видѣ и отъ котораго происходитъ прельщеніе въ воображеніе, ведущее въ заблужденіе; отсюда раждается Богохуленіе, а съ сими, дѣйствующее въ воображеніи, прельщеніе раждаетъ нелѣпыми мечтами страхъ наяву и вострѣ. Его называютъ трепетомъ и смущеніемъ души. Такимъ образомъ за гордостію слѣдуетъ прельщеніе, за прельщеніемъ Богохуленіе, за Богохуленіемъ страхъ, за страхомъ трепетъ, а за трепетомъ изступленіе ума. Сей есть первый образъ прельщенія, разсматриваемаго въ отношеніи къ воображенію; второй, по отношенію къ дѣйствію, есть слѣдующій: началомъ ему служитъ сладострастіе, раждающееся отъ естественнаго вожделѣнія. Ибо отъ сладострастія раждается стремленіе къ неизреченнымъ нечистотамъ. А раздраживъ всю природу, возмутивъ умъ видопредставленіями, оно приводитъ его въ изступленіе; упоеніемъ разжигающаго дѣйствія умудряетъ его и заставляетъ произносить ложныя пророчества, то есть, влагая пророчества и представляя, какъ бы свои откровенія, видѣнія нѣкоторыхъ Святыхъ, заставляетъ

его въ упоеніи нечистой страсти перемѣнить слова ихъ и духъ на демонскія. Таковыхъ водимые въ мірѣ коварнымъ прельщеніемъ называютъ душенками, имѣющими мѣсто и пребываніе въ храмахъ нѣкоторыхъ Святыхъ. Но поелику обладаютъ ими нечистые духи и отъ сихъ самыхъ они одержимы и мучимы, и чрезъ сихъ они людямъ что нибудь возвѣщаютъ: то ихъ собственно должно называть бѣснующимися, заблудшими и рабами прельщенія, а не Пророками и предсказывающими настоящее и будущее. Ибо самъ демонъ невоздержанія, сладострастнымъ огнемъ помрачивъ умъ ихъ, приводитъ его въ изступленіе, представляя имъ какихъ нибудь Святыхъ и показывая ихъ собесѣдованія и зрѣлища. Иногда оные демоны и сами являются, дабы привести ихъ въ страхъ. Веліаръ, отягчивъ ихъ игомъ своимъ, принуждаетъ ихъ къ дѣйствительному прельщенію, дабы, имѣя ихъ себѣ преданными и рабами до смерти, подвергнуть мученію.

132. Надобно знать, что прельщеніе имѣетъ три главныя причины, по которымъ дѣйствуетъ въ людяхъ: гордость, зависть

демоновъ и исправительное попущеніе. Причины же сихъ: гордости—легкомысліе, зависти—преуспѣваніе, исправительнаго попущенія—грѣховная жизнь. Отъ зависти и одного надменія скоро человѣкъ исцѣлиться можетъ, особенно естьли смирится. Что же касается до преданія его сатанѣ въ наказаніе за грѣхъ, то сему часто Богъ, чрезъ свое оставленіе его, попускаетъ продолжаться до самой смерти. Иногда, для полученія спасенія, попускаетъ мучиться и невиннымъ. Надобно знать, что и самъ демонъ надменія говоритъ въ тѣхъ, которые не прилѣжно вникаютъ въ свое сердце.

133. Въ обновленіи всѣ благочестивые священники и цари помазуются истиною, такъ какъ и древніе нѣкогда по прообразованію. Ибо они были образами нашей истины. Не отчасти означали насъ, но всѣ они всѣхъ насъ. Ибо ни одинаково съ ними наше царство и священство, хотя образы тѣ же; ни различія не дѣлаетъ между помазаніемъ нашимъ природа, или благодать и званіе къ помазанію: но одно и тоже имѣемъ и званіе и вѣру и образъ. Ясно

и извѣстно изъ слова истины, что чистое, безстрастное и все святѣйшее принадлежитъ Богу въ настоящемъ и будущемъ вѣкѣ.

134. Тотъ произносить устами премудрость и помышленіемъ сердца своего вѣдѣніе, кто Бога Слова—сію Ипостасную Божію и Отчую премудрость ясно изъ вещей открываетъ, находя въ нихъ черты существъ первообразныхъ, и чрезъ дѣйственное живое слово устами произноситъ премудрость отъ премудрости; въ сердцѣ же, освѣщаясь силою обновительнаго духовнаго вѣдѣнія, можетъ посредствомъ сего вѣдѣнія произвести вѣру въ слушателяхъ и просвѣтить ихъ.

135. Великій врагъ истинѣ, который влечетъ нынѣ людей къ погибели, есть прельщеніе, чрезъ которое тьма невѣдѣнія, воцарившись въ душахъ безпечныхъ людей, отдалила ихъ отъ Бога, такъ что они уже не знаютъ, есть ли Богъ, возродившій и просвѣтившій насъ, или вѣруютъ и познаютъ однѣми токмо словами, а не дѣломъ; или явленіе Его усвояютъ однимъ древнимъ, а намъ и нѣтъ; изреченныя въ Писаніи сви-

дѣтельства о Богѣ приписываютъ инымъ, а не изрекшимъ ихъ. Такимъ образомъ *славу Божію,* какъ говоритъ Апостолъ, *хулятъ,* (2 Петр. 2, 10.) познаніе благочестія совершенно отвергаютъ, Писанія разумѣютъ только тѣлесно, да не скажу Іудейски; воскресеніе души отвергая, безумно желаютъ жить во гробѣ. Съ таковымъ прельщеніемъ три сіи неразлучны страсти: невѣріе, лукавство и безпечность, одна другую раждающія, одна въ другой содержащіяся. Невѣріе есть учитель лукавства, лукавство сообщникъ безпечности, признакъ безпечности лѣность. Или на оборотъ: безпечность раждаетъ лукавство, какъ сказалъ Господь: *Лукавый рабе и лѣнивый;* (Мат. 25, 26.) лукавство отецъ невѣрія; ибо всякъ лукавый невѣренъ, а кто невѣренъ, тотъ и не Богобоязненъ; отъ невѣрія же раждается безпечность—мать небреженія, по которому мы нерадимъ ни о чемъ добромъ, и дѣлаемъ все злое.

136. Совершенное православіе догматовъ составляютъ: истинная о Богѣ слава и неложное познаніе вещей. По сему и славосло-

вить православный долженъ такимъ образомъ: Слава Тебѣ, Христе Боже нашъ, слава Тебѣ! Ибо для насъ Ты вочеловѣчился — Богъ пресущественное Слово! Велико убо таинство смотрѣнія Твоего, Спасителю нашъ, слава Тебѣ!

137. Три различныхъ рода писаній, по великому Максиму, неукоризненные и непредосудительные: первый, когда пишется что для своей памяти, вторый для пользы другихъ, третій изъ послушанія; и по сему побужденію многія писанія составлены для смиренныхъ любителей Слова. Естьли же кто для угожденія что пишетъ, для славы и для показанія своихъ добродѣтелей, тотъ лишается награды своей, не имѣя здѣсь никакой пользы не получитъ награды и въ будущей жизни: но какъ человѣкоугодникъ и хитрый корыстолюбецъ, торгующій словомъ Божіимъ, осужденъ будетъ.

IX.

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТАГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ:

Посланіе Пресвитеровъ и Діаконовъ Ахаіи.

1. Всѣ мы Пресвитеры и Діаконы Ахайскихъ церквей пишемъ, что глаза наши видѣли, всѣмъ церквамъ, основаннымъ во имя Христово на Востокѣ и Западѣ, Сѣверѣ и Полудни. Миръ вамъ и всѣмъ вѣрующимъ во единаго Бога, совершеннаго въ Троицѣ, истиннаго Отца Родителя, истиннаго Сына Единороднаго, истиннаго Духа Святаго, исходящаго отъ Отца, и въ Сынѣ пребывающаго, дабы познано было, что единъ Духъ Святый во Отцѣ и Сынѣ, и что таковъ есть Единородный Сынъ, каковъ и родившій Его. Сей вѣрѣ научились мы отъ Святаго Андрея, Апостола Господа нашего Іисуса Христа, котораго мученичество, бывъ очевидцами онаго, и предаемъ памяти вѣрно.

2. Консулъ Егей, вступивъ въ городъ Па-

тры, началъ ловить вѣрующихъ во Христа, и принуждать ихъ, приносить жертвы идоламъ. Святый Андрей сказалъ ему: тебѣ, судіѣ человѣковъ, должно бы познать небеснаго Судію твоего, и познавъ покланяться Ему, а покланяясь истинному Богу, отвергнуть боговъ неистинныхъ. Егей спросилъ: ты не Андрей ли, ниспровергающій храмы боговъ, и лестію приводящій людей къ той вредной ереси, которую правители Римскіе недавно истребить повелѣли? Святый Андрей отвѣчалъ: правители Римскіе еще не познали истины, и того, чему училъ пришедшій для нашего спасенія Сынъ Божій, что т. е. сіи идолы не только не боги, но демоны пагубные, враги рода человѣческаго: они тому только учатъ людей, чѣмъ Богъ оскорбляется, дабы раздражаемый ими Богъ отвратился отъ нихъ и не слушалъ ихъ; дабы тогда, какъ Богъ отвратится отъ нихъ и не будетъ слушать ихъ, они оставались плѣнниками діавола; а онъ чтобы дотолѣ могъ издѣваться надъ ними, пока они не изыдутъ изъ тѣла — осужденные и на сіе, не имѣя съ собою ничего кромѣ грѣховъ.

3. Егей сказалъ: это надменныя и пустыя слова! Христа вашего, когда онъ такъ проповѣдывалъ, Іудеи пригвоздили ко кресту. — Святый Андрей отвѣчалъ: естьли бы ты полюбопытствовалъ узнать таинство креста, какимъ образомъ Творецъ рода человѣческаго, по горячей любви своей, для примиренія нашего, не по принужденію, но добровольно принялъ крестъ сей; то ты увѣровалъ бы въ Него. — Егей сказалъ: естьли Онъ преданъ ученикомъ своимъ, схваченъ Іудеями и представленъ къ Игемону, и по прошенію Іудеевъ повелѣніемъ Игемона распятъ воинами: то какъ же ты говоришь, что Онъ добровольно претерпѣлъ крестъ? — Андрей: потому говорю: добровольно, что я съ Нимъ былъ, и что еще прежде того, какъ былъ преданъ ученикомъ своимъ и распятъ, Онъ предсказалъ намъ: послѣ трехъ дней воскресну. Почему и брату моему Петру, который сказалъ: *Милосердъ Ты Господи, не имать быти Тебѣ сіе,* Онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ: *Иди за Мною, сатано, яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая.* Но какъ Онъ могъ бы такъ рѣшительно увѣрять насъ, есть-

ли бы пострадалъ противу воли своей? Тогда бы Онъ не сказалъ намъ: *Власть имамъ положити душу Мою, и власть имамъ паки пріяти ю.* Наконецъ, когда Онъ вечерялъ съ нами, сказалъ: *Единъ отъ васъ предастъ Меня*, и сими словами заставилъ всѣхъ сокрушаться, и сказалъ опять: *Ему же Азъ омочивъ хлѣбъ подамъ, той есть предаяй Мя.* И поелику Онъ говорилъ о будущемъ, какъ о прошедшемъ; то и показалъ тѣмъ, что Онъ произвольно подвергся предательству. Ибо Онъ не бѣгалъ отъ предателя, но остался на томъ мѣстѣ, куда, какъ Ему извѣстно было, придетъ онъ.

4. Егей сказалъ: дивлюсь, что сей столько прозорливый мужъ, о которомъ ты говоришь, волею или неволею, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, по крайней мѣрѣ, былъ, по твоему признанію, пригвожденъ ко кресту. — Андрей отвѣчалъ: это есть, какъ я и прежде сказалъ, великое таинство креста, которое, естьли пожелаешь выслушать меня, я покажу тебѣ. — Егей: сего не льзя назвать таинствомъ, но казнію. — Святый Андрей: сію казнь, заключающую въ себѣ

таинство и обновленіе человѣчества, лучше уразумѣешь, естьли со вниманіемъ выслушаешь меня. — Егей: я буду слушать внимательно; но естьли и ты въ свою очередь не послушаешь меня, то сіе самое таинство креста ты испытаешь на самомъ себѣ. — Святый Андрей: естьли бы я страшился креста, то не возвѣщалъ бы славы креста. — Егей: непонятная рѣчь твоя возвѣщаетъ тебѣ мученіе креста: поелику лукавство твое заставляетъ тебя не бояться мученія смерти. Андрей: не лукавство, но вѣра заставляетъ меня не бояться мученія смерти. Ибо смерть праведныхъ честна, а люта смерть грѣшныхъ. Потому я и хочу показать тебѣ таинство креста, дабы ты, получивъ лучшее наставленіе и увѣровавъ, принялъ оное, какимъ бы то ни было образомъ, ко спасенію души твоей. — Егей: не ужели душа моя погибла, что я долженъ искать спасенія ея въ какой-то вѣрѣ, о которой ты говоришь?

5. Андрей сказалъ: о семъ-то я и желалъ душевно говорить тебѣ, дабы, научивъ напередъ, что души всѣхъ людей утратили

первобытную праведность свою, показать послѣ, что таинство креста возстановляетъ оную. Ибо первый человѣкъ древомъ преслушанія отверзъ врата смерти; и такъ необходимо было, чтобы древо страданія изгнало вошедшую смерть. Также, поелику первый человѣкъ сотворенъ изъ чистой земли; то нужно было, чтобы изъ чистой Дѣвы родился совершенный человѣкъ, дабы Сынъ Божій, сотворившій прежде человѣка, возвратилъ жизнь вѣчную, которую люди потеряли въ Адамѣ. Потомъ, дабы древо креста искоренило древо пожеланія, распростираетъ на крестѣ нескверныя руки свои— за тѣ руки, кои добровольно простерты были на преступленіе; вмѣсто пріятнѣйшей снѣди, вкусилъ желчь, и принявъ на себя смертность нашу, даровалъ намъ свое безсмертіе.

6. Егей сказалъ: такія слова ты можешь говорить тѣмъ, которые будутъ вѣрить тебѣ. Что же касается до меня, то естьли ты не послушаешься, и не принесешь всемогущимъ богамъ жертвы, — я прикажу высѣчь тебя, и пригвоздить на томъ

самомъ крестѣ, который ты выхваляешь.— Святый Андрей отвѣчалъ: Всемогущему Богу я всякой день приношу жертву живую: не куреніе ѳуміама, не плоть тельцовъ ревущихъ, не кровь козлиную; но каждодневно на жертвенникѣ креста приношу Богу непорочнаго Агнца, котораго тѣло вѣрующій народъ хотя и вкушаетъ, и піетъ кровь Его, но закланный Агнецъ пребываетъ невредимъ и живъ. — Егей: какъ можетъ то быть? — Святый Андрей: естьли хочешь знать, какъ можетъ то быть: то сдѣлайся моимъ ученикомъ, дабы узнать желаемое. —Егей: я мученіями выпытаю отъ тебя сіе.—Святый Андрей: удивляюсь, какъ ты, человѣкъ благоразумный, впалъ въ такую неразсудительность, что думаешь, будто муками можешь у меня выхватить знаніе Божественнаго жертвоприношенія. Ты слышалъ тайну жертвы: естьли увѣруешь, что Христосъ, Сынъ Божій, распятый Іудеями, есть истинный Богъ; то изъясню тебѣ, какимъ образомъ живетъ Агнецъ, который, бывъ закланъ, и давъ себя въ снѣдь, пребываетъ послѣ того невредимъ и непороченъ во царствіи своемъ.—Егей: но какимъ об-

разомъ Агнецъ пребываетъ во царствіи, когда Онъ закалается, и всему народу, какъ ты говоришь, служитъ въ снѣдь?—Святый Андрей: естьли увѣруешь отъ всего сердца, можешь уразумѣть: а естьли не увѣруешь, то никогда не можешь узнать совершенно истину.

7. Послѣ сего Егей разсердился и приказалъ стеречь его подъ стражею. Когда же посадили его подъ стражу одного, то народъ стекся къ нему изъ всей той страны, какъ будто бы онъ хотѣлъ умертвить Егея, а Апостола Андрея вывести изъ заключенія. Святый Андрей такъ увѣщавалъ народъ: не перемѣните миръ Господа нашего Іисуса Христа въ діавольское возмущеніе. Поелику Самъ Господь, когда былъ преданъ, показалъ все терпѣніе, не воспрекословилъ, не возопилъ, и никто не слышалъ на распутіяхъ гласа Его. И такъ храните молчаніе, тишину и спокойствіе, и не останавливайте мученичества моего. А лучше приготовьте и себя въ поборники Господу, дабы съ неустрашимостію души побѣдить угрозы, и преодолѣть мученія въ крѣпости

тѣла. Ибо естьли ужасенъ страхъ, то тотъ страхъ, который не имѣетъ конца. А страхъ человѣческій подобенъ дыму, который, вдругъ появившись, мгновенно разсѣвается. И естьли страшны скорби, то тѣ скорби, которыя начавшись никогда не оканчиваются. Настоящія скорби легки и удобоносимы; а естьли и тяжки, то скоро и освобождаютъ душу. Но скорби будущія вѣчны, гдѣ всегдашній плачь, скрежетаніе, вопль и нескончаемое мученіе, и куда перейти Егей Консулъ не страшится. И такъ будьте лучше готовы къ тому, чтобы временными страданіями пріобрѣсти вѣчное наслажденіе, гдѣ непрестанно будете радоваться, непрестанно процвѣтать славою, и всегда царствовать со Христомъ.

8. Святый Андрей чрезъ цѣлую ночь такъ увѣщавалъ народъ. Когда же наступило утро, Егей приказалъ привести предъ себя Святаго Андрея, и, сѣвъ на мѣстѣ судилища, сказалъ: думаю, что ночныя размышленія разогнали невѣжество ума твоего, и ты престалъ хвалить Христа своего, дабы могъ раздѣлять съ нами радости жизни.

Ибо, конечно, безразсудно бы было, естьли бы ты самъ захотѣлъ итти на страданіе креста, и самаго себя осудилъ на жестокій огнь и пламень.—Святый Андрей отвѣчалъ: буду радоваться съ тобою, естьли ты, увѣровавъ во Христа, оставишь поклоненіе идоламъ. Поелику Самъ Христосъ послалъ меня въ сію страну, гдѣ я не малое число людей пріобрѣлъ для Господа.—Егей: для того то я и побуждаю тебя принести жертву, чтобы сіи, прельщенные тобою, люди оставили суету твоего ученія, и почтили жертвою боговъ (ибо не осталось въ Ахаіи ни одного города, гдѣ бы религія боговъ не была презираема и истребляема), дабы и боги, разгнѣвавшіеся на тебя, умилостивились къ тебѣ, да и мы сохранили бы къ тебѣ дружбу нашу. А естьли не такъ, то въ отмщеніе различнымъ подверженъ будешь мукамъ, и наконецъ кончишь жизнь свою, вися на томъ крестѣ, который ты славишь. Святый Андрей: послушай, сынъ лукаваго, солома, приготовленная въ жертву вѣчному огню, послушай меня, раба Христова. Доколѣ съ кротостію буду говорить съ тобою о вѣрѣ, чтобы ты, сдѣлавшись

совершеннымъ послѣдователемъ истины, отвергнулъ суетныхъ идоловъ, и поклонился Богу истинному?—Но поелику ты остаешься въ нечистотѣ своей, и думаешь меня устрашить угрозами своими, то изобрѣтай, что тебѣ угодно, для мученія: ибо я тѣмъ пріятнѣе содѣлаюсь Царю моему, чѣмъ болѣе пребуду твердымъ исповѣдникомъ посреди мукъ за имя Его.

9. Тогда Егей приказалъ растянуть его, и сѣчь лозами. Когда исполнители наказанія, давъ ему семь четверицъ ударовъ, перестали, и онъ всталъ и приведенъ былъ предъ Егея; то Егей сказалъ ему: послушай меня, Андрей, и удержись отъ пролитія крови своей; иначе заставлю умереть тебя на крестѣ. Святый Андрей отвѣчалъ: я воинъ, служащій подъ знаменемъ креста Христова, и долженъ болѣе желать, нежели бояться побѣднаго знамени креста. Но ты подвергнешься заслуженному тобою вѣчному наказанію, естьли, и искусивъ мое терпѣніе, не увѣруешь во Христа. Ибо я твоей погибели страшусь. Мое страданіе продолжится одинъ день, а много что два; но твое

мученіе и чрезъ тысячи лѣтъ не окончится. Почему не умножай болѣе несчастія своего, и не возжигай для себя вѣчнаго огня.—Тогда Егей воспылалъ гнѣвомъ, и велѣлъ распять его на крестѣ, такое давъ приказаніе распинателямъ, чтобы онъ, имѣя связанныя руки и ноги, распростертъ былъ какъ на дыбѣ, дабы, угнетаемый болѣзнію, не вдругъ скончался, но лучше медленнымъ удручался мученіемъ. Когда служители повели его на казнь, собравшійся народъ кричалъ: что сдѣлалъ праведный человѣкъ и другъ Божій, что его ведутъ на крестъ? — Святый Андрей увѣщавалъ народъ, и говорилъ, чтобы ему не мѣшали. Съ радостію и восхищеніемъ онъ продолжалъ шествіе свое, и не переставалъ учить.

10. Когда онъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ приготовленъ былъ крестъ, то, увидѣвъ его издали, громко воззвалъ: радуйся, кресте, плотію Христа освященный, и членами Его, какъ маргаритами, украшенный! Прежде нежели возшелъ на тебя Господь мой, ты страшенъ былъ для земныхъ; но теперь, когда ты вмѣстилъ въ себя любовь

небесную; то, быть распростертымъ на тебѣ, есть даръ. Знаютъ вѣрные, сколько сокрыто въ тебѣ щедротъ, сколько уготовано наградъ. Безбоязненно и весело я иду къ тебѣ; но и ты съ веселіемъ и радостію прими меня, ученика Распявшагося на тебѣ. Я всегда любилъ тебя, и горѣлъ желаніемъ обнять тебя. О, блаженный кресте, пріявшій великолѣпіе и красоту отъ членовъ Господа, многократно желанный, и неусыпно искомый, возми меня отъ среды человѣковъ, и вручи Учителю моему. Пусть отъ тебя получитъ меня Тотъ, кто чрезъ тебя искупилъ меня.—Сказавъ сіе, онъ скинулъ съ себя одежду свою, и отдалъ ее исполнителямъ казни. Они взяли его, подняли на крестъ, и повѣсили, какъ имъ было приказано, распянувъ все тѣло его веревками. На сіе зрѣлище стеклось до двадцати тысячь народа, между коимъ былъ и братъ Егея, по имени Стратоклъ, и вопилъ вмѣстѣ съ народомъ: неправедна казнь!—А Святый, утишая волненіе вѣрныхъ, училъ переносить временныя искушенія, говоря, что сіи страданія ничего не значатъ въ сравненіи съ вѣчнымъ воздаяніемъ.

11. Между тѣмъ весь народъ съ крикомъ пошелъ къ дому Егея, и всѣ говорили: Святый Андрей, трезвый добродѣтельный мужъ, добрый учитель, не долженъ такъ страдать, но долженъ быть снятъ съ креста, поелику, второй уже день проповѣдуя на немъ истину, еще остается живъ. Тогда Егей, убоявшись народа, обѣщалъ снять его съ креста, и тогда же самъ пошелъ къ нему. Увидѣвъ его, Святый сказалъ: за чѣмъ ты пришелъ къ намъ, Егей? Естьли раскаявшись хочешь увѣровать во Христа, то, какъ я обѣщалъ, тебѣ отверзется дверь милосердія. Естьли же для того только пришелъ, чтобы освободить меня, то знай, что доколѣ остается дыханіе въ семъ тѣлѣ, не хочу сойти съ креста сего. Ибо зрю Царя моего, покланяюсь Ему, и уже предстою предъ Нимъ.—Но о твоемъ несчастіи скорблю, поелику вѣчная погибель ждетъ тебя. И такъ спасайся, пока можешь, дабы не искать спасенія тогда, когда будетъ невозможно.—Служители же, сколько ни ходили около креста, не могли и прикоснуться къ Святому. Онъ преставился при восхожденіи солнца,

отходя къ Господу нашему Іисусу Христу, которому слава во вѣки, Аминь.

А Егей предъ глазами всѣхъ объятъ былъ нечистымъ духомъ, который, изломавъ его, повергнулъ мертвымъ. Братъ же его Стратоклъ, взявъ тѣло Святаго Андрея, предалъ его погребенію.

Послѣ того такой страхъ напалъ на всѣхъ, что не было ни одного, кто бы не вѣровалъ въ Господа, который всѣмъ человѣкамъ хочетъ спастися, и въ разумъ истины пріити.—Память кончины Святаго совершается въ 30 день мѣсяца Ноемврія, въ царство Господа нашего Іисуса Христа, которому слава во вѣки, Аминь.

X.

ПО ТУ СТОРОНУ ГРОБА СУДЪ И ВОЗДАЯНІЕ.

Мысль о судѣ и воздаяніи, которыя ожидають насъ по ту сторону гроба, есть ужасная мысль, но она заключаетъ въ себѣ неоспоримую истину. Ибо о семъ говоритъ намъ Св. Писаніе, сіе внушаетъ намъ разумъ и совѣсть.

Такъ Св. Писаніе ясно говоритъ: *Лежитъ человѣкомъ единою умрети, потомъ же судъ. Всѣмъ явитися намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла. Богъ воздастъ коемуждо по дѣломъ его: овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный: а иже по рвенію противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ. Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое.*

Есть много и другихъ подобныхъ мѣстъ

въ Св. Писаніи, которыя говорятъ намъ о семъ же предметѣ. Такъ все, что ни говоритъ намъ Писаніе о безсмертіи души, относится вмѣстѣ и къ Божественному суду, на которомъ должна рѣшиться участь безсмертныхъ въ будущей жизни. — Въ сей истинѣ весьма сильно убѣждаетъ насъ и собственный разумъ. Какъ существа разумныя мы не можемъ вѣровать въ Бога, не можемъ мыслить о Немъ, не признавая въ Немъ святости, правосудія, могущества, премудрости и благости въ совершеннѣйшемъ и неразрывномъ союзѣ.

Всесвятый не можетъ желать ничего, кромѣ справедливаго и истинно добраго; и Онъ написалъ законъ на сердцѣ каждаго человѣка: дѣлай то, что ты признаешь справедливымъ. Такъ, это Его Божественный законъ! Слѣд. для Него не все равно, исполняется ли законъ сей, или нарушается; живутъ ли люди въ Его святомъ царствѣ, какъ вѣрноподданные, или какъ мятежники; разпространяютъ ли своею добродѣтельною жизнію вокругъ себя благословеніе, или сво-

ими беззаконіями и злодѣяніями собирають проклятіе на главу свою.

Но были люди, для которыхъ не было ничего священнаго, которые ругались надъ всѣми святыми законами Вѣры и нравственности, притѣсняли и даже лишали жизни своихъ ближнихъ, — и при всемъ томъ восходили на высокіе степени достоинства и чести, утопали въ чувственныхъ удовольствіяхъ, и потомъ съ видимымъ спокойствіемъ засыпали сномъ смертнымъ. Какъ? Ужели недоставало у Бога правосудія, чтобъ наказать беззаконіе, или могущества, чтобы совершить праведный судъ свой? О нѣтъ! Злодѣй, преступникъ закона, не останется безъ наказанія; онъ будетъ судимъ Богомъ въ вѣчности!

Были также и истинно благочестивые и добродѣтельные люди, которые соглашались лучше умереть, нежели преступить Святый законъ, и, подобно Елеазару (въ Кн. Макк.), изъ любви къ истинѣ и добродѣтели жертвовали своимъ временнымъ благополучіемъ, своею жизнію. Ужели Всеблагій могъ

принять сіи жертвы безъ всякаго возмездія, безъ воздаянія? — Тамъ, превыше звѣздъ царствуетъ Тотъ, который будетъ нѣкогда судить вселенную. Добродѣтель получитъ свою награду въ лучшемъ мірѣ!

По ту сторону гроба судъ и воздаяніе: конечно это ужасная мысль, но она истинна. По сему мы не хотимъ и никакъ не должны подавлять ее въ себѣ: гораздо благоразумнѣе будетъ, естьли мы постараемся, сколько возможно, содѣлать ее для насъ назидательною и спасительною. Она можетъ возбудить въ насъ ужасъ ко грѣху, и поощрить насъ къ благочестію и добродѣтели вообще, и въ особенности къ человѣколюбію.

Естьли бы какой либо человѣкъ, сознавая себя виновнымъ въ нѣкоторыхъ важныхъ преступленіяхъ, узналъ, что его скоро потребуютъ къ суду, на которомъ онъ долженъ дать строгій отчетъ въ своемъ поведеніи; безъ сомнѣнія съ сего времени онъ не только сталъ бы воздерживаться отъ новыхъ преступленій, но и старался бы исправить и вознаградить то, что онъ еще

могъ исправить и вознаградить. Какъ? Ужели живо представляемая мысль, что намъ должно будетъ предстать предъ судъ Божій, и, можетъ быть, очень скоро, менѣе должна дѣйствовать на тѣхъ, которые чувствуютъ, что они поступаютъ противъ воли и закона Божія? Ужели не сильна она побудить ихъ къ тому, чтобы посредствомъ покаянія, исправленія и возможнаго удовлетворенія несправедливости, причиненной другимъ, исходатайствовать себѣ милость у Праведнаго Судіи.

Всевѣдущій, Святый и Правосудный будетъ судить насъ тамъ. Человѣкъ, заслуживший наказаніе земнаго судіи, еще можетъ иногда питаться надеждою, избѣжать сего наказанія какою либо хитростію или защитою и покровительствомъ другихъ. Но можно ли помыслить о сихъ средствахъ, когда представимъ себѣ, что мы должны предстать предъ судію Всевѣдущаго, который знаетъ всѣ наши тайныя помышленія? Можно ли помыслить, что тамъ будетъ лицепріятіе, когда будетъ судить насъ Судія Святый и Праведный? Нѣтъ! Тамъ и повѣ-

лишель народовъ будешъ сшояшь безъ порфиры, вмѣсшѣ съ своими подданными, въ равномъ безсиліи предъ своимъ Судіею. Тамъ всякой будешъ значишь сшолько, сколько значашъ его добродѣшели. Только несравненно большей подвергнешся ошвѣшсшвенносши шошъ, кому Богъ, преимущесшвенно предъ другими, даровалъ силы и способъ содѣлашь жизнь свою благословеннымъ даромъ небесъ для своихъ ближнихъ.

Горе шому въ день всемірнаго суда Божія, кшо ввѣренное ему могущесшво и власшь употребилъ на погибель другихъ; горе шому, кшо, пользуясь однѣми своими правами, не зналъ никакихъ обязанносшей въ разсужденіи другихъ; горе шому, кшо при богашсшвѣ и изобиліи зашворялъ сердце свое для бѣдныхъ и нищихъ!

О, да возбудишъ мысль сія о праведномъ судѣ Божіемъ каждаго грѣшника ошъ его безпечной, пагубной дремошы! — Конечно эшо еще не есшь благородное побужденіе къ исправленію, есшьли кшо удерживаешся ошъ зла шолько сшрахомъ наказанія; впрочемъ

никто не долженъ подавлять въ себѣ страхъ сей, доколѣ еще имѣетъ причины страшиться. Безуменъ тотъ страхъ, который вымышляетъ или увеличиваетъ опасность. Но несравненно большее было бы безуміе, хотѣть лучше закрыть глаза при угрожающихъ опасностяхъ, нежели изыскивать способовъ, избѣжать сихъ опасностей, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить оныя.

Естьли мерзость преступленій и проклятіе, которое еще здѣсь за оными слѣдуетъ, не сильны сами собою побудить грѣшника къ исправленію; то страхъ несчастной вѣчности да побудитъ его къ тому, чтобы онъ поспѣшилъ спасти свою душу. Нынѣ ты живъ, нынѣ исправь себя! Прежде нежели наступитъ утро, перемѣни свое поведеніе. Нынѣ прекрати роскошь, которая иначе ввергнетъ тебя въ муку вѣчную. Нынѣ оставь неправду и вознагради то, что ты еще можешь вознаградить, дабы слезы опечаленныхъ тобою не обвинили тебя тамъ — предъ судилищемъ Божіимъ.

О когда бы истинный страхъ Божій могъ

истребить страхъ человѣческій въ сердцахъ тѣхъ, которые изъ одного только угожденія другимъ, изъ одного опасенія, лишиться ихъ благосклонности, поступаютъ противъ сильныхъ упрековъ своей совѣсти, для которыхъ вопросъ: что скажутъ о тебѣ люди, и преимущественно тѣ, которыхъ благосклонность для тебя столько важна? значитъ болѣе, нежели: что долженъ ты дѣлать по волѣ и закону твоего Бога, и что внушаетъ тебѣ твоя совѣсть? О естьли бы могли на нихъ подѣйствовать увѣщанія Пророка: *Для чего страшишься ты людей, которые умираютъ, и сыновъ человѣческихъ, которые, какъ трава, изсыхаютъ; а забываешь Господа, который сотворилъ тебя, который распростеръ небо и основалъ землю?* Естьли бы во глубинѣ сердецъ ихъ напечатлѣлись слова Божественнаго Учителя: *Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло,* — которые т. е. могутъ вредить вамъ только въ сей кратковременной жизни, — *убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ геениѣ!*

Да побудитъ мысль о будущемъ судѣ къ

самоиспытанію и исправленію всѣхъ тѣхъ, которые неискренны сердцемъ, которые устами произносятъ истину, но внутрь себя питаютъ неправду, и которые только въ глазахъ другихъ стараются казаться добродѣтельными, но втайнѣ предаются всей необузданности законопреступныхъ страстей своихъ. Чѣмъ болѣе удавалось имъ подъ личиною честности, человѣколюбія и благочестія обманывать другихъ и снискивать ихъ благосклонность, или неправеднымъ образомъ пріобрѣтать имущество, и предъ глазами міра показываться непорочными; тѣмъ ужаснѣе должна быть для нихъ мысль о судѣ, предъ которымъ личина ихъ спадетъ и откроются самыя тайныя ихъ помышленія и дѣла. Ибо какой стыдъ, какое поношеніе, когда они явятся во всей своей гнусности предъ глазами тѣхъ, коихъ довѣренность и благоволеніе они пріобрѣли себѣ своимъ лицемѣріемъ?

О будущемъ судѣ еще здѣсь каждому возвѣщается въ его совѣсти; по сему естьли сей судія въ человѣческомъ сердцѣ говоритъ тебѣ, что настоящій образъ твоихъ мыслей

и дѣйствій достоинъ осужденія: то поспѣши спасти свою душу. Поздо будетъ раскаяніе, когда постигнетъ тебя вмѣстѣ съ другими рѣшительный приговоръ Судіи: *Не вѣмъ васъ: отступите отъ Мене вси дѣлателіе неправды!*

Впрочемъ увѣренность въ судѣ и воздаяніи, которыя ожидаютъ насъ по ту сторону гроба, можетъ и должна не только уклонить насъ отъ зла, но и побудить насъ къ добродѣтельной и благочестивой жизни. Ибо какъ тотъ, кто умышленно и намѣренно поступаетъ противъ воли своего Бога и непрестанно утопаетъ во грѣхахъ, имѣетъ причины съ мучительнымъ страхомъ помышлять о будущемъ судѣ; такъ напротивъ тотъ, кто имѣетъ ясное сознаніе, что онъ постоянно, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, старается слѣдовать волѣ Божіей, стольже многія имѣетъ причины ожидать суда сего съ радостною надеждою. Его Судія будетъ для него милосердымъ отцемъ. Богъ не хочетъ смерти грѣшника; Онъ хочетъ, чтобы онъ обратился и наслаждался блаженною жизнію. Онъ

хочетъ лучше благословлять и благодѣтельствовать, нежели осуждать и наказывать. Но Его благость опредѣляется святостію. По сему старайся, о человѣкъ, сколько возможно, быть добродѣтельнымъ и святымъ, и твое блаженство, которымъ нѣкогда облаженствуетъ тебя Всесвятый и Преблагій, будетъ безконечно, неизреченно велико!

И естьли ты, какъ Христіанинъ, знаешь, что Христосъ умеръ для того, чтобы мы умерли грѣху и жили правдѣ: то живи правдѣ, прилѣпляйся всѣмъ сердцемъ своимъ къ добродѣтели, и старайся постоянно быть въ такомъ расположеніи духа и сердца, которое постоянно было въ Іисусѣ Христѣ. Только симъ образомъ ты можешь усвоить себѣ Его великую заслугу и надѣяться нѣкогда услышать блаженный гласъ Его. *Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра.*

Правда, для человѣка, какъ существа разумнаго, надежда на будущее блаженство не должна быть единственнымъ, ни даже глав-

нымъ побужденіемъ къ добродѣтельной и благочестивой жизни. Для него довольно сего убѣжденія: добродѣтель есть воля Божія, Всемогущаго Творца, Премудраго и Всесвятаго Владыки вселенныя, который есть и твой Творецъ и промыслитель, и которому ты обязанъ своею жизнію и всѣми ея благами. Добродѣтель есть потребность собственнаго твоего разума, которымъ ты такъ высоко превознесенъ надъ тварію, управляемою однѣми чувственными побужденіями. Добродѣтели требуетъ отъ тебя твоя совѣсть, отъ одобренія которой зависитъ твое внутреннее спокойствіе, твое самоуваженіе и миръ съ самимъ собою. Такъ, сего довольно для существа разумнаго, чтобы благочестіе и добродѣтель поставить высочайшею цѣлію всѣхъ своихъ побужденій!

Но бываютъ часы разслабленія духа и сердца, въ которые даже и самый лучшій изъ людей съ прискорбіемъ чувствуетъ: *Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.* Бываютъ часы льстиваго искушенія, когда порокъ, стараясь обольстить насъ своими ложными прелестями,

является подъ мягкими и пріятными именами, и ласкается къ намъ, то какъ наслажденіе жизнію, котораго будто требуетъ природа, то какъ благоразуміе жизни, безъ котораго будто, по господствующему духу времени, нельзя жить въ свѣтѣ; или даже онъ облекается въ свѣтлую одежду добродѣтели, и преступное само въ себѣ дѣло старается освятить хорошею, по видимому, цѣлію. Бываютъ часы тяжкой борьбы, когда добродѣтель требуетъ отъ насъ такой жертвы, которая, по видимому, превыше силъ человѣческой природы. О, тогда слабый человѣкъ имѣетъ нужду въ небесномъ подкрѣпленіи, и получаетъ оное, когда духовными очами взираетъ на страну блаженныхъ, которые теперь потому блаженны, что постоянно пребыли въ добродѣтели. Тогда гласы блаженныхъ духовъ возглашаютъ ему: будь непоколебимъ въ добродѣтели! Лучше невинно страдать и даже умереть, нежели обремененному грѣхомъ чувствовать себя недостойнымъ жизни! Бодрствуй, мужайся въ борьбѣ за добродѣтель, и ты получишь, какъ побѣдитель, вѣнецъ жизни вѣчной!

Такъ Стефанъ въ борьбѣ со смертію, возведши взоръ свой на небо, увидѣлъ его отверстымъ и Іисуса стоящимъ одесную Бога. Тогда лице его просвѣтилось, какъ лице Ангельское. Такъ, добродѣтель возвышаетъ человѣка до Ангела, приближаетъ его къ Божеству; съ надеждою сѣетъ во прахѣ, и въ свое время пожинаетъ безконечную жатву.

Недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ. Да укрѣпитъ насъ сія надежда въ постоянной вѣрности къ добродѣтели, хотя бы она иногда потребовала отъ насъ и самой величайшей жертвы. Да побудитъ она насъ въ особенности къ вѣрному и постоянному исполненію священныхъ обязанностей человѣколюбія!

Вѣчный Судія, по обѣтованію Іисуса Христа, особеннымъ благоволеніемъ и милостію вознаградитъ истинное человѣколюбіе; ибо оно есть одна изъ величайшихъ добродѣтелей, она питаетъ и поддерживаетъ въ насъ всѣ другія добродѣтели. Сердце, чуждое человѣколюбія, всегда бываетъ склоннѣе ко

злу. Ибо чего добраго можно надѣяться отъ самолюбца, для котораго его ближніе потолику имѣютъ нѣкоторое достоинство, поколику споспѣшествуютъ его благосостоянію? Онъ тогда только будетъ надлежащимъ образомъ требовать себѣ услугъ отъ другихъ, когда иначе не можетъ получить оныхъ; но онъ будетъ вынуждать ихъ, естьли имѣетъ къ тому силу. Онъ будетъ несправедливъ и неумѣренъ въ своихъ требованіяхъ отъ другихъ; напротивъ самъ тогда только будетъ предлагать имъ свои услуги, когда надѣется отъ того большихъ для себя выгодъ. Но не таковъ истинный другъ человѣчества. Онъ не можетъ и никакъ не хочетъ умышленно и намѣренно сдѣлать другимъ какую либо несправедливость. Имѣя власть и силу, онъ не злоупотребляетъ ими; не требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ непозволенныхъ услугъ, не обременяетъ ихъ тяжкими трудами. Не старается даже выказывать имъ правъ своихъ, но старается дѣлать добро, гдѣ только имѣетъ къ тому силу, способъ и случай. Онъ знаетъ, что лучше давать, нежели принимать, и естьли Богъ благословляетъ его земными благами,

онъ даетъ щедрою и вмѣстѣ кроткою рукою, и, что часто бываетъ драгоцѣннѣе самаго дара, онъ даетъ съ выраженіемъ доброхотнаго сердца. Его человѣколюбіе не ограничивается одною благотворительностію къ бѣднымъ; по мѣрѣ силъ своихъ онъ старается всюду облегчать бѣдствующее человѣчество и споспѣшествовать его благосостоянію.

Такъ, человѣколюбіе есть великая, и притомъ въ самой себѣ имѣющая свою награду, добродѣтель. Да будетъ благословенна любовь Небеснаго Отца, который даровалъ человѣку сердце, чувствительное къ радостямъ и страданіямъ другихъ! И блаженъ, кто сей Божественный даръ старается усовершить въ себѣ;—блаженъ истинный другъ человѣчества! Какъ много награждаетъ его собственное его сердце, когда случится ему отерешь слезы несчастному, помочь бѣдному, обратить на путь истины заблудшаго, исправить погрѣшающаго, и вообще сдѣлать какое либо истинное благодѣяніе страждущему человѣчеству! О, тогда онъ наслаждается блаженствомъ небеснымъ! Каждое

его благодѣяніе есть для него новый источникъ чистѣйшихъ, неизреченныхъ радостей.

Но какъ дѣлать другимъ добро, когда за наши благодѣянія платятъ намъ неблагодарностію, когда въ лицѣ облагодѣтельствованныхъ нами мы узнаемъ своихъ злодѣевъ?— Наступитъ день, въ который откроются всѣ наши тайныя помышленія и намѣренія. Естьли мы дѣлали другимъ добро изъ одной истинной любви къ человѣчеству; тогда Іисусъ Христосъ скажетъ намъ: *Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе.*

И такъ будемъ дѣлать добро безъ утомленія; ибо въ свое время мы будемъ пожинать безпрестанно.—

XI.

Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми. Гал. 5, 24.

Какъ въ ветхомъ человѣкѣ, поверженномъ во глубину золъ, и подъ закрытіемъ прившедшей порчи остаются еще непотерянные слѣды помраченнаго образа Божія: такъ и немощь *ветхаго человѣка, упраздняемаго по вся дни, въ новой твари* (2 Кор. 4, 16. 5, 17.) пребываетъ и дѣйствуетъ дотолѣ, пока все *мертвенное не будетъ пожерто жизнію,* (1 Кор. 15, 54.) когда вся тварь припишетъ побѣду побѣдителю Агнцу. Сей остатокъ отъ древняго Адама (1 Петр. 1, 14.) есть не иное что, какъ страсти, называемыя у Апостола *плотскими,* (Гал. 5, 16.) *скверными,* (2 Петр. 2, 10.) *постыдными,* (Римл. 1, 26.) *безразсудными* (1 Тим. 6, 9.) и *грѣховными,* (Римл. 7, 5.) которыя безпрестанно *воюютъ на душу* (1 Петр. 2, 11.) и стараются воспятить дѣйствіямъ благодати. Слово Божіе, чтобы поставить возрожденнаго внѣ опасности со стороны сихъ домашнихъ враговъ, даетъ од-

но наставленіе, подобно какъ и Израилю на Амалика: *Воюй ихъ, дондеже скончаются.* То есть, веди брань съ ними, доколѣ всѣхъ не преодолѣешь. По разуму новаго Завѣта, гдѣ проповѣдуется слово креста: распни ихъ, распинай дотолѣ, доколѣ жизнь есть въ нихъ и въ тебѣ.—

Нѣтъ человѣка, на котораго бы не возложена была сія должность; такъ какъ нѣтъ Христіанина, который бы не зналъ оной: но всякой ли и изъ Христіанъ вѣдаетъ самый образъ: *какъ должно распинать страсти?*

Тѣ, которые не познали еще всей важности Христіанской дѣятельности, равно какъ и всего поврежденія своего, и склонности ко грѣху, довольнымъ для себя почитаютъ то, естьли умѣряютъ стремленіе и порывы страстей, и не даютъ имъ полнаго удовлетворенія. Но ежели и разумъ естественный, разсмотрѣвши природу страстей неудобоистребимую, и даже по умерщвленіи воскресающую, и дѣйствія ихъ, толико гибельныя для человѣчества, находитъ

истиннымъ, что страсти человѣка суть во всю жизнь его продолжающаяся болѣзнь, что умѣреніе ихъ приноситъ столько же пользы, сколько болѣзнь тѣлесная, облегченная, но не совсѣмъ излѣченная: то не паче ли по духу Св. Писанія сія умѣренность есть заблужденіе и обманъ самаго себя, происходящій изъ самолюбія и плотоугодія, изъ ненависти къ самоотверженію и изъ невѣдѣнія о томъ, что какъ невозможно изцѣлить рану, когда въ ней находится желѣзо, такъ не льзя освятить человѣка, когда во глубинѣ сердца его кроется какое либо пристрастіе къ себѣ или къ міру, или иначе: невозможно *пріобрѣсти душу, не погубивъ* ее. (Мат. 10, 39.)

Слово Божіе, гдѣ только внушаетъ брань противъ страстей, вездѣ повелѣваетъ умерщвить ихъ, распять, искоренить, то есть, не только не давать имъ ни малѣйшаго послабленія и угожденія, но, естьли можно, достигать такого состоянія, чтобы ихъ совсѣмъ не ощущать въ себѣ;—такъ устроить всего себя, очистить все существо свое, чтобы въ ономъ, по занятіи и исполненіи всего благодатію Іисуса Христа, не

осталось мѣста для всего того, что есть отъ плоти и крови, а не отъ вѣры. Сіе-то состояніе, или навыкъ побѣждать страсти, разумѣется у Апостола подъ именемъ *хожденія духомъ. Духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте.* (Гал. 5, 16.)

Тотъ же самый подвигъ противъ страстей и ту же высокую чистоту Христіанской дѣятельности предписываютъ намъ и духовные наставники, хранители и подражатели Апостольскаго ученія и примѣра. — Лучше нагому ходить, говоритъ одинъ изъ нашихъ Отечественныхъ Святителей,—(Тих. Ворон.) нежели покориться какой либо страсти; лучше въ плѣненіи и темницѣ сидѣть, нежели удовлетворить своей страсти; лучше въ ранахъ и во всякой болѣзни быть, нежели сотворить грѣхъ; лучше свѣта не видѣть и во тьмѣ сидѣть, нежели грѣшить; лучше руганіе, посмѣяніе, укореніе, поношеніе, біеніе и раны терпѣть, нежели нарушить заповѣдь Евангельскую; лучше наконецъ всякое зло, какое въ мірѣ семъ быть можетъ, претерпѣть, нежели грѣшить. — Грѣхъ, говоритъ онъ далѣе, и тѣло и душу

погубляетъ, грѣхъ самаго демона злѣйшій есть: понеже и демона демономъ грѣхъ содѣлалъ, и изъ Ангела добраго и свѣтлаго превратилъ въ темнаго и злаго. —

Изъ сихъ заповѣдей и наставленій мы должны видѣть ясно, Слуш., сколь далеки отъ истины обыкновенныя наши мысли о брани противъ страстей, сколь малы всѣ наши усилія, и сколь должны быть ничтожны самые успѣхи наши! *Бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, будьте мужественны, тверды.* (1 Кор. 16, 13.) И еще: *Трезвитесь, бодрствуйте* и врагамъ вашимъ *противьтесь съ твердою вѣрою.* (1 Петр. 5, 8. 9.) Ибо не иначе увѣнчается дѣло ваше успѣхомъ, какъ кровію, крестами, смертію. *Вы еще не сражались до крови, подвизаясь противу грѣха,* писалъ Апостолъ къ святымъ ученикамъ своимъ. (Евр. 12, 4.)

Но какъ всякій навыкъ пріобрѣтается постепенно и извѣстнымъ образомъ; такъ и въ семъ случаѣ, при распинаніи и умерщвленіи страстей, не должно обѣщавать себѣ тотчасъ побѣду надъ ними, когда почувству-

емъ, что дѣйствіе страсти сдѣлалось слабѣе, или совсѣмъ, по видимому, престало. Это есть искушеніе самолюбію, которое нерѣдко мнитъ тамъ торжествовать, гдѣ побѣждается, и по мгновенномъ обольщеніи глубоко низвергается, въ наказаніе. Почему Христіанинъ, вступая въ подвигъ Христіанской дѣятельности, прежде всего долженъ отрещись самолюбія, презрѣть и возненавидѣть самаго себя, признать ничтожность собственныхъ силъ, возгнушаться всѣми дѣйствіями своими, и у подножія креста, на которомъ вѣчная Любовь своею кровію запечатлѣла смерть всякой вражды между небомъ и землею, дать твердый обѣтъ: возымѣть одно токмо желаніе—дѣлать все по волѣ Божіей; возчувствовать одно токмо побужденіе—за все благодарить Бога; предположить одинъ конецъ—славу имени Божія, жить о Христѣ въ Богѣ.—Тогда всякое добро будетъ даяніе Божіе; всякой успѣхъ въ благочестіи—сила и помощь Божія; всякое преткыканіе, каковое случается съ праведными—предостереженіе Божіе.

Но по мѣрѣ того, какъ человѣкъ скло-

ненъ и къ довѣрію собственнымъ силамъ и своей рѣшимости, и, часто, къ неумѣстной надеждѣ на помощь благодати, т. е. къ безпечности, и наконецъ къ снисходительному и слѣдственно всегда пристрастному о себѣ мнѣнію; по мѣрѣ того, говорю, и наше самолюбіе не престаетъ дѣйствовать столь хитро и тонко, что потребны и безпрестанное содѣйствіе благодати, и неутомимое бдѣніе за каждою мыслію и намѣреніемъ, и постоянное уничиженіе самихъ себя, такъ сказать: неутолимая жажда и алчба самоотверженія. (1 Кор. 6, 7.)

Такъ иногда, можетъ быть, намъ кажется, что мы не имѣемъ самолюбія, судя по нѣкоторымъ грубымъ и очевиднымъ его свойствамъ. Но между тѣмъ мы уже много и даже чрезъ мѣру любимъ себя, естьли, на пр. не видимъ своего безобразія и не помышляемъ о исправленіи онаго: хотя бы мы и не почитали себя благообразными. Мы уже ослѣплены самолюбіемъ, естьли не чувствуемъ и не сокрушаемся, что мы хладны и нерадивы: хотя бы и не выставляли себя за образецъ добродѣтели. Ибо, въ такомъ слу-

чаѣ, чѣмъ отличается человѣкъ отъ безсловесныхъ?

Мы уже чрезъ мѣру любимъ себя, естьли не заботимся и не хотимъ ни отъ кого ни чему научиться, и тайно довольны своимъ невѣжествомъ: хотя бы мы и не имѣли тщеславія, подавать другимъ наставленія и совѣты. Уже чрезъ мѣру любимъ себя, естьли слушаемъ отъ другихъ себѣ похвалы, и принимаемъ ихъ за истинныя: хотя бы мы и не искали оныхъ; хотя бы прикрывались хладнокровіемъ; хотя бы изъясняли свои дѣла цѣлями и побужденіями, касающимися пользы нашихъ ближнихъ; хотя бы извинялись въ обнародованіи своихъ доблестей и заслугъ—требованіемъ нашихъ друзей, желаніемъ общества, волею начальства.— Повиновеніе безотвѣтно; скромность молчалива; самоотверженіе, какъ его должно понимать собственно, есть *чудо*, ибо оно дѣло благодати,—и любовь къ Богу, которая одна должна освящать и одушевлять все, что только составляетъ человѣка, по выраженію Св. Отца Церкви, есть *мученичество*.

Послѣдуемъ далѣе за самолюбіемъ, котораго многіе не только не считаютъ порокомъ, но и не хотятъ назвать собственнымъ его именемъ. — По духу Евангельскаго ученія, Христіанинъ беззаконно любитъ себя и тогда, какъ не *гнушается* тою *одеждою, которая осквернена плотію*: (Іуд. 23.) хотя бы и не почиталъ оную своимъ украшеніемъ. Такъ, говоря въ нравственномъ отношеніи, мы часто слышимъ, какъ извиняютъ свои погрѣшности и самые пороки извѣстнымъ характеромъ, сложеніемъ, нетерпѣливостію, вспыльчивостію, и угрожаютъ ею прежде, нежели есть поводъ къ воспламенѣнію оной.

Христіанинъ любитъ себя беззаконно, естьли правду почитаетъ своею: хотя бы и подлинно старался онъ о правдѣ. Христіанинъ зараженъ самолюбіемъ, естьли *по собственнымъ прихотямъ* и по своему образу мыслей *избираетъ себѣ учителей, которые бы льстили слуху*: (2 Тим. 4, 3.) хотя бы онъ и имѣлъ ревностную охоту слушать что нибудь духовное. Христіанинъ есть не иное что, какъ бѣдный рабъ само-

любія, естьли удивляется своему паденію, огорчается имъ чрезъ мѣру, и отъ того впадаетъ въ уныніе: хотя бы онъ и исповѣдалъ свое согрѣшеніе предъ другими. Это посрамленіе духовной гордости, высоко о себѣ мечтавшей. Это печаль не объ оскорбленіи Бога, а объ ущербѣ мнимой святости и совершенства. Словомъ, мы рабы самолюбія тайнаго, но не менѣе гибельнаго, ежели не страшимся смотрѣть на себя съ удовольствіемъ, вопреки заповѣди Спасителя: *Егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключимии есмы*; (Лук. 17, 10.) ежели не желаемъ и не можемъ сносить презрѣнія отъ другихъ, презирая слова Господа и Учителя нашего: *Блажени есте, егда поносятъ вамъ и иждепутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради*. (Матѳ. 5, 11.)

По удаленіи самолюбія, которое все, что есть въ человѣкѣ и вокругъ его, затѣняетъ, и даже представляетъ въ другомъ видѣ, каждая страсть дѣлается виднѣе, каждое движеніе и чувствованіе—ощутительнѣе и раздѣльнѣе, такъ что человѣкъ въ состояніи

бываешь распознать: какая особенно въ немъ страсть, или усилившись болѣе другихъ, дѣйствуетъ явно вопреки разуму и противъ воли, или господствуетъ тайно и хитро, содѣлавшись пріятнѣе и любезнѣе прочихъ,— и тогда употребляешь дѣятельнѣйшее вниманіе на ослабленіе и побѣжденіе сей главной страсти, послѣ которой для всѣхъ другихъ потребны будутъ меньшія усилія.

Поелику страсти, коими человѣкъ порабощается, суть или душевныя или тѣлесныя, т. е. чувственныя вожделѣнія и движенія: то не безполезно при укрощеніи и умерщвленіи тѣхъ или другихъ, наблюдать нѣкоторые особливые образы. Такъ, на прим. естьли нужно преодолѣть и исправить въ себѣ страсть душевную, какъ то гнѣвъ или досаду; то не довольно скрывать только ее внутрь себя или укрывать отъ другихъ: надобно со всѣмъ усиліемъ весь корень ея исторгнуть и истребить, чтобы она не произвела и малѣйшей отъ себя отрасли, или не превратилась, по какому либо сродству, въ другую. А для лучшаго въ семъ успѣха, какъ учатъ опытные наставники, нуж-

но иногда возобновлять тѣ мысли, или опять представлять въ воображеніи тѣ предметы, которые произвели въ душѣ волненіе, дабы, естьли съ ними возобновится и волненіе, опять утишить оное съ большею уже удобностію, продолжая обходиться такимъ образомъ со страстію дотолѣ, какъ вся сила ея оскудѣетъ и скончается. Такъ усмиряется гордость и тщеславіе, когда ей частыя и сильныя раны наносятся презрѣніемъ, строптивостію, или даже холодностію другихъ. Такъ всякая злая болѣзнь врачуется противодѣйствующимъ жестокимъ лѣкарствомъ. По сей-то причинѣ души, распинающіяся на крестѣ своемъ, любятъ всѣ случаи къ терпѣнію, искушенію и брани.

Напротивъ сего, при умерщвленіи страстей или пожеланій плоти, должно поступить иначе. Здѣсь не надобно искать случаевъ къ искушенію, воспоминать въ мысляхъ предметы, возбуждающіе вожделѣніе, для полученія твердаго навыка сражаться съ похотями плоти; но со всевозможнымъ тщаніемъ избѣгать всего, удалять все, и забывать все, что несовмѣстно съ чисто-

ною и святостію вѣры, и соблазнительно для цѣломудрія Христіанина. — Постъ, молитва, бдѣніе, трудъ, а паче частыя размышленія, углубленныя въ многострадальные подвиги и крестную смерть великаго подвигоположника Іисуса Христа: — вотъ тѣ средства, которыя употребляли всѣ Святые въ преодобѣжденіи страстей плоти, и которыя всякому Христіанину употреблять заповѣдуютъ.

Къ симъ же средствамъ безъ сомнѣнія отнести должно и воспоминаніе о страшныхъ и позорнѣйшихъ казняхъ, какія совершены были надъ нечестивыми, и особенно при самомъ дѣйствіи ихъ грѣха, равно какъ и представленіе и памятованіе поразительныхъ угрозъ Божіихъ, которыя неизбѣжно постигаютъ каждаго грѣшника, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ: *Открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду. Ярость и гнѣвъ, скорбь и тѣснота, на всякую душу человѣка, творящаго злое.* (Рим. 1, 18. 2, 9.)

Грѣшникъ, поползновенный на злое! — го

ворипъ одинъ Учитель Церкви, —представь себѣ, какъ въ волнахъ потопа погибъ первый міръ среди своихъ утѣхъ и удовольствій. Представь, какъ беззаконные грады мгновенно сожжены были огнемъ и жупеломъ. Представь, какъ низвергнуты въ бездну Фараоны, Замвріи, Авессаломы, Гоѳоліи, Іезавели, Валтасары, Ироды, и всѣ подобные имъ честолюбцы, плотоугодники, любодѣи и піяницы!—Представь, и ужаснись отъ своего намѣренія!—Не презирай угрозъ Божіихъ, продолжаетъ тотъ же Св. мужъ. Угрожалъ Богъ Адаму смертію, и Адамъ умеръ. Угрожалъ современникамъ Ноя, и всѣ потонули. Презрѣли Египтяне угрозы Его, и погрязли въ Чермномъ морѣ. Презрѣли Израильтяне, и погублены въ пустынѣ. Еще и еще презрѣли, еще и наказаны, побиты, разхищены, изнурены и разсѣяны по всему лицу земли.—Чего же ожидаютъ нынѣ *псы, и чародѣи, и любодѣи, и убійцы, и идолослужители, и всякъ творяй и любяй лжу?* (Апок. 22, 15.) Ей! *аще не покаются, вси такожде погибнутъ!* (Лук. 13, 5.) Чего ожидаютъ новые Капернаумы, домы утѣхъ и веселій, возносящіеся до небесъ?—Они низринутся до

ада, и сокрушатся подъ тягчайшими ударами, нежели какими сокрушены древніе Тиры и Сидоны!—

Ахъ! Слуш! чего ожидаемъ и мы, коль скоро и нашъ слухъ поражаетъ угроза Божія: *Горе вамъ богатымъ: яко уже восприемлете утѣшеніе ваше. Горе вамъ насыщенніи нынѣ: яко взалчете. Горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачете. Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы!*—(Лук. 6, 24—26.) Ежели, говорю, не смотря на сію угрозу, изъ которой ни одна іота не останется безъ исполненія, мы прилѣпляемся къ тлѣннымъ и суетнымъ, и развѣ только для дѣтскаго взора привлекательнымъ вещамъ; ежели со всѣмъ раченіемъ служимъ нашему чреву; ежели съ совершенною разсѣянностію и даже самозабвеніемъ предаемся радости земной, и потому уже недостойной нашего званія и избранія во Христѣ; ежели съ самолюбивою заботливостію ищемъ себѣ одобренія отъ другихъ: то чего мы ожидаемъ, или лучше, что ожидаетъ насъ въ будущности? Продолженіе тѣхъ же земныхъ удовольствій? На-

града вѣчнаго блаженства? — Нѣтъ! Никогда *не было лжи въ устахъ Іисуса Христа!* (1 Петр. 2, 22.) Аминь.

XII.

ПИСЬМО СЫНА КЪ ОТЦУ.

Родитель мой! Дражайшій мой родитель!

Возвращается наконецъ погибельный сынъ твой,—сынъ, недостойный называться симъ священнымъ именемъ! Ахъ! Я глубоко это чувствую, называя тебя отцемъ своимъ. Но я иду къ тебѣ; ибо гласъ сыновней любви, гласъ глубокаго раскаянія заставляетъ меня итти.

Родитель мой! прими своего сына, нѣкогда упорнаго и непослушнаго, теперь раскаявшагося, съ тою снисходительною любовію, съ каковою Отецъ небесный во Христѣ Іисусѣ принялъ меня.

Дражайшій родитель! Богъ во Христѣ Іисусѣ умилосердился надо мною. Теперь я вѣрю, что Іисусъ Христосъ пріялъ даянія и для совершенныхъ отступниковъ, и что Онъ можетъ спасти изъ самаго ада; ибо состояніе души моей было въ полномъ смыс-

лѣ состояніе несчастныхъ во адѣ. О, какая высота и глубина Божественной любви! Какое неизмѣримое море долготерпѣнія и милосердія!

Пространство письма не позволяетъ мнѣ подробно изложить Вамъ плачевную исторію моей жизни во время трехлѣтняго моего удаленія отъ Васъ. Но что можетъ доставить твоему родительскому сердцу утѣшеніе и исполнить твою посвященную Богу душу хваленіемъ Господа, того я не могу теперь не открыть Тебѣ.

Ты знаешь, дражайшій Родитель, только то, сколько воздыханій изъ глубины сердца возсылали вы съ покойною моею матерію къ Богу о злонравномъ, презирающемъ всѣ ваши прозьбы и увѣщанія, сынѣ. Но ты конечно не знаешь послѣдней рѣчи ко мнѣ умиравшей дражайшей моей матери. Смертная болѣзнь уже совершенно разстроила и ослабила всѣ ея силы; но для сей увѣщательной рѣчи она укрѣплена была непосредственно самимъ Богомъ. Она обняла меня дрожащею рукою и говорила мнѣ скорбнымъ

голосомъ, который проникъ до глубины души моей: „Сынъ мой, единственный сынъ, дитя безчисленныхъ слезъ, пролитыхъ мною и благочестивымъ отцемъ твоимъ? Посмотри на мать твою, лежащую на одрѣ смертномъ. Ахъ! нѣкогда и тебя постигнетъ сей неизбѣжный часъ смерти; — и что будетъ тогда съ тобою? О сынъ мой! помысли, что жизнь кратка, а вѣчность безконечна! Скоро я оставлю тебя. Я оставляю тебя отчасти съ прискорбіемъ, отчасти съ утѣшеніемъ и радостію. Я знаю, что ты доведешь сердце свое до крайняго ожесточенія, и умышленно удалишься на путь пагубы. Но Богъ утѣшилъ мое сердце твердою надеждою, что Онъ исторгнетъ тебя, какъ уголь, изъ пламени и представитъ въ тебѣ міру живое доказательство своего безконечнаго милосердія."

Въ сіе время я залился слезами. Но, къ несчастію, то были болѣе слезы скорби о близкой разлукѣ съ моей дражайшею матерью, нежели слезы раскаянія. Матернія увѣщанія скоро были забыты. Я день и ночь выдумывалъ планъ, какимъ бы

образомъ успокоить мнѣ утомительное желаніе свободы и независимости и утолить жажду къ удовольствіямъ міра. Родительскій домъ сталъ для меня чрезвычайно тѣсенъ, и твоя, дражайшій Родитель, священная важность и постоянно благоговѣйный взоръ содѣлались для меня несносны. Я не могъ долѣе оставаться при тебѣ; оставилъ твой домъ, и переходилъ изъ села въ село, изъ города въ городъ, не зная самъ, куда. Я былъ попеременно то свадебнымъ музыкантомъ, то фехт-мейстеромъ и танц-мейстеромъ, то домашнимъ учителемъ и переписчикомъ нотъ, даже въ продолженіи шести или седми мѣсяцовъ я былъ помощникомъ конюшаго. Теперь я не заботился о томъ, чтобы быть чѣмъ-либо почтеннымъ и славнымъ въ мірѣ. Для меня было все равно, въ почтеніи ли я, или нѣтъ. Я хотѣлъ только наслаждаться бытіемъ моимъ.

Дважды я былъ опасно болѣнъ; въ оба раза — безъ всякаго попеченія, безъ лѣкаря и лѣкарствъ, потому что на все это не было у меня денегъ; такъ что своимъ выздоровленьемъ я обязанъ единственно Боже-

*

скому милосердію, которое сохранило меня, дабы прославиться во мнѣ, недостойнѣйшемъ онаго. Въ тотъ и другой разъ въ моей болѣзни, я не оставался безъ посѣщенія милующей благости. Я даже ощущалъ въ себѣ нѣкоторое начало той Божественной скорби и того блаженнаго раскаянія, въ которомъ никто не раскаевается. Но нива моего сердца въ продолженіи времени совершенно запустѣла и заросла терніемъ и волчцами, такъ, что доброе сѣмя не могло укорениться и пустить ростка. Я не мыслилъ о Богѣ; естественно, что я не думалъ также и о посѣщеніи Богослуженія. „Богослуженіе есть предметъ благочестиваго, а я не благочестивъ, и не желаю быть таковымъ. Для меня довольно и того, чтобы не быть злымъ; и я не золъ, поелику никому изъ моихъ ближнихъ не дѣлаю обиды и оскорбленія.“ Такъ разсуждалъ я въ моемъ ослѣпленіи; и такъ я жилъ въ настоящемъ моемъ состояніи, почти какъ одинъ живый человѣческій трупъ, безъ безсмертной души.

Наконецъ здѣсь добрый Пастырь обрѣлъ убѣгшую овцу, за которою Онъ невидимо

слѣдовалъ, не утомляясь. Я долженъ назвать себя овцею убѣгшею, дикою, а не только заблудшею, потерянною. Но тѣмъ непостижимѣе великость любви величайшаго Друга грѣшниковъ, что Онъ, не смотря на сіе, помышлялъ о мнѣ, и не переставалъ меня искать, доколѣ не нашелъ.

Сколько горестно должно было отзываться въ твоемъ родительскомъ сердцѣ все то, что я доселѣ разсказывалъ; столько пріятно будетъ твоей душѣ чувствовать удовольствіе отъ того, что теперь будешь читать.

Я уже признался, что со времени удаленія моего изъ твоего дома я ни однажды не посѣщалъ церкви.

Но случилось, что меня въ одинъ Воскресеный день приглашали къ обѣдни, слушать пѣвчихъ и проповѣдь. Я согласился. Мое намѣреніе было, послушать пѣвчихъ, а отъ проповѣди уйти. Но частію стыдъ, частію, самъ не знаю, что-то остановило меня. Проповѣди я не слушалъ, но бродилъ моими

мыслями по пространному міру. Я слышалъ только избранный текстъ. То была притча о блудномъ сынѣ. Окончаніе проповѣди, противу моей воли, возбудило мое вниманіе. Проповѣдникъ на нѣсколько времени остановился. Сіе сдѣлало меня внимательнымъ. Глубокая тишина царствовала во всемъ собравшемся народѣ. Тогда Проповѣдникъ началъ говорить важнымъ и вмѣстѣ умилительнымъ голосомъ:

„Благочестивыя, искупленныя дорогою цѣною, души! Можетъ быть, даже и здѣсь между нами есть распутный несчастный сынъ, который, въ удаленіи отъ дома добраго отца своего, ищетъ насытиться пищею свиней. Ибо вы слышали, что даже нѣкоторый богачь, наполнявшій чрево свое избраннѣйшими яствами, бѣдную душу свою долженъ былъ питать пищею свиней потому, что оставилъ домъ и трапезу Небеснаго своего Отца. Естьли ты дѣйствительно находишься между нами, неблагодарный сынъ; то исправься и возвратись къ отцу своему! Посмотри здѣсь въ Евангеліи, съ какимъ веселіемъ выдетъ къ тебѣ на встрѣчу добрый отецъ твой, и падетъ на выю

твою! Я прошу тебя именемъ Іисуса Христа! Исправься, встань и иди къ отцу своему!

Сіи слова, подобно молніи, потрясли всего меня. Не знаю, мечта ли, или это было дѣйствительно, только мнѣ казалось, что Проповѣдникъ въ продолженіе своего заключенія, не спуская глазъ, смотрѣлъ на меня. Сіе усугубило дѣйствіе Слова на мое сердце. Я до такой степени былъ разтроганъ, что отъ безпокойства не могъ оставаться въ церкви; потому что мнѣ сдѣлалось тошно. Я ушелъ въ рощу, палъ на землю и громкимъ голосомъ взывалъ: Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному. Отъ тѣсноты сердца я немогъ ни мыслить, ни говорить что либо другое, а только непрестанно повторялъ: Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному. Вѣчное милосердіе, которое проникаетъ на голосъ души, услышало плачевный вопль мой. Скорбь моя такъ была велика, какъ будто сердце мое разорвалось во мнѣ на двое. Наконецъ источникъ слезъ излился изъ глазъ моихъ, и моя скорбь измѣнилась въ кроткое умиленіе. Я возвелъ глаза мои

къ небу и воззвалъ: Агнецъ Божій, Ты, который носишь грѣхи мои, умилосердись надо мною!

Но ахъ! возможно ли до такой степени возлюбить столь упорнаго грѣшника, каковъ былъ я? Когда я еще помолился и воззвалъ: Іисусе! Агнче Божій, умилосердись надо мною; Онъ уже умилосердился. Неописанное нѣкое сладостное чувство утѣшенія и спокойствія проникло меня. Я не слышалъ тѣлесными ушами, но я чувствовалъ во внутренности души моей нѣкій голосъ, который изрекъ мнѣ миръ. Я всталъ съ земли и почувствовалъ подкрѣпленіе въ душѣ и тѣлѣ, какъ будто бы я дышалъ совершенно другимъ воздухомъ, нежели прежде. Я возвратился въ мое жилище, исполненный глубокаго стыда и вмѣстѣ нѣкоей тихой радости. Здѣсь—въ своей комнатѣ я опять палъ на колѣна; и уже окончилъ мою молитву благодарностію и хваленіемъ. Теперь я горѣлъ желаніемъ, поспѣшить къ тебѣ, дражайшій мой Родитель! дабы съ тобою раздѣлить мою радость, и излить бальзамъ въ твое отеческое сердце, обливающееся

кровію; хотя я не зналъ, въ живыхъ ли ты, или, можетъ быть, обитаешь уже въ вѣчныхъ селеніяхъ. Впрочемъ сія неизвѣстность продолжалась не долго. Скоро узналъ я, что ты еще живъ; немедленно собираюсь въ дорогу, и надѣюсь, что въ слѣдующую Субботу омочу руки твои слезами: ибо совершенно увѣренъ, что ты простишь меня.

XIII.

ЦАРЬ ЦАРЕЙ И ГОСПОДЬ ГОСПОДЕЙ.

На одеждѣ и на бедрѣ Его написано имя: Царь надъ царями и Господь надъ господами. Апок. 19, 16.

Восточные цари обыкновенно именовались и нынѣ еще именуются царями царей и владыками владыкъ.

Священное Писаніе всѣхъ вообще людей, царей и ихъ подданныхъ, высшихъ и низшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ именуетъ прахомъ, бреніемъ и землею. Однакожъ гордое человѣческое сердце часто услаждается и надмевается честію и высокими наименованіями, которыя не твари, но изключительно одному только Творцу принадлежатъ.

Но, о когда бы именующіе себя великими и сильными познали Единаго истинно-Великаго и Сильнаго, Мессію, Іисуса Христа!

Размыслимъ о высокомъ имени Мессіи,

которое читается въ откровеніи Іоан. 19, 16. *Царь надъ царями и Господь надъ господами.* Весьма многознаменательно мѣсто, на которомъ написано сіе имя.

Оно написано *на одеждѣ и на бедрѣ Его.*

На одеждѣ, обагренной кровію примиренія и кровію убіенныхъ Имъ враговъ; — знаменіе того, что Его царство основано на славномъ концѣ Его кровавой ходатайственной смерти.

Мѣсто Писанія, изъ котораго заимствованъ избранный нами текстъ, говоритъ о трехъ именахъ Мессіи.

1. Онъ имѣетъ *имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ Его самаго.* — Никакой Ангелъ предъ престоломъ Вышняго, никакой человѣкъ на землѣ не знаетъ Сына; Его знаетъ только Отецъ. Сіе имя, котораго никто не знаетъ, указуетъ на вѣчное величіе и Божественность Мессіи.

2. *Слово Божіе,*—наименованіе, указываю-

щее на глубокое таинство Его Божественной личности.

3. Имя нашего текста: *Царь надъ всѣми царями и Господь надъ всѣми господами,* означаетъ прославленіе Сына человѣческаго, посредника между Богомъ и людьми, который, чрезъ страданія и смерть *вошедши въ славу Свою,* увѣнчанъ былъ отъ Отца честію, — и Ему *дана всякая власть на небѣ и на землѣ* — власть, которою Онъ дѣйствуетъ не какъ Богъ, *благословенный во вѣки,* но какъ Сынъ человѣческій, принесшій Себя на крестѣ въ жертву правосудію Божію за грѣхи человѣковъ. За сію то жертву Его добровольнаго послушанія Ему дано сіе имя, которое превыше всякаго имени.

Сіе имя читаютъ на Немъ и познаютъ еще здѣсь всѣ, вѣрующіе въ Него. Они познаютъ его своимъ щитомъ во брани, своею защитою въ опасностяхъ, своею силою въ немощахъ, своимъ утѣшеніемъ и радостію во всѣхъ несчастіяхъ и скорбяхъ.

Нѣкогда прочтутъ и познаютъ его всѣ, живые и мертвые. Всѣ очи узрятъ его, всѣ сердца взыграютъ или вострепещутъ предъ нимъ.

Сіе имя написано также и на Его бедрѣ— на томъ мѣстѣ нашего тѣла, которое препоясывается мечемъ, знаменіемъ могущества и мщенія. *Препояшь*, взываетъ Псалмопѣвецъ къ Жениху Церкви, *препояшь бедро Твое мечемъ, честію Твоею и красою Твоею*. Пс. 44, 4.

Такимъ образомъ въ нашемъ текстѣ указывается вмѣстѣ и на то, что Царь царей навсегда удержитъ за собою право Царя, во всемъ пространствѣ и силѣ его значенія. Ибо Его имя не есть только одно блистательное титло. Имя Мессіи, Царя царей, есть высочайшая полнота истины и дѣйствительности, силы и жизни.

Онъ дѣйствительно есть то, чѣмъ Онъ называется. Онъ правитъ и располагаетъ сердцами царей земныхъ, какъ источниками рѣкъ; съ неограниченною властію владыче-

ствуетъ надъ воинствомъ небеснымъ и надъ всѣми, живущими на землѣ. Никто не можетъ остановить всемощной руки Его, или сказать Ему: что Ты дѣлаешь?

Возстаютъ ли цари земли и вельможи собираются вмѣстѣ противъ Него;—Онъ, *живущій на небесахъ, осклабляется, и Господь смѣется имъ.* Псал. 2, 4. Всѣ намѣренія и замыслы сильныхъ земли, сопротивляющихся Ему, должны содѣйствовать исполненію Его святой воли и достиженію Его премудрыхъ и благихъ цѣлей.

Вы спросите, можетъ быть: для чего попускаетъ Онъ людямъ, сопротивляться Его волѣ? На сіе отвѣтствуетъ намъ Фараонъ.

Фараонъ противился Ему, презирая всѣ Его увѣщанія и угрозы, — и низринулся въ бездну погибели. Въ семъ событіи открылось могущество Божіе не только для народа Израильскаго, но и для всѣхъ сопредѣльныхъ съ нимъ народовъ. Не Богъ былъ виною ожесточенія Фараонова; ибо Онъ не

можетъ побудить ко грѣху. Не солнце, но удаленіе отъ солнца производитъ тьму. Не теплота солнечная, но недостатокъ сей теплоты превращаетъ въ ледъ воду; ибо теплота солнца, въ высочайшей своей степени, самые твердые металлы можетъ превратить въ воду. Такъ и человѣческое сердце. Только всемощное дѣйствіе Св. Духа, источника свѣта и жизни, можетъ освѣтить и содѣлать мягкимъ мрачное и жестокое сердце человѣка. Безъ сего дѣйствія оно навсегда останется мрачнымъ и жестокимъ.

Цари земные, въ самомъ злоупотребленіи своей власти, въ самомъ ревностномъ исполненіи плановъ своего честолюбія и властолюбія, не болѣе значатъ, какъ орудія и рабы Царя царей, орудія Его суда и Его милости, чрезъ которыя онъ наказываетъ племена беззаконнующія, или отверзаетъ двери и открываетъ пути благословеніямъ Евангелія.

Побѣдоносные завоеватели, Сеннахиримъ и Навуходоносоръ, были только *сѣкира* и *пи-*

ла въ рукѣ Царя царей. (Ис. 10, 15.) посѣтившаго наказаніемъ вѣроломный и непокорный народъ свой. Оба они имѣли сообразныя съ ихъ состояніемъ препорученія, которыя они должны были въ точности исполнить, но которыхъ предѣла они не смѣли переступить. Они имѣли свои собственные планы и намѣренія; Богъ имѣлъ другія. Какъ скоро Божескія намѣренія были чрезъ нихъ исполнены, мы ничего далѣе не слышимъ о намѣреніяхъ ихъ собственныхъ.

Подобные примѣры и въ новѣйшія времена нерѣдки; можетъ быть, только рѣдко замѣчаются нами. Часто люди принимаютъ что—либо изъ какихъ нибудь своекорыстныхъ побужденій, изъ честолюбія или любостяжанія; но Царь царей исполняетъ чрезъ нихъ свои великія и святыя намѣренія, которыхъ сами они никогда не имѣли, и противъ которыхъ даже, естьли бы только они познали ихъ, всѣми силами вооружились бы.

Но самымъ неоспоримымъ доказательствомъ Его неограниченнаго владычества

надъ всѣми народами и владыками земли служитъ сохраненіе Его Церкви.

Міръ ненавидитъ малое стадо Пастыря Іисуса; на землѣ нѣтъ такой сильной руки, которая была бы въ состояніи защитить его отъ всѣхъ враждебныхъ нападеній. При всемъ томъ оно находится въ безопасности. Ярости неистовствующихъ его гонителей, подобно какъ ярости свирѣпствующихъ волнъ океана, назначены предѣлы, которыхъ она прейти не можетъ. Ихъ ненависть дѣйствуетъ столько, сколько она должна дѣйствовать по намѣреніямъ вѣчно мудрой Благости. Всемощно, хотя таинственно, Царь царей совершаетъ свое дѣло, невидимо для ока, непросвѣщеннаго Его словомъ и духомъ.

Его премудрость попустила хитрому Ахитофелу, дать мятежнику — Авессалому злодѣйскій самъ въ себѣ, но по общему предразсудку исполненный благоразумія совѣтъ, послѣдовавши которому, мятежный сынъ могъ имѣть въ злодѣйскихъ рукахъ своихъ несчастнаго отца своего. Давидъ молился. *Господи, Боже мой,* взывалъ онъ изъ глу-

бины стѣсненнаго сердца, *разруши совѣтъ Ахитофелевъ!* 2 Цар. 15, 31. Господь могъ исполнить молитву раба Своего, лишивши разума злаго совѣтника. Молитва была исполнена, можетъ быть, менѣе чуднымъ, но не менѣе дѣйствительнымъ образомъ. Она исполнена была тѣмъ, что мятежный сынъ благоразумному совѣту Ахитофела предпочелъ безразсудный, но ласкающій его честолюбію, совѣтъ Хусія.

Иногда Господь попускаетъ взаимному несогласію враговъ своихъ дѣйствовать ко благу Своей Церкви; когда одна какая нибудь сторона единственно для ослабленія другой, враждебной ей, покровительствуетъ такимъ людямъ, которыхъ она совершенно ненавидитъ. Такъ Апостолъ Павелъ жестокости Іудейскаго Суда избѣжалъ посредствомъ раздора, происшедшаго между членами онаго — Саддукеями и Фарисеями, которые старались ослабить другъ друга.

Нерѣдко видимъ правителей царствъ дѣйствующими совершенно вопреки своимъ намѣреніямъ, такъ что, стараясь достигнуть

предположенной цѣли, они далеко уклоняются отъ оной, и на свои собственныя рамена возлагаютъ то иго, которое умышляли возложить на другихъ. Такъ на пр. Ровоамъ. Одна небольшая снисходительность могла бы привлечь къ нему сердца двенадцати колѣнъ. Весьма страннымъ для насъ кажется, что онъ не могъ преповѣдить себя, одинъ только часъ ласково поговорить съ народомъ, имѣя намѣреніе, сими немногими словами содѣлать его навсегда себѣ рабомъ. Но сія странность изчезаетъ, когда мы читаемъ, что это такъ устроено было Богомъ, (3 Цар. 12, 24.) который чрезъ сіе исполнилъ заключавшееся въ совѣтѣ премудрости Его раздѣленіе Іуды и Израиля.

Чрезъ подобное сцѣпленіе обстоятельствъ спаслись нѣкогда Іудеи, находившіеся въ Персіи, отъ злодѣйскихъ рукъ кровожаднаго Амана. Царь, противъ обыкновенія, проводитъ ночь безъ сна; Канцлеръ читаетъ предъ нимъ изъ лѣтописи его царства именно то мѣсто, которое содержало въ себѣ заслуги, оказанныя Мардохеемъ: — естьли бы всего

сего не случилось, то не совершилъ ли бы Аманъ злыхъ своихъ намѣреній?

Подобнымъ образомъ чрезъ сцѣпленіе обстоятельствъ, въ частности большею частію незначительныхъ, а вообще кажущихся только случайными, Господь весьма часто разстроиваетъ самые обдуманные планы мудрыхъ и сильныхъ, въ ту самую минуту, когда они съ несомнѣнною увѣренностію ожидаютъ счастливаго успѣха оныхъ.

Великія, благотворныя и утѣшительныя слѣдствія вытекаютъ для насъ изъ таковыхъ примѣровъ! Конечно онѣ не новы; но наша слабость имѣетъ нужду въ воспоминаніи того, что мы уже прежде познали. Здѣсь мы усматриваемъ сильныя побужденія къ несомнѣнному упованію на Бога. Ибо естьли Господь воинствъ, Господь всѣхъ господовъ *за насъ*; то кто *противу насъ*? Пусть мракъ покрываетъ всю землю; пусть бѣдствія распространяются вокругъ насъ: мы не боимся, не трепещемъ. Крѣпкая десница хранитъ Церковь Іисусову. Всемощная сила поддерживаетъ ее въ ея опасно-

стяхъ. Благодать Св. Духа утѣшаетъ и укрѣпляетъ ее, когда она начинаетъ изнемогать подъ ударами искушеній. Иногда, по видимому, Господь оставляетъ ее; но въ самомъ дѣлѣ Онъ не оставляетъ ее никогда. И каждый въ частности членъ Церкви, ввѣряя Ему себя и всѣ нужды свои, чуждъ страха и печали. Ибо онъ знаетъ, что всѣ власы главы его сочтены, и безъ воли Отца его ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ. Никакое бѣдствіе не можетъ постигнуть его, естьли Онъ не соизволитъ на то, съ тѣмъ благимъ намѣреніемъ, чтобы посредствомъ временнаго несчастія содѣлать его способнымъ къ наслажденію вѣчнымъ, истиннымъ блаженствомъ.

Повергнемся убо и возблагоговѣемъ предъ несказаннымъ снисхожденіемъ и любовію Всемогущаго! — *Господи, Господи! что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и что есть сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его?* Пс. 8, 5.

Но Его милосердіе простирается еще далѣе. Онъ хранитъ, питаетъ и объемлетъ

безконечною любовію и творенія преступныя, вѣроломныя. Его око всегда призираетъ на нихъ; Его ухо отверзто къ молитвѣ ихъ. Ни одинъ скорбный взоръ ихъ очей, ни одна слеза на ихъ ланитахъ, ни одинъ вздохъ сердца не остаются незамѣченными Имъ. Онъ щадитъ ихъ, какъ отецъ щадитъ своего сына, и печется о томъ, чтобы тяжести ихъ были всегда соразмѣрны съ ихъ силами, и ихъ силы — съ ихъ тяжестями.

Какихъ высокихъ преимуществъ удостоиваются Сыны Его царства!—Любимцамъ царей земныхъ міръ обыкновенно ласкательствуетъ и завидуетъ. А Святые—возлюбленные Божіи остаются въ презрѣніи; ихъ участь скорѣе бываетъ предметомъ сожалѣнія, нежели зависти. За то сами они вполнѣ чувствуютъ блаженную участь свою, и, будучи любимцами Царя царей, они желаютъ другъ другу единственнаго счастія, быть навсегда никогда возлюбленными Его. Они сутъ сыны и дщери Всемогущаго. Они богатѣе богатѣйшихъ на землѣ; ибо все ихъ (1 Кор. 3, 21.). Царь царей признаетъ ихъ своими. Онъ признаетъ ихъ нѣкогда своими благословен-

ными и возлюбленными предъ всѣми Ангелами и человѣками. Какимъ изумленіемъ и ужасомъ поражены будутъ ихъ гордые презрители, когда увидятъ ихъ,—нѣкогда за ничто вмѣняемыхъ, сіяющими подобно солнцу въ царствѣ Отца ихъ.

Кто можетъ оплакать неразуміе и гибельное состояніе тѣхъ, которые остаются упорными въ своемъ противленіи Царю царей! Долготерпитъ милосердіе Господа. Оно ждетъ обращенія ихъ. Но день приближается, въ который они узнаютъ, что Господь творитъ правду. Пс. 9, 17.

Трепещите, ожесточенные, страшнаго дня суда, когда стихіи поколеблются, когда разкроется книга дѣяній человѣческихъ предъ праведнымъ Судіею, предъ которымъ станетъ весь родъ человѣческій!—Приближимся къ Нему теперь, когда Онъ еще сѣдитъ на престолѣ благости, и когда еще отверзта намъ дверь къ Его милосердію.

Молю васъ, братія мои, молю и увѣщаваю именемъ Іисуса Христа. Доколѣ естъ

еще у насъ *нынѣ*, доколѣ еще не поздо. Но, о человѣкъ! кто поручится тебѣ за *завтра*? Знаешь ли ты,—можетъ быть, сію же ночь потребуется отъ тебя душа твоя?— И такъ пробудитесь, спящіе! Взыщите *Единаго на потребу*! Взыщите Господа, да спасется и жива будетъ душа ваша!—

XIV.

О ПОЧИТАНІИ ХРАМОВЪ БОЖІИХЪ.

Храмы, разсматриваемые, какъ зданія просто, не могутъ имѣть для насъ никакой высшей цѣны, никакого отличнаго достоинства, какъ и всякое другое дѣло рукъ человѣческихъ. Правда, что когда мы взираемъ на сіи величественныя и великолѣпныя зданія, тогда раждается вь насъ нѣкоторое торжественное и высокое чувство. Но то же самое возбуждаютъ въ насъ и другія произведенія искусства. При томъ, храмы сіи суть также дѣла рукъ человѣческихъ, и они подвержены тлѣнію и разрушенію, и они мало по малу снѣдаются временемъ, и они не могутъ противостоять землетрясеніямъ и молніямъ. Съ другой стороны, можемъ ли мы, покланяющіеся Богу, Который сотворилъ міръ и все, въ немъ находящееся, Который есть владыка неба и земли, можемъ ли мы думать, чтобы сей Богъ, вездѣсущій, обиталъ только въ храмахъ, созданныхъ слабыми руками; чтобы сей Богъ, невмѣстимый, ограниченъ былъ тѣснымъ ихъ

пространствомъ, и въ нихъ только изливалъ на насъ дары благодати Своей? Нѣтъ! Благоволеніе Неизмѣримаго и Безконечнаго не можетъ быть ограничено извѣстными мѣстами. Мертвое зданіе, само по себѣ, не можетъ дѣлать насъ участниками любви Божіей, не можетъ низводить на насъ благословенія Божія: ибо самъ Іисусъ Христосъ научаетъ насъ и словомъ и дѣломъ, что одна только праведная, Богобоязливая и исполненная любви жизнь, одна только смиренная, дѣтская покорность предъ Богомъ, дѣлаетъ насъ Ему благоугодными; что *истинные поклонники* Божіи суть тѣ, которые *кланяются* Ему *въ духѣ и истинѣ*, Іоан. 4, 23. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что зданіе и мѣсто Христіанскаго храма, само по себѣ, не можетъ имѣть никакой высшей цѣны, не можетъ представлять ничего особенно священнаго, какъ и всякое другое произведеніе рукъ человѣческихъ.

Однако изъ сего не должны мы тотчасъ заключать, чтобы Христіанскіе храмы вовсе не имѣли никакого высшаго достоинства, и не заслуживали никакого особенна-

го уваженія. Они должны быть для насъ священны по ихъ *высокому назначенію и употребленію.*—Мы не можемъ хладнокровно и равнодушно взирать и на другія великолѣпныя зданія, которыя назначены для достиженія благородныхъ и полезныхъ намѣреній. Величественные домы, въ которыхъ нѣжные умы юношей озаряются истиннымъ просвѣщеніемъ; знаменитые чертоги правосудія, въ которыхъ царствуетъ правда и милость; обширныя заведенія общежительной дѣятельности, въ которыхъ неимущіе снискиваютъ хлѣбъ для себя и семействъ своихъ; всѣ таковыя мѣста возбуждаютъ въ насъ особенное трогательное чувство. Тамъ, думаемъ мы, благородныя силы человѣческія развиваются и образуются для блага человѣчества; здѣсь, справедливость торжествуетъ надъ любостяжательнымъ коварствомъ, и отираются слезы неправедно угнѣтенныхъ; а здѣсь, нуждающіеся въ насущномъ пропитаніи не отягчаются мучительною заботою о слѣдующемъ, и обращаютъ веселый взоръ къ будущему: и такимъ образомъ мѣста сіи имѣютъ для насъ что-то высокое, достойное уваженія.

Но что значатъ всѣ сіи мѣста въ сравненіи съ Христіанскими храмами? Ибо къ чему назначены сіи послѣдніе? Мірскими ли дѣлами въ нихъ занимаются? О земныхъ ли нуждахъ въ нихъ заботятся? Временнаго ли пропитанія, чувственныхъ ли наслажденій въ нихъ ищутъ? Нѣтъ, Христіанскіе храмы имѣютъ гораздо высшее назначеніе. Они посвящены исключительно молитвѣ; и по сему по самому должны быть для насъ священны. Здѣсь духъ человѣческій долженъ оставить малозначущія земныя заботы, долженъ отторгнуться отъ мірскихъ занятій, и пещись о высшихъ, вѣчныхъ потребностяхъ; здѣсь онъ долженъ забыть границы конечнаго, и погрузясь въ чувствованіе высшаго званія своего, возноситься къ области безконечнаго; здѣсь долженъ подавить низкое стремленіе къ скоропреходящимъ удовольствіямъ, познавать высщія нужды, и искать наслажденія небесными радостями; здѣсь долженъ искать и находить бальзамъ для всѣхъ ранъ, неизбѣжныхъ въ жизни. Храмъ есть мѣсто, въ которомъ человѣкъ, въ благоговѣйномъ возношеніи духа, можетъ снискивать и питать все высокое и слав-

ное, что только трогать его может. Его безсмертный духъ жаждетъ познанія о томъ, что находится за предѣлами сего міра; онъ желаетъ созерцать Бога, Его волю, Его святыя опредѣленія: въ домѣ Господа онъ можетъ и долженъ утолить сію жажду, сколько то позволяютъ предѣлы смертности. Его сердце угнѣтается бременемъ жизни, и сокрушается чувствомъ вины: въ домѣ Господа онъ получаетъ облегченіе, и обрѣтаетъ миръ душевный, ибо здѣсь возвѣщается ему прощеніе и благодать и помощь отъ неба. Его слабая воля изнемогаетъ при безчисленныхъ препятствіяхъ къ добру; онъ впадаетъ въ уныніе, чувствуя свою немощь: въ домѣ Господа онъ можетъ найти ободреніе и подкрѣпленіе, естьли возноситъ сердце къ Тому, который производитъ въ насъ и хотѣніе и исполненіе добра. Такъ! въ Христіанскихъ храмахъ мы забываемъ міръ и его похоть, и на священныхъ крылахъ молитвы возлетаемъ къ истинному Отцу всѣхъ, называющихся дѣтьми на небѣ и на землѣ. И такъ храмы должны быть для насъ священны; ибо они исключительно назначены для молитвы.

При томъ они назначены для торжественной, общественной молитвы; и сіе даетъ имъ совершенно особенную, отличную важность,—въ семъ отношеніи они суть *единственны въ своемъ родѣ.* Ибо есть ли кромѣ нихъ другія мѣста, въ которыхъ бы всѣ вообще собирались съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, чтобы посредствомъ благоговѣйнаго размышленія о Богѣ и Его угодникахъ укрѣпиться на брань съ зломъ? Гдѣ въ другомъ мѣстѣ слышать можно столь ясный и откровенный голосъ истины, какъ въ Христіанскихъ храмахъ, въ которыхъ она свободно и необинуясь открывается всѣмъ и каждому; въ которыхъ говоритъ она но всѣмъ вообще, и никогда не возстаетъ на частныя лица; въ которыхъ каждый удобно прилагаетъ ее къ самому себѣ; въ которыхъ она находитъ путь къ человѣческому сердцу, и можетъ производить глубокія, спасительныя впечатлѣнія? При томъ, поелику она вѣщаетъ здѣсь открыто, поелику тысячи съ благоговѣніемъ внимаютъ ей, поелику тысячи единогласно даютъ торжественный обѣтъ повиноваться ей; то сіе самое можетъ увеличить ея силу, и возвы-

сить ея спасительное дѣйствіе на сердца наши. Таковы суть Христіанскіе храмы, какъ мѣста собранія для общественнаго, открытаго Богослуженія, въ которыхъ сердца ожесточенныя сильно потрясаются, холодныя внутренно согрѣваются, легкомысленныя крѣпко утверждаются, падшія удобно возстаютъ, слабыя получаютъ твердое укрѣпленіе, страждущія—сладостное утѣшеніе. Уже ли таковыя мѣста всеобщаго возвышенія духа и истиннаго исправленія не должны быть для насъ священны?

Но еще живѣе мы почувствуемъ сіе, когда помыслимъ, что они, какъ *видимые образы царствія Божія*, служатъ къ сильномуназиданію нашему. Какъ легко теряемъ мы изъ виду главную цѣль общественной жизни! Что мудрое провидѣніе Божіе поставило людей въ тѣсныхъ связяхъ, и дало имъ соединиться въ общества и государства, дабы они могли пріобрѣтать внѣшнее благосостояніе и удобности въ жизни, дабы могли взаимно облегчать заботы о пищѣ и одѣяніи, и снискивать общую безопасность; это всякой легко усматриваетъ.

Но что есть еще высшая цѣль соединенія людей въ общества; что чрезъ сіе сердца должны быть болѣе сближены и связаны нѣжными узами любви, дабы они поощряли другъ друга къ вѣрному исполненію добродѣтели, дабы съ живою вѣрою въ Бога старались совокупно о постоянномъ подражаніи высокому образу Сына Его, и такимъ образомъ среди себя представляли бы вѣчное царство Божіе, котораго мы прежде всего искать должны: о семъ почти никто не заботится и не думаетъ въ ежедневной жизни. Но не такъ бываетъ въ Христіанскихъ храмахъ. Когда здѣсь съ благоговѣніемъ собирается благочестивое общество; когда здѣсь оно съ дѣтскою довѣренностію возсылаетъ молитвы Тому, который далъ міру Сына Своего; когда оно торжественно обѣщаетъ послѣдовать ученію сего Сына и подражать Его добродѣтели; когда здѣсь каждый членъ сего общества торжественно обнаруживаетъ благочестивыя чувствованія, желанія и намѣренія; когда здѣсь на глазахъ блистаютъ слезы умиленнаго, иногда радостнаго, иногда сокрушеннаго чувствованія: тогда кажется, что мы исторгаем-

ся изъ видимаго, возносимся къ лучшему мі-ру, и какъ бы тѣлесными очами видимъ царство небесное, видимъ соединеніе душъ подъ святымъ владычествомъ Божіимъ. Естьли ты никогда еще не имѣлъ сихъ опытовъ; естьли ты сомнѣваешься въ томъ, что одинъ взоръ на собранныхъ въ храмѣ благочестивыхъ Христіанъ можетъ быть толико назидателенъ, потому что ты уже неоднократно видѣлъ ихъ, не ощущая сихъ высокихъ впечатлѣній: то не забывай, что продолжительная привычка часто раждаетъ хладнокровіе даже къ священнѣйшимъ предметамъ, естьли мы не бодрствуемъ надъ собою тщательно. Но представь себѣ, что иностранецъ изъ отдаленной части свѣта въ первый разъ входитъ въ Христіанскій храмъ, въ первый разъ усматриваетъ въ глазахъ и движеніяхъ всѣхъ присутствующихъ выраженіе внутренняго благоговѣнія; и вообрази, что онъ чувствовать долженъ? Не скажетъ ли онъ: здѣсь Богъ, здѣсь Церковь Господа, здѣсь царство небесное! не увлечется ли общимъ благоговѣніемъ, не возведетъ ли очей къ небу, и не станетъ ли молиться: Отецъ небесный! да пріидетъ и

на меня царствіе твое! — Такъ, священны должны быть для насъ храмы Божіи! Изъ нихъ восходятъ къ небу благоговѣйныя молитвы вѣрующихъ; въ нихъ явно и торжественно раздается голосъ истины, и проникаетъ сердце, ихъ видъ назидаетъ насъ, какъ видимый образъ царствія Божія.

Христіане! вы, которые кланяетесь Господу неба и земли; вы, которые съ радостнымъ усердіемъ входите въ домы Божіи! вы имѣете священный долгъ, оказывать имъ уваженіе не только наружнымъ образомъ, но и благочестивымъ чувствомъ, и благочестивою жизнію. Естьли вы только въ святомъ храмѣ помышляете о Богѣ, а въ ежедневной жизни не стараетесь о исполненіи воли Его; естьли вы только въ храмѣ съ благоговѣніемъ молитесь Богу и торжественно обѣщаетесь повиноваться Ему, а въ ежедневной жизни служите вашимъ похотямъ; естьли только въ храмѣ принимаете въ сердца ваши сѣмя Божественнаго слова, а между житейскими заботами подавляете оное, и не приносите плода; естьли только въ храмѣ исповѣдуете Іисуса Христа, а въ ежед-

невной жизни не послѣдуете образу, который далъ Онъ: то какую пользу приноситъ ваше благоговѣніе, ваше уваженіе къ храмамъ? не по справедливости ли міръ будетъ называть ваше Богослуженіе лицемѣрнымъ, или безполезнымъ? Напротивъ того, естьли вы не только въ храмѣ Божіемъ благоговѣете предъ Господомъ, но и внѣ онаго отличаете себя несомнительностію, увѣренностію въ истинахъ Вѣры, честностію въ жизни и поведеніи, постояннымъ терпѣніемъ и твердымъ на Бога упованіемъ въ несчастіи, воздержаніемъ и скромностію въ счастіи, вѣрностію и любовію въ супружествѣ, нѣжностію и благоразуміемъ въ воспитаніи дѣтей, миролюбіемъ, безкорыстіемъ, и братолюбіемъ ко всѣмъ ближнимъ; однимъ словомъ, естьли вы отличаете себя Христіанскимъ просвѣщеніемъ и Христіанскою дѣятельностію: то блаженны вы; домъ Господень святится чрезъ васъ; *свѣтъ вашъ свѣтитъ предъ человѣками,* такъ, *чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго*! (Матѳ. 5, 16.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ШЕСТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	*Напечатано.*	*Читать должно.*
2	15.	малознающія	малозначущія
9	22.	любезнѣе	любезна
149	12.	соениняются	соединяются
173	23.	молимъ	молитъ

